

2
335

**ЗАРУБЕЖНЫЕ
МАРКСИСТЫ
О РЕЛИГИИ
И ЦЕРКВИ**

ЗАРУБЕЖНЫЕ МАРКСИСТЫ О РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1975**

Составители: доктор философских наук Л. Н. ВЕЛИКОВИЧ
и кандидат философских наук Л. П. КУРПАКОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Классики марксизма-ленинизма оставили нам в качестве наследия основные принципы, на базе которых марксистские партии разрабатывают ныне вопросы теории и практики научного атеизма в тесной связи с задачами антиимпериалистической борьбы трудящихся. Следуя этим принципам, они ведут непримиримую борьбу против различных клерикальных антимарксистских концепций, раскрывая их социально-классовый смысл и показывая их научную несостоятельность, несовместимость религиозного учения и научной теории марксизма-ленинизма.

В книге показано влияние различных процессов, происходящих в мире, на религию и церковь. Бесспорным является то, что церковь оказалась лицом к лицу с качественно новыми сдвигами в идеологических структурах всего человечества. Характеризуя суть этих изменений, марксисты отмечают, что одним из глубоких процессов, совершающихся на протяжении последних десятилетий, является неуклонный упадок религии. Это тесно связано с прогрессирующим загниванием мировой капиталистической системы. Обострение экономического и политического кризиса капитализма наглядно демонстрирует неспособность буржуазного строя и церкви как его института найти средства решения тех насущных проблем, которые стоят сейчас перед человечеством. Все более широкие массы приходят к пониманию того, что социализм — это магистральный путь всеобщего социального прогресса.

В книге читатель найдет глубокий и всесторонний анализ многих проблем, которые волнуют сейчас коммунистические и рабочие партии, в частности освещение такой важной проблемы, как сотрудничество между коммунистами и христианами, между верующими и неверующими в борьбе за демократию, мир и социализм. Это проблема не новая, но сейчас она стоит с

особой остротой, будучи непосредственно связанной с политикой и практикой борьбы коммунистических партий за социальный прогресс.

В свое время Ленин говорил, что нельзя объявлять войну религии, это было бы только анархистской фразой, нужно бороться за сплочение и объединение всех трудящихся, независимо от их верований, в борьбе против реального врага — капитализма и империализма. Только такая борьба на деле способствует освобождению масс от гнета религии. Читатель найдет в книге много примеров подлинно творческого отношения марксистов к проблемам религии и церкви. Творческое отношение коммунистов к этим вопросам обеспечило прогресс в деле укрепления единства с верующими и привело к значительным успехам в классовой борьбе, в борьбе за национальную независимость и мир во всем мире.

Во многих материалах, публикуемых в данной книге, указывается также, что современные стратеги империализма ищут более гибкие формы использования религии в идеологической борьбе против коммунизма. Важная роль отводится ей в планах идеологического проникновения в социалистические страны, «размягчения» коммунизма, «наведения мостов», «тихой контрреволюции», «конвергенции» социалистической и капиталистической систем и т. п. Нередко новейшие формы антикоммунизма получают религиозную окраску.

Большой интерес представляют опубликованные в книге статьи ученых-марксистов, в которых анализируется сущность религии, ее функции в современном обществе, указываются пути и условия ее окончательного преодоления.

И хотя стремление представить атеистическую мысль зарубежных марксистов в концентрированном виде обусловило то, что ряд материалов приведен в данном сборнике в фрагментах, отрывках из выступлений, в сокращенных вариантах статей, но, собранные воедино, они дают цельное представление о современном уровне теории и практики научного атеизма за рубежом. Перед нами издание, представляющее большой интерес для наших пропагандистских кадров.

А. Окулов, доктор философских наук

ВЕРУЮЩИЕ И НЕВЕРУЮЩИЕ
В БОРЬБЕ ЗА МИР,
ДЕМОКРАТИЮ И СОЦИАЛИЗМ

ФРАНЦИЯ НАРОДНОГО ФРОНТА И ЕЕ РОЛЬ В МИРЕ

ИЗ ДОКЛАДА НА IX СЪЕЗДЕ
ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
АРЛЕ. 25—29 ДЕКАБРЯ 1937 г.

МЫ ПРОТЯГИВАЕМ РУКУ

Упорно добиваясь единства французского народа, наша партия обратилась с открытым призывом к трудящимся-католикам, а также к молодым людям и ветеранам войны, обманутым демагогией де ла Рока¹.

Разрешите мне напомнить этот призыв, сделанный по парижскому радио 17 апреля 1936 г.:

«Мы, атеисты, протягиваем тебе руку, католик,— рабочий ли ты, служащий, ремесленник или крестьянин, потому что ты — наш брат и тебя одолевают те же заботы, что и нас.

Мы протягиваем тебе руку, ветеран войны, вступивший в организацию «Боевые кресты», протягиваем руку потому, что ты сын нашего народа, что ты, как и мы, страдаешь от беспорядка и коррупции, что ты, как и мы, не хочешь, чтобы наша страна была ввергнута в пучину разорения и катастрофу.

Мы — великая коммунистическая партия, состоящая из преданных своему делу членов, которые бедны и никогда не были замешаны в каких-либо скандальных аферах и которых нельзя подкупить. Мы — борцы за самый чистый, самый высокий идеал, который только могут представить себе люди».

Не считаете ли вы, что этот призыв против коррупции, за честность, обращенный к добропорядочным сторонникам полковника-графа, который, как это теперь доказано, был тайным и платным агентом у Тардье², что этот призыв, как никогда, актуален и по-прежнему заставляет задумываться тех, кому он адресован?

¹ *Де ла Рок* — полковник, основатель фашистской организации «Боевые кресты». Эта организация действовала во Франции с 1927 по 1936 г. Была распущена правительством Народного фронта.

² *Тардье Андре* (1876—1945) — французский буржуазный политический деятель. В 1929—1930 и 1932 гг. возглавлял французские правительства, проводившие враждебную Советскому Союзу политику.

Что касается руки, протянутой католикам, то этот вопрос вызвал огромный, можно сказать, жгучий интерес. Об этом свидетельствует большое количество статей и даже книг, написанных за и против, горячее одобрение одних и резкое осуждение других, а также широкое распространение тиража (свыше 200 тыс.) брошюры с текстом последней речи по этому поводу. Однако я надеюсь, что съезд не сочтет излишними несколько дополнительных замечаний.

Проблема сотрудничества трудящихся — коммунистов и социалистов с их братьями — католиками и другими верующими не нова. Ее ставили уже основоположники международного рабочего движения. Но сейчас она стоит с особой остротой в связи с основным вопросом нашего времени, определяющим всю политику коммунистической партии и все сильнее и сильнее волнующим народные массы: *кто победит — рабочий класс и объединенные демократические силы или фашизм?*

Другими словами, с кем пойдут трудящиеся-католики: станут ли они базой и резервом для фашизма, как это имело место в Австрии и в течение некоторого времени в Германии, в Сааре, или же они окажутся в республиканских траншеях и станут сторонниками демократии, как это имело место в Бельгии во время нашумевших выборов и в стране басков? Вот в чем дело. И эта постановка вопроса значительно выше мелких расчетов ничтожных политиканов, для которых вся мудрость сводится к подсчету избирательных бюллетеней.

Известно, что мы, коммунисты, — сторонники диалектического материализма — не верим в бога. В теоретических вопросах мы в отличие от других никогда не шли и никогда не пойдём на принципиальные уступки. Мы глубоко убеждены, что наше учение дает единственно правильное научное объяснение существованию реального мира и его развитию. Поэтому в пропаганде наших взглядов мы прибегаем исключительно к идеологическому оружию, следуя в этом заветам наших учителей — Маркса, Энгельса, Ленина, заветам Гед¹.

¹ Гед Жюль (1845—1922) — деятель французского и международного социалистического движения, один из основателей французской Рабочей партии, один из лидеров II Интернационала.

К уже известным аргументам в этой области надо добавить сегодня следующую отповедь, которую дал Энгельс Дюрингу. Последний писал:

«Правильно понятая социалитарная система *должна* поэтому... *упразднить* все аксессуары духовного колдовства и, следовательно, все существенные элементы культа».

Религия воспрещается, восклицает Энгельс, и он зло насмехается над горе-философом, не понимающим, что «религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни». Таким образом, надо прежде всего преобразовать общество, а затем только исчезнет «последняя чуждая сила, которая до сих пор еще отражается в религии...»¹.

«Но,— продолжает Энгельс,— г-н Дюринг не расположен ждать, пока религия умрет своей естественной смертью. Он поступает основательнее. Он перебисмаркивает самого Бисмарка: он декретирует еще более строгие майские законы не только против католицизма, но и против всякой религии вообще; он натравливает своих жандармов будущего на религию и помогает ей, таким образом, увенчать себя ореолом мученичества и тем самым продлить свое существование»².

Нельзя объявлять войну религии, это было бы только анархистской фразой, говорил Ленин³. Нужно бороться за сплочение и объединение всех трудящихся, независимо от их верований, в борьбе против реального врага — капитализма и его отвратительного порождения — фашизма.

Нам задавали вопрос: «Не забыли ли вы, что Ленин сказал: «Религия есть опиум народа»?» Нет, мы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328, 330.

² Там же, стр. 330.

³ В статье «Об отношении рабочей партии к религии» В. И. Ленин писал: «Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную *практику*, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 416).

не забыли этого высказывания, которое, кстати сказать, принадлежит Марксу.

Если мы будем оскорблять религиозное чувство рабочих-католиков, издеваться над отправлениями культа, то мы ни на шаг не продвинемся в деле столь необходимого единства и не убедим в своей правоте ни одного верующего рабочего. Это мы говорили на Национальной конференции в Иври в июне 1934 г., когда не советовали устраивать демонстрации против религиозных процессий, которые, между прочим, довольно часто проводятся в городах, где во главе муниципалитетов стоят весьма свободомыслящие радикалы или социалисты. Мы не хотим издеваться ни над одеждой католических священников, ни над знаками и прочими атрибутами франкмасонов. Мы хотим быть по-настоящему свободными как от всякого религиозного влияния, так и от проявлений антирелигиозной нетерпимости.

Но, повторяю, вопрос этот еще более серьезен и глубок. Поскольку церковь распространяет свое влияние на широкие народные массы, то она всегда в той или иной степени подвергалась воздействию больших общественных событий. В прежние времена классовая борьба приобретала и религиозную форму. Разве Реформация не являлась по существу восстанием крестьян и ремесленников против господствующих классов? И сейчас еще бывает, что в некоторых слаборазвитых в экономическом и политическом отношениях странах движения протеста проявляются в религиозной форме. Так обстоит, например, дело в Северной Африке, в частности в Алжире.

Могло ли рождение нового, социалистического мира на одной шестой части земного шара не оказать своего влияния и на церковь? Ведь уже почти полвека тому назад в энциклике папы Льва XIII отмечалось, что международное рабочее движение и «коммунизм — этот призрак, который преследует старую Европу», завоевали сторонников даже среди верующих¹.

А теперь, с появлением фашизма, отрицающего всякую свободу, перед верующими встали новые пробле-

¹ Речь идет об энциклике «Рерум новарум», опубликованной 15 мая 1891 г., в которой впервые было изложено социальное учение католицизма. Основные положения этой энциклики легли в основу последующих социальных документов католической церкви.

мы. Не об этом ли говорят события в Германии и в Испании? ¹ Наши товарищи из Эльзаса могли бы, может быть, в этой связи объяснить один из факторов, предопределивших их недавние успехи.

Согласно марксистско-ленинскому учению нельзя забывать и уроки прошлого. Лишь погрязшие в самодовольстве обыватели могут считать, что мир существует только с того момента, когда они появились на свет, и что их «наука» является откровением «данной эпохи». Эти люди не задумывались над тем, что Ленин советовал молодым коммунистам обогащать свою память «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» ².

На митинге в зале Мютюалите мы привели высказывание Энгельса о роли первоначального христианства ³, что вызвало несколько резких замечаний по нашему адресу. К этим словам Энгельса мы хотим добавить заявление Гед, сделанное им в палате депутатов 24 июня 1896 г.

Отвечая на интерпелляцию одного представителя правых, который обвинил его в клерикализме,— как видите, не нам первым адресованы такие упреки, не правда ли? — Гед, один из руководителей социалистического движения во Франции, заявил:

«Обвинения в клерикализме я не боюсь, оно меня не беспокоит, и все же к христианству, к великому прошлому католической церкви я отношусь правильнее, чем представители центра, вместе с которыми вы все чаще голосуете».

Гед продолжал:

«Мы отказываемся от роли общественных обвинителей по отношению к целому ряду прошлых веков. Мы не игнорируем и не ругаем ни одну из фаз общественного развития. Мы их классифицируем, понимаем их последовательность и последовательно отдаем им должное. Так, в XII веке церковь — *мы охотно это признаем* — сыграла очень большую и очень полезную роль. Именно она была единственной духовной силой, которая могла среди закованных в латы — не только

¹ Имеется в виду захват гитлеровцами власти в Германии в 1933 г. и фашистский мятеж 1936 г. в Испании.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 305.

³ См. Ф. Энгельс. К истории первоначального христианства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 465—492.

в физическом, но и в моральном отношении — людей того времени положить предел повседневному жестоко-стям и зверствам или хотя бы играть роль относитель-ного тормоза»¹.

Нет ничего удивительного в том, что социалисты и коммунисты, прошедшие школу Геддеса и Кашена², зани-мают правильную позицию в вопросе об отношениях с трудящимися-католиками.

Газета местной организации социалистической пар-тии в Рубе сначала нас сильно критиковала, но потом выразила свое согласие с нашей политикой протянутой руки следующим образом:

«Позиция социалистической партии — в Рубе, как и повсюду, — определяется и всегда определялась указа-ниями основоположников социализма.

Мы с радостью принимаем в свои ряды всех трудя-щихся, каковы бы ни были их философские и религиоз-ные убеждения, независимо от того, верят ли они в бога или нет, ходят ли они в костел, кирку и синагогу или не ходят, если только они решили покончить с аго-низирующим буржуазным строем и установить на его развалинах общественную собственность на средства производства.

Если они (молодые социалисты) верят в бога, мы не требуем, чтобы они от этого отказались. Отнюдь нет! Вот рука, которую мы без всяких задних мыслей всегда протягиваем рабочим, как католикам, так и всем остальным».

Это хорошо сказано. Леба и социалисты из Рубе совершенно правы. Но в таком случае непонятно, по-чему другие товарищи социалисты возражают против призыва, обращенного к трудящимся-католикам, про-тив сотрудничества с ними.

Вот заявление, сделанное Леоном Блюмом³ одному католическому еженедельнику, которое не было дове-

¹ *J. Guesde*. Quatre ans de lutte de classes à la Chambre, t. II, p. 193.

² *Кашен Марсель* (1869—1958) — деятель французского и международного рабочего движения, был членом Политбюро ЦК Французской коммунистической партии.

³ *Блюм Леон* (1872—1950) — французский политический дея-тель, лидер французской социалистической партии с момента ее создания в декабре 1920 г. В 1936—1937 гг. возглавлял прави-тельство, опиравшееся на Народный фронт, с декабря 1946 г. по январь 1947 г. был премьер-министром Франции.

дено до сведения рабочих-социалистов органами печати их партии:

«Вы спрашиваете меня, считаю ли я возможным сотрудничество между французскими католиками и правительством Народного фронта? Безусловно, я считаю его возможным... А поскольку оно возможно, не согласятся ли французские католики с тем, что оно и желательно?»

Это желание Леона Блюма осуществилось, по крайней мере частично, так как рядом с ним в правительстве Народного фронта заседает католик Филипп Серр. Итак, по мнению некоторых, в правительстве можно сотрудничать, а на заводе и в деревне нельзя? Что же, они будут одобрять политику Бельгийской рабочей партии, которая поставляет председателей II Интернационалу и почти непрерывно на протяжении 20 лет находится в правительственной коалиции с консерваторами-католиками, и в то же время будут осуждать во Франции рабочих-коммунистов за то, что они протягивают руку своим братьям, рабочим-католикам?

Значит, те, кто возводит атеизм в догму, будут требовать исключения из социалистической партии гражданина Филиппа, депутата от Лиона и ревностного христианина? Или они будут привлекать к ответственности лейбористскую партию, руководители которой читают Библию охотнее, чем «Капитал»?

В 1921 г. бывший мэр Лилля и депутат от этого города Гюстав Делори рассказал в своей книге следующий забавный случай:

«В мае 1910 г. Лилль посетила группа английских социалистов, возглавляемая Кейр-Харди¹. Партия оказала ей великолепный прием, снова проявив свой либерализм.

Действительно, члены этой группы, хотя и были социалистами, в большинстве своем являлись верующими людьми.

Можно было наблюдать любопытную картину: во главе кортежа, возносившего хвалу Христу, шел духовой оркестр социалистической организации Лилля и играл «Интернационал».

¹ Кейр-Харди (1856—1915) — деятель рабочего движения Англии.

Публика сначала была удивлена, но потом разразилась аплодисментами, ибо все одобряли позицию партии».

И теперь все одобряют позицию нашей коммунистической партии, единственная «вина» которой — мы будем это неустанно повторять — заключается в том, что она раньше всех занимает правильную позицию.

Будем же терпеливо добиваться союза между коммунистами и католиками, протестантами и другими верующими. Наша цель заключается не в том, чтобы вступать в какой-то тайный сговор с князьями церкви. Наша цель — *единство народных масс в борьбе за лучшую жизнь, за свободу и мир*. А это значит, что коммунисты должны не только пропагандировать политику протянутой руки, но также — и это главное — приобщать католиков к своей борьбе и добиваться совместных действий с ними.

Вовлечь в борьбу за дело народа всех трудящихся можно только путем практических совместных действий, благотворные результаты которых будут все шире и шире сказываться вокруг нас. Тех, кто в силу своих предрассудков остается еще вдали от нас, мы будем привлекать на сторону Народного фронта и коммунизма по мере того, как будем им показывать, что наш благородный идеал — коммунизм — вдохновляет на самоотверженность и благодеяние, по мере того, как будем показывать, что нигде больше они не найдут такого источника чистых и возвышенных чувств.

Еще несколько слов, чтобы напомнить нашу точку зрения по вопросу о школе.

Мы — люди свободомыслящие. Мы — воспитанники светской школы. Большинство из нас кончило только светскую школу в своей деревне. Мы всегда поддерживали и будем поддерживать светскую школу и ее педагогический персонал и считаем, что он выше всяких похвал. Но мы не заменим слово «бог» на слова «светский характер обучения». Как защитники светских законов, мы являемся сторонниками свободы обучения. Мы против монополии в этой области и против процентной нормы.

Вышесказанное должно рассеять все недоразумения, если они еще существуют, по вопросу о нашей политике.

Печатается по книге Морис Торез.
Избранные статьи и речи. 1930—
1964 гг. М., 1966, стр. 106—112.

КОММУНИЗМ И РЕЛИГИЯ

ИЗ ОТЧЕТНОГО ДОКЛАДА XII СЪЕЗДУ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЧИЛИ
САНТ-ЯГО. 13—18 МАРТА 1962 г.

...Мы убеждены, что все люди избавятся от религиозных верований. Это может произойти и произойдет только длительным путем, через много лет, когда на высших этапах развития коммунистического общества познание законов природы и развития общества осветит умы всех людей. Следовательно, смешно отождествлять коммунизм с репрессивными мерами против верующих. Если в некоторых социалистических странах и были приняты меры, которые задели тех или иных католиков или представителей других религий, то это не затронуло их права на отправление религиозных обрядов. Эти меры были направлены против преступлений, которые они совершали.

В этой области мы, коммунисты, проявляем бóльшую терпимость, чем, например, католики, которые позволяли и позволяют себе все, кроме взаимопонимания между католиками и коммунистами и братского отношения друг к другу.

Мы, коммунисты, согласны со следующими словами депутата христианского демократа Патрисьо Уртадо: «Марксист-сектант, не желающий работать с католиками, столь же плох, сколь плох католик, не желающий работать с марксистом». Что касается нас, коммунистов, последовательных марксистов, то у нас нет таких оговорок. У нас их нет, например, в вопросе о совместных выступлениях с христианскими демократами во всех грядущих боях, включая борьбу за создание народного правительства...

*Печатается по книге «XII съезд
Коммунистической партии Чили
(Сант-Яго. 13—18 марта 1962 года)».
М., 1963, стр. 53.*

КОММУНИСТЫ, КАТОЛИКИ И БОРЬБА ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

ЛЕКЦИЯ, ПРОЧИТАННАЯ В БЕРГАМО

20 МАРТА 1963 г.

Прежде всего хочу предупредить, что не собираюсь устраивать предвыборный митинг. Я был бы лицемером, если бы сказал, что не буду останавливаться на важных вопросах, которые сейчас обсуждаются общественностью и являются содержанием предвыборной борьбы. Я намерен, однако, сделать это в форме беседы, которая могла бы вызвать размышления, дальнейшую дискуссию, углубление данной темы, но не была бы направлена на непосредственное привлечение на свою сторону или оспаривание каких-либо взглядов.

1. Предлагаемая тема касается отношений и, по существу, встречи между коммунистами и католиками, но не в ближайшем будущем, а в более отдаленной перспективе. Ее могут увидеть те, кто совершенствуется в изучении глубоких преобразований, происходящих на наших глазах в настоящее время, и тех, которые готовятся и произойдут с такой быстротой, которую не все предвидят.

Добавлю тут же, что в мои намерения не входит проводить сравнение идеологий, религиозной, с одной стороны, и марксистской — с другой. Это идеологии, имеющие разные исходные позиции, даже если по определенным проблемам они могут прийти к сходным выводам. Мы, однако, всегда отвергали попытки предвещать сближение между коммунистами и католиками на основе какой-либо формы компромисса между этими двумя идеологиями. Этого компромисса нельзя найти и нужно рассматривать коммунистический и католический мир как комплекс реальных сил (государства, правительства, организации, взглядов индивидуумов, различной природы движения) и изучить, возможны ли в свете развития революции нынешнего периода и будущих перспектив, и если да, то каким образом — взаимопонимание, взаимное признание цен-

ностей и, следовательно, согласие, а также соглашение ради достижения общих целей, поскольку они необходимы, крайне необходимы всему человечеству.

Мы отвергли попытки невозможного идеологического компромисса даже в условиях наличия в наших рядах, безусловно, весьма большого числа верующих — несомненно, большинства из общего числа членов партии. Как и для всех коммунистических партий, основой для приема в нашу партию является программа, за осуществление которой мы боремся и которую, несомненно, может принять и верующий.

«ОСНОВНЫЕ ОШИБКИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Естественно, мы знаем, что наши теоретические положения в различные моменты осуждались церковью и до нашего нынешнего бурного развития. Вспомним папские документы прошлого и нынешнего веков. В «Силлабусе», относящемся к 1864 году, среди «основных ошибок нашего времени» отмечаются как «зловоние» и осуждаются в одном и том же параграфе «социализм, коммунизм, тайные общества, библейские общества, клерикально-либеральные общества». Так что следует и в этой области учитывать дух времени.

Иногда, однако, обвинительным тоном нам говорят, что и мы являемся верующими, более того, что мы представляем собой церковь. Это правильно в том смысле, что у нас есть вера, то есть уверенность, что социалистическое преобразование общества, за которое мы боремся, является не только необходимостью, но и задачей, мобилизующей лучшую часть человечества, уверенную в успехе. Мы верим: человек должен стать хозяином природы, что является библейской задачей, указанной человеку самим богом в книге Бытия¹. Сам Иоанн XXIII в словах, посвященных советским космонавтам, после чудесного космического плавания летом прошлого года превозносил эту задачу, и его слова были почти молитвой за прогресс в познании и покорении природы. Мы, однако, утверждаем, что человек должен стать также хозяином общества и его развития, отняв их у власти эгоизма, произвола, насилия, эксплуатации. Он должен создать общество, соот-

¹ Бытие. 1 : 26.

ветствующее его свободе. Мы полагаем, что только таким образом можно прийти к тому полному развитию человеческой личности, которое является целью всей истории людей. Следовательно, можно сказать, что наша религия является, если хотите, религией человека, достигшей совершенства. По мнению верующего, кроме природы и человека должно действовать нечто сверхъестественное, без чего любое человеческое здание построено на песке... «Если только оно не воздвигнуто богом», как говорит псалом. Но здесь открывается философская дискуссия, в которую мы не хотим вступать.

Я намерен добавить только одно замечание. По отношению к развитию религиозного сознания мы не принимаем больше наивной и ошибочной концепции, согласно которой расширения знаний и изменения социальных структур будто бы достаточно для того, чтобы вызвать радикальные перемены. Эта концепция, порожденная просветительством XVIII века и материализмом XIX века, не выдержала испытания истории. Корни надо искать глубже. Преобразования совершаются по-другому, действительность более сложна. Но и из этих утверждений мы выводим необходимость глубокого взаимопонимания и, следовательно, сотрудничества, прежде всего, в такой момент, как нынешний, когда свершились и подготавливаются те революционные преобразования, к анализу которых мы должны сразу же перейти.

2. Самое глубокое преобразование, столь серьезное, что вызывает страх, произошло в развитии разрушительных видов оружия, созданных человеком.

Задумаемся. Камнем, стрелой ранили и даже могли убить одного человека. Ружейным выстрелом убивали одного человека. Орудийным выстрелом уже может быть убито несколько человек. Одна из бомб, применявшихся в последней войне, могла убить в одно мгновение сотни и тысячи людей — военных или гражданских. Но что бы произошло, если бы над миром разразилась атомная или термоядерная война? Мнение тех, кто рассматривал эту возможность, сейчас единодушно. Сто и больше миллионов погибло бы за несколько минут. Наконец, может быть уничтожена сама возможность того, что в дальнейшем на земле уцелеют люди.

ИСТОРИЯ ЛЮДЕЙ ИМЕЕТ НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Вот мы и столкнулись со страшной, ужасающей «новостью». Сегодня человек не может больше, как в прошлом, только уничтожать других людей. Человек может убить, уничтожить человечество.

Никогда раньше не приходилось сталкиваться с этой проблемой, исключая пылкую фантазию поэтов, пророков и мечтателей. Сейчас это реальность. Человек стоит перед новой, ужасной пропастью. История людей приобретает новое измерение, которого она никогда не имела. И новое измерение приобретает, следовательно, вся проблематика отношений между людьми, их организациями и государствами, в которых эти организации достигают высшей степени развития. Война становится не тем, чем она была когда-либо прежде. Она становится возможным самоубийством всех, всех людей и всей их цивилизации. А мир, о котором всегда думали, как о благе, становится чем-то бóльшим и другим: он становится необходимостью, если человек не хочет уничтожить самого себя. Но признание этой необходимости не может не означать полного пересмотра политических курсов, общественной морали, а также частной морали. Перед лицом конкретной угрозы общего уничтожения сознание общности природы человека проявляется с новой силой.

Из этого вытекает наша позиция, призыв, с которым мы обратились к католическому миру в 1954 году, когда уже вырисовывалась эта новая ситуация, которую весь последующий ход событий сделал постепенно еще более актуальной.

Вот каким был характер этого обращения:

«С другой стороны, иногда противопоставляя себя, иногда оригинальным образом переплетаясь с коммунистическим миром, существует мир католических масс, существуют их организации и их руководители. Можно ли найти путь, состоящий не в случайных контактах для разрешения политических вопросов, затрагивающих обе стороны, а в более глубокой встрече, которая может внести решающий вклад в создание этого широкого движения за спасение нашей цивилизации, чтобы не допустить того, чтобы цивилизованный мир, каковым он является сегодня, толкали по американскому пути всеобщего разрушения?.. Пусть

замолчит тот, кто уже приготовился кричать, будто здесь речь идет об обычном обмане. Нет, здесь речь идет о спасении человечества и культуры от разрушения... Мы не просим католический мир прекратить быть католическим миром. Мы выдвигаем доктрину, которая совершенно справедливо считается доктриной о возможности сосуществования и мирного развития, и указываем на последствия, которые сегодня могут иметь место, если мы будем применять эту доктрину в области внутренних отношений только в одном государстве. То есть мы стремимся к взаимопониманию, особенно такому, которое позволит заметить, что сегодня стоит задача спасения цивилизации, для выполнения которой коммунистический мир и католический мир могут стремиться к одним и тем же целям и сотрудничать ради их достижения».

Единственное, что следует изменить в этом обращении, это подчеркнуть безотлагательность такого сотрудничества. А отсюда вытекают ясные позиции и требования: отказ нашей страны от любого типа атомного вооружения, недвусмысленное осуждение политики, основанной на пресловутом равновесии страха, требование неприсоединения, нейтральность по отношению к противостоящим военным блокам и т. д.

Смешно говорить, что это якобы политика трусости, достойная какого-нибудь дона Аббондио. Скорее это политика, достойная Падре Кристофоро, очутившегося перед лицом проблем нынешнего мира.

Отвергнем также исходящее от социалистов утверждение о том, что противостоящие военные блоки являются «объективной реальностью» и, следовательно, нельзя требовать политики, которая не учитывала бы этого. Что значит «объективное»? Это то, что связано с базовой структурой общества и, следовательно, имеет свои законы развития, продиктованные реальной необходимостью. Если допустить, что таковыми являются нынешние военные блоки, любое требование действительной политики мира становится бесполезным. Люди прямехонько скатываются на позиции тех, кто утверждает, что до тех пор, пока существует империализм, невозможно завоевать прочный мир. В заключение следуют утверждения о неизбежности, в сущности, войны — позиция, с которой мы открыто и энергично боремся. Нынешние военные блоки должны,

напротив, рассматриваться как временное явление, возникшее при определенных обстоятельствах и условиях. Это положение может и должно быть изменено и ликвидировано с помощью широких и сознательных действий людей, политических и социальных сил, народов, а также и правительств.

СТРАШНАЯ ПЕРСПЕКТИВА, НАВИСШАЯ НАД ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ

Эти действия сегодня необходимы, крайне необходимы, и они являются первой очной ставкой и испытанием решающего значения перед лицом страшной перспективы, нависшей над человечеством. К этому мы призываем католические силы. Это должно послужить началом дискуссии, поиска, взаимопонимания. Чтобы спасти человечество путем сохранения мира, здесь больше, чем в любой другой области, необходимо согласие, сотрудничество между людьми, которые создавали бы свою высшую задачу и руководствовались доброй волей.

Но имеются препятствия, пришедшие из недавнего прошлого, которые следует вскрыть и преодолеть.

3. Поразмислим немного над тем, как шли дела в интересующей нас области в последние два десятилетия.

Люди вышли из ужасного испытания периода фашизма и второй мировой войны потрясенными, полными не только надежд, но и страха, ошеломленными масштабом катастрофы, которая на них обрушилась. Они склонны, следовательно, поддаваться воздействию иррациональных и фальшивых проповедей, эмоциональных и незамысловатых по характеру.

Война вызвала, далее, огромную диспропорцию в территориальном распределении богатств, производственных мощностей и власти в мировом масштабе. Все или почти все европейские страны, от Атлантического океана до Урала, были опустошены. Соединенные Штаты Америки, напротив, вышли из войны без значительного материального ущерба, с безграничной промышленно-производственной мощностью и с богатствами, которые, казалось, могли удовлетворить потребности всех. Они обладали монополией на атомное оружие и были убеждены, что она будет сохраняться в

течение целого исторического периода. На этой основе их правящий класс начал открытую борьбу за завоевание мирового господства. Страны, где прекратил свое существование капиталистический режим и где победил социализм, как Советский Союз, должны были быть всеми средствами отброшены назад. Социализм и коммунизм должны были быть уничтожены. Другие страны должны были быть сведены к единому образцу — капиталистическому, препятствуя любой глубокой реформе и преобразованию их экономических, политических и общественных структур. Таким образом, сложилась обстановка, которая опрокинула ход событий, начавшихся в борьбе против фашизма. Она характеризовалась во всем мире глубоким переломом и обостренными противоречиями. Началась «холодная война».

Какой была тогда позиция католической церкви? Она соответствовала старым принципам так называемой «эры Константина».

Константин был тем великим императором, который перед лицом кризиса государства и общества, выразившегося, в частности, в принятии массами новой христианской религии, нашел спасение, признав, с одной стороны, христианство в качестве государственной религии и добившись, с другой стороны, освящения государства церковью. Так создавались условия того союза между духовной и светской властью, который длился в течение многих веков, хотя и в условиях суровой борьбы, распри и кризисов.

Церковные власти, следуя этой древней традиции, присоединились к политическим позициям, провозглашенным США, сделавшись, таким образом, оплотом определенного политического и общественного уклада. Так развернулся, как я бы его назвал, последний из крестовых походов, антикоммунистический и антисоциалистический крестовый поход. В этой борьбе были использованы все виды оружия, духовные и мирские: отлучение, осуждение, произносимые с высших кафедр, и политическая дискриминация, запрещение передовых рабочих партий, приговоры и их исполнение. Со стороны коммунистов также проявлялась резкость и совершались ошибки. Шла борьба не на жизнь, а на смерть, и не все удары могли быть соразмерены. В результате этого в людских массах, среди последовате-

лей различных политических и социальных убеждений, образовались глубокие борозды, которые до сих пор не выравнены. Что касается необходимости взаимопонимания и возможности согласия ради общих целей, то здесь было совершено попятное движение, равное целой эпохе.

В период антифашистского Сопротивления коммунисты и католики были рядом, помогали друг другу. В освободительную войну они сражались рука об руку. Они совместно выработали великие демократические и социальные принципы республиканской конституции. После осуществления ломки, о которой мы говорили, дальнейшее необходимое сотрудничество стало невозможным и, следовательно, стало невозможным осуществление того, что было основной целью движения Сопротивления: смена правящего класса и приход к руководству новых сил народа, объединенных задачами создания более справедливого социального строя. Руководители христианско-демократической партии бросились очертя голову в антикоммунистическую борьбу, ориентируясь на контакт и союз с «четвертой партией» старого привилегированного класса. Они получили ее полную поддержку, и таким образом был восстановлен старый капиталистический строй, со всеми его внутренними противоречиями, пороками, нищетой, эксплуатацией, угнетением неимущих классов.

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КОММУНИСТИЧЕСКИМ И КАТОЛИЧЕСКИМ МИРОМ

Однако, учитывая угрозу, которая висит над человечеством, с одной стороны, и этот комплекс новых фактов и позиций — с другой, мы обращаемся ко всем католическим силам. Мы призываем их к размышлениям, диалогу, дискуссии, к возможному согласию ради целей, которые не могут не быть общими для всех людей. Мы призываем их вспомнить о нашей общей человеческой природе, природе цивилизованных людей, долг которых объединиться и сотрудничать ради спасения и цивилизации и самого человечества от ужасающих катастроф.

5. То, что сказано до сих пор, возможно, является самым важным моментом. Но оно не исчерпывает

область нашей дискуссии. Мы призываем католических трудящихся и деятелей культуры сделать предметом размышлений то, что происходит даже в наиболее передовых странах в области экономических и социальных структур. Старые либеральные позиции, против которых выступали иногда и католические школы, больше нетерпимы. Понятие демократии и демократических институтов наполняется новым содержанием, которое охватывает руководство экономической и социальной жизнью. Но наблюдается большое запоздание. Структуры развились быстрее сознания людей. Случилось так, что допустили подчинение все увеличивающейся части экономической жизни руководству небольшого числа привилегированных групп, которые действуют в своих исключительных интересах, а не в интересах общества. Случилось так, что даже тогда, когда достигался значительный прогресс, например в промышленности, он сопровождался огромными диспропорциями и настоящими прорывами в других областях, усилением противоречий между социальными группами и между одной и другой частью страны, разорением мелких и средних крестьянских хозяйств, беспорядочным и связанным с трудностями перемещением населения и т. д. Разве можно идти вперед по этому пути? Это означает идти навстречу все большим трудностям. С другой стороны, экономические преобразования имеют тенденцию к постепенному ускорению, а общественный характер всего производственного процесса — к усилению. Демографическое давление, усиливающееся во всем мире, развитие производительных сил, поразительный и очень быстрый прогресс техники — все это факторы, действующие в этом направлении. Следовательно, все более безотлагательным является организованное и сознательное вмешательство людей для руководства этим процессом; надо направлять его так, чтобы он осуществлялся на пользу всему обществу. Даже последняя энциклика церкви на социальные темы признает эту необходимость, хотя и делает это с излишней осторожностью и неудовлетворительным образом¹. Подлинной проблемой, со все большей силой выдвигающейся на передний план и

¹ Имеется в виду энциклика папы Иоанна XXIII «*Mater et magistra*» («Мать и наставница»), 1961 г.

требующей своего решения, является переход к обществу, которое было бы организовано и руководилось на основе новых принципов. Речь идет не о подавлении свободной инициативы мелких землевладельцев или мелкого и среднего предпринимателя. Речь идет о признании необходимости объединения усилий и наличия плана развития, отвечающего коллективным нуждам. Это основные понятия социалистического учения, которые находят признание. Таким образом, выдвигается на первый план и утверждается именно способность людей глубоко познать, руководить и наложить печать справедливости и прогресса на всю экономическую и общественную жизнь.

ЗАПАДНЫЙ МИР И КАТОЛИЧЕСКИЙ МИР

Присмотритесь к положению человека в капиталистическом обществе, даже в высокоразвитом и достигшем значительного уровня потребления. Эксплуатация не прекращается ни на минуту в этом обществе. В жизни рабочих, мелких земледельцев и даже лиц свободных профессий всегда бывают неуверенность и трудности, вызываемые господством эксплуататоров, привилегированных классов, крупных монополистических групп над всем обществом, над рынком труда, над кредитом, над ценами, над капиталовложениями, над участками земли для строительства и т. д. Посмотрите, каковы трудности нынешней жизни, в то время как превозносится достигнутый прогресс. Существование тех, кто живет только своим трудом, стало во многих отношениях более трудным, более тяжелым. Жизнь семей расстраивается. Женщина, поступив на производство, не находит вокруг себя в цивилизованном обществе той поддержки и помощи, которые ей были бы нужны, чтобы жить по-новому, достойно. Промышленность выбрасывает на рынок огромное количество предметов потребления, а общественная жизнь устроена так, что не все должны пользоваться ими. Однообразие техники порождает искусственное однообразие жизни людей. Это однообразие постепенно завоевывает и их сознание, подавляет их, делает их чуждыми самим себе, ограничивает и убивает их инициативу, свободу выбора и развития.

Верующий, констатируя такое положение, говорит, что это постепенно все более сужается сфера религиозного начала. Мы говорим, что личность человека калечат и подавляют, и этой перспективе развития капитализма даже в наиболее передовых странах мы противопоставляем перспективу движения к социалистическому обществу. Социалистическое общество — это новое общество, богатое благодаря высокому потреблению, развитию образования и культуры, но прежде всего благодаря уничтожению эксплуатации и, следовательно, борьбы между людьми, часто смертельной, за благосостояние и богатство. Это общество, цель которого — дать всем людям необходимые блага для спокойной мирной жизни, для их роста. Это общество, которое призывает людей работать вместе, сотрудничать для решения экономических и социальных проблем, общество, которое призывает их всех содействовать делами решению судьбы всего человечества.

Сейчас в литературе и других формах искусства все чаще отмечается одиночество современного человека, которому даже тогда, когда он имеет возможность располагать всеми благами земли, все же больше не удастся иметь общение с другими людьми. Он чувствует себя как бы запертым в тюремной камере, из которой он не может выйти. Такова, я считаю, судьба человека в обществе, исключаяющем его из участия в социальном строительстве, которое должно быть общим делом всех. Капиталистические демократии не решают этой проблемы. Только в социалистическом обществе человек больше не одинок, а человечество действительно становится жизнеспособной единой силой с помощью всестороннего развития личности всех людей и их постоянного органического участия в общем деле.

Но как вы ставите проблему свободы, говорят нам, вы, которые хотите установить диктатуру? Диктатура для нас является научным выражением понятия «блок господствующих социальных сил», который всегда существует в любом обществе. Тот блок, к которому мы стремимся, — это блок всех трудящихся классов, занятых и физическим и умственным трудом. Им надлежит управлять всей общественной жизнью.

Но католическая идеология вовсе не отвергает понятия диктатуры. Это признавал отец Ленер в одной

из работ, опубликованных в «Чивильта каттолика»¹, где он говорил буквально следующее:

«Диктатура сама по себе не является злом и совсем не является им, когда значительная часть народа согласна с ней, из-за невозможности удовлетворить другим способом жизненно важные требования сохранения государства и преобразования своего отжившего политического режима без применения революционного насилия».

Если учесть обстоятельства, которые в Советском Союзе и других странах заставили уничтожить насилие реакционных классов, применив против них такое же оружие, то в этом отрывке можно найти указание на то, что нужно было делать для перехода от отсталых реакционных порядков к демократическому и социалистическому строю.

Впрочем, в Советском Союзе сейчас говорят уже не о диктатуре, а об общенародном государстве, и мы давно утверждаем и доказываем, что в нашей стране на базе демократических и социальных завоеваний, достигнутых победой антифашистского движения Сопротивления и записанных в нашей конституции, можно идти к режиму социальной справедливости, не отходя от основы — демократических учреждений и их развития в экономической и социальной области. Обращаясь к католическим трудящимся и деятелям культуры, мы поддерживаем эту позицию и настаиваем на ней.

В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕК БОЛЬШЕ НЕ ОДИНОК

6. Из всего того, что я сказал, напрашивается ясный вывод. Католический мир не может быть нечувствительным к новым изменениям, которые приобретает мир в области отношений между государствами, руководства экономической деятельностью, утверждения и завоевания новых форм демократической жизни, перспективы движения к человеческому обществу, которое бы достигло нового единства, основанного на прекращении всякой эксплуатации, на труде, на соз-

¹ «La civiltà cattolica» — журнал итальянских иезуитов, издается 2 раза в месяц.

нательном равенстве, на всестороннем свободном развитии человеческой личности. Неверно, будто религиозное сознание препятствует пониманию этих задач и этой перспективы и принятию их. Напротив, мы утверждали и упорно продолжаем утверждать, что «стремление к социалистическому обществу не только может найти путь к сердцам людей, исповедующих какую-либо веру, но что такое стремление может найти стимул в самом религиозном сознании, столкнувшемся с драматическими проблемами современного мира». Отсюда вытекает наш призыв к взаимопониманию и к согласию.

Сегодня идет тяжелая предвыборная битва. Все стороны проявляют тенденцию к большей жестокости. Правящая христианско-демократическая группа делает скачок назад на десятки лет, еще раз прячась за стеной антикоммунистической агитации. И группы, которые в мире католических организаций придерживались нового курса, позиций, открытых для соглашения с передовыми народными силами, отступили назад, к традиционной политике дискриминации и консерватизма. Это происходит, однако, и потому, что они не сумели и не захотели найти контакт с наиболее передовыми силами рабочего и демократического движения; потому, что они также приняли и испытали старые антидемократические препятствия и дискриминации. Между тем именно в этом контакте нуждаются все, кто стремится к политическому и социальному обновлению, кто действительно хотел бы, чтобы была начата и продолжалась та народная политика, которую — по признанию секретаря христианско-демократической партии — хочет и способна проводить только наша партия.

Со всех точек зрения, с которых бы она ни рассматривалась, проблема отношений между католическим и коммунистическим миром является центральной. Нужно решить ее положительно, на благо трудящихся и всего человечества. Мы хотим, чтобы она была решена положительно, и трудимся для такого решения. Даже на самые сумасбродные антикоммунистические нападки мы отвечаем с необходимой энергией, но в то же самое время повторяем, что не желаем ссоры между католиками и коммунистами, ибо она нанесла бы ущерб всем и прежде всего тому делу, за

которое мы боремся,— делу мира, спасения нашей цивилизации, приходу к власти трудящихся классов, строительству нового общества.

Печатается по книге Пальмиро Тольятти. Избранные статьи и речи, т. II (Декабрь 1956 года — 1964 год). М., 1965, стр. 837—853.

ЛУИДЖИ ЛОНГО

НОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЦЕРКВИ — БЛАГОДАТНАЯ ПОЧВА ДЛЯ ДИАЛОГА

ИЗ ДОКЛАДА НА XI СЪЕЗДЕ
ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

РИМ. 25—31 ЯНВАРЯ 1966 г.

...Принципиальное заявление собора о полной независимости церкви от какой бы то ни было политической системы, откуда вытекает критика принципа политического единства католиков и самой концепции «католической партии», имеет чрезвычайно важное значение с точки зрения тех политических последствий, к которым могло бы привести это заявление. Было бы ошибочно ожидать от этих новых установок церкви механических последствий в политическом плане в отношении того, что касается положения в Италии; но было бы совершенно ошибочным не оценить и не учесть их значения и заключающихся в них возможностей нового развития.

Эти установки и указания представляют плодотворную почву для диалога, сравнения, а также для встречи с трудящимися и демократами — католиками. В свете этих соображений совершенно ошибочным выглядит также выдвинутый некоторыми товарищами тезис о том, что диалог между марксистами и католиками может вестись только между трудящимися-коммунистами и трудящимися-католиками, поскольку и те и другие являются трудящимися. Тем не менее на пути достижения классового единства трудящихся ставились препоны, вытекающие из определенного понимания христианской религии. Однако под мощным влияни-

ем социалистических и антиимпериалистических побед рабочего класса и угнетенных народов происходит определенное преодоление идейных консервативных позиций, которые превращали религиозную идеологию в опиум для народов, преодоление, происходящее в рамках чаяний, которые утверждаются еще как религиозные и христианские, и являющееся результатом нового метода, с которым церковь подходит к основным проблемам современного мира. Мы убеждены в том, что на данном историческом этапе глубокое христианское сознание склонно вступать в противоречие и в конфликт с условиями свойственной капиталистическому обществу эксплуатации, ограничения свободы и достоинства человеческой личности и что благодаря этому христианское сознание становится доступным влиянию социалистических идей.

Мы вновь утверждаем, что стоим за полное уважение религиозной свободы, свободы совести для верующих и неверующих, для христиан и нехристиан. Мы считаем окончательно закрепленным для Италии тот конституционный принцип (сформулированный лично товарищем Тольятти в сотрудничестве с депутатом Доссетти), согласно которому государство и церковь, каждое в своей области, являются независимыми и суверенными.

Мы считаем, что сохранение религиозного мира может явиться, помимо прочего, конкретной помощью в деле развития социалистического общества, поскольку может способствовать лояльному и плодотворному участию всех верующих в создании общества, свободного от эксплуатации. Разумеется, что мы выступаем за действительно и полностью светское государство. Так же, как мы выступаем против церковного государства, мы выступаем и против государственного атеизма, то есть мы против того, чтобы государство предоставляло какие бы то ни было привилегии определенной идеологии, философии, религиозной вере, культурным и художественным течениям в ущерб другим.

Мы считаем, что, поскольку социалистическое государство является выражением интересов рабочего класса и трудящихся классов вообще и поскольку именно под руководством этих классов произойдет преобразование экономических и социальных основ, политических и гражданских порядков, то в условиях со-

циалистической демократии не может не создаться новая моральная и культурная обстановка, призванная оказать глубокое влияние на нравы, идейные направления и чувства людей. И вот тут-то мы и задаем католикам вопрос: разве нельзя и не надо совместно искать точки сближения и сотрудничества между нами, чтобы прийти к совместному созиданию нового общества, свободного от войны, от эксплуатации и от нищеты? Мы не ограничиваемся тем, что предлагаем католикам лишь соглашение по программе-минимум. Мы предлагаем начать более широкий разговор, который затрагивал бы также и социалистическую перспективу.

Мы готовы обсудить эту перспективу без предубеждений и догматизма, с искренней верой в тот вклад, который может быть внесен в создание и определение структуры нового общества другими идейными силами, и прежде всего католическими силами. Не будем забывать, что новое, социалистическое общество будет не только таким, каким хотим его видеть мы, коммунисты, но и таким, каким хотят его видеть те, кто будут способствовать его созиданию, а в известном смысле его черты и отдельные аспекты будут зависеть и от степени сопротивления тех, кто выступят против его построения.

*Печатается по книге «XI съезд
Итальянской коммунистической партии
(Рим. 25—31 января 1966 года)». М., 1966, стр. 67—70.*

ЛУИДЖИ ЛОНГО

ИЗ РЕЧИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ

КАРЛОВЫ ВАРЫ. 24—26 АПРЕЛЯ 1967 г.

...В этих условиях и в этой атмосфере мы считаем своей обязанностью обратиться к сознательности и инициативе католических масс. Именно такие действия мы выдвигаем в качестве политики диалога с католиками. Конечно, мы не рассчитываем добиться при

помощи такого диалога невозможного примирения между абсолютно различными философскими и идеологическими концепциями коммунистов и католиков. Но мы считаем, что, несмотря на различие этих концепций, возможно прийти к выводам, которые не только могут не быть противоречивыми, но, наоборот, во многом совпадать в отношении самых важных и неотложных вопросов, волнующих сегодня человечество, таких, как защита мира и борьба против империализма и колониализма. Вот почему мы согласны с оценкой, сформулированной в предложенном нам документе¹; речь идет о той его части, где говорится, что совместные действия коммунистов, социалистов и католиков в пользу европейской безопасности могут стать очень важным фактором защиты мира на нашем континенте.

Что касается нас, то мы придаем этой оценке особое значение и особую важность...

Печатается по книге «Конференция европейских коммунистических и рабочих партий по вопросам безопасности в Европе. Карловы Вары. 24—26 апреля 1967 г.». М., 1967, стр. 227.

ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

ИЗ РЕЧИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ

КАРЛОВЫ ВАРЫ. 24—26 АПРЕЛЯ 1967 г.

...Раньше я уже коснулась деятельности католиков в Испании. Относительно этого вопроса мы утверждаем, что нельзя закрывать глаза на те изменения, ко-

¹ Имеется в виду Заявление европейских коммунистических и рабочих партий — участниц конференции в Карловых Варах «За мир и безопасность в Европе» (см. «Конференция европейских коммунистических и рабочих партий по вопросам безопасности в Европе. Карловы Вары, 24—26 апреля 1967 г.». М., 1967, стр. 279).

которые происходят в католической церкви, хотя, может быть, некоторых товарищей и напугает такая постановка вопроса и они сочтут это ересью испанских коммунистов.

Энциклика «Мир на земле»¹, второй Вселенский собор Ватикана и последняя энциклика «Прогресс народов»² представляют собой важные шаги католической церкви в ее стремлении приспособиться к современной эпохе, когда наряду с капиталистической системой могучей реальностью стал социализм, оказывающий большое влияние на все стороны современной действительности. Внутри католического движения возникают широкие слои, которые ориентируются на будущее и переходят на благожелательные позиции в отношении демократии и социализма.

В настоящее время в Испании эти тенденции имеют большое значение. Речь идет о тенденциях, признающих классовую борьбу и необходимость устранения капитализма путем этой борьбы. Силы, которые проявляют такие тенденции, провозглашают необходимость борьбы, осуждают покорность и наиболее неприглядные черты религии. Они заявляют о решимости действовать бок о бок со своими «братьями коммунистами» в целях преобразования общества. Католическое движение такого характера в настоящее время играет в Испании положительную роль в борьбе за демократию...

Печатается по книге «Конференция европейских коммунистических и рабочих партий по вопросам безопасности в Европе. Карловы Вары, 24—26 апреля 1967 г.». М., 1967, стр. 156.

¹ «Мир на земле» («Pacem in terris») — энциклика папы Иоанна XXIII, посвященная проблемам разоружения и сохранения мира. Апрель 1963 г.

² «Прогресс народов» («Populorum progressio») — энциклика папы Павла VI, посвященная главным образом проблемам помощи развивающимся странам. Март 1967 г.

ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ДИАЛОГА МЕЖДУ МАРКСИСТАМИ И ХРИСТИАНАМИ

I

Диалог между марксистами и христианами — одно из примечательных явлений последнего времени. Он охватывает все более широкие круги христиан. Для марксистов всегда была ясна необходимость совместных действий рабочих, служащих и других слоев трудящихся, борющихся против капиталистической эксплуатации. Коммунисты и христиане совместно участвовали в многочисленных классовых битвах, особенно в период борьбы против фашизма. Правда, «холодная война» и антикоммунизм нанесли большой ущерб единству их действий. Тем не менее тов. Курт Бахман, председатель ГКП, в речи 18 июля 1969 г. во время конгресса евангелической церкви в Штутгарте имел основание отметить: «Многие христиане, католики и евангелисты, исходя из своей веры и убеждений, оказывали сопротивление нацистской диктатуре и выступали против второй мировой войны. Точно так же с момента учреждения Федеративной республики христиане активно участвовали в борьбе за общественный прогресс. Мы уже не можем говорить о них только как о христианах... Для многих людей и в Федеративной республике религиозные убеждения в настоящее время — уже не препятствие, а стимул к участию в борьбе за мир и общественный прогресс. Поэтому мы, коммунисты, проводим различие между верующими — христианами и теми церковными кругами, которые злоупотребляют христианской верой в интересах господствующих реакционных сил и стремятся поставить церковь на службу реакции».

Итак, одним из условий диалога является изменение в позиции руководящих кругов христианской церкви, их отказ от прежних негативных взглядов; мы говорим о руководстве потому, что среди верующих трудящихся всегда наблюдались другие тенденции. В отношении же клерикальных верхов следует напомнить, что в 1937 г., во время борьбы Испанской республики не на жизнь, а на смерть, перед лицом зверств германского и итальянского фашизма, тот самый Ва-

тикан, не проронивший ни слова осуждения в адрес гитлеровских концентрационных лагерей, опубликовал антикоммунистическую энциклику «*Divini redemptoris*». Нельзя забывать, что еще несколько лет назад коммунисты, исповедующие католическую веру, были отлучены от церкви; что в энциклике «*Mater et magistra*» классовая борьба была осуждена как противоречащая природе человека, а епископ Дибелиус, в прошлом председатель Совета евангелической церкви в Германии, публично заявил, что атомную смерть следует-де предпочесть жизни при коммунизме.

Однако с начала 50-х годов, с образованием мировой социалистической системы и изменением соотношения сил в пользу социализма, среди христиан стали развиваться противоположные тенденции. Одним из первых симптомов этого была лекция в Граце патера доминиканцев Марцела Рединга на тему «Маркс и Фома Аквинский». В середине 50-х годов появилась книга иезуита Клеменса Брокмеллера «Христианство на заре атомного века», в которой развивается тезис, что церковь не связана с каким-либо общественным строем, она одинаково хорошо может существовать как при капитализме, так и при социализме. По его словам, ей нужно ориентироваться на возможное социалистическое будущее, правда, для этого необходимо-де «окрестить» Маркса так же, как в свое время окрестили Аристотеля. Позднее II Ватиканский собор осторожно отмежевался от слишком примитивного антикоммунизма папы Пия XII и, прежде всего под влиянием событий в Латинской Америке, занял более прогрессивную позицию в отношении ряда важных общественных проблем, например проблемы собственности. Примерно в это же время энциклика «*Racet in terris*» впервые разрешила католикам предпринимать совместно с марксистами конкретные действия в экономической и политической областях. Наконец, в энциклике «*Ecclesiam suam*» сформулированы правила диалога католиков с марксистами.

II

Чем же объясняется такой поворот во взглядах и действиях христианской церкви?

В Программном заявлении ГКП ему дана следующая оценка: «Большие общественные изменения наше-

го времени вызвали у многих верующих — христиан поворот в их политическом мышлении и действиях. Участие многочисленных евангелических священников и простых прихожан в борьбе против атомного вооружения и «чрезвычайных законов», новые течения в католической церкви создают возможность более широкого сотрудничества коммунистов и христиан в борьбе за мир во всем мире, за общественный прогресс». Поэтому в Программном заявлении содержится требование, чтобы коммунисты вели поиски «диалога и совместных действий со всеми прогрессивными и миролюбивыми трудящимися-христианами».

Новое отношение в кругах церковного руководства к вопросам диалога имеет объективные основания. Мы живем в такое время, когда социализм усиливает влияние во всем мире. Обострились противоречия капитализма в международном масштабе. В связи с научно-технической революцией возникли новые колоссальные производительные силы, несовместимость которых с капиталистическими производственными отношениями не может устранить и государственно-монополистическое регулирование.

Научно-технический прогресс способствует в то же время развитию научного понимания окружающего мира. Достаточно заглянуть в школьные учебники, распространявшиеся 20 лет назад, и сравнить их с современными, чтобы удостовериться в этом. Сосредоточение в городах больших масс населения, ранее живших в условиях сельской замкнутости, ведет к постепенной ликвидации «аграрных форм» обыденного сознания, всегда являвшихся питательной средой для религии.

В ходе освободительных движений в бывших колониальных странах появляется новая оценка национальных культурных традиций и в связи с этим уменьшается влияние тех «европейских форм» идеологии, которые внедрялись и использовались колонизаторами; не в последнюю очередь это относится и к христианским воззрениям. С другой стороны, усиливается влияние идеологии революционного рабочего движения — марксизма-ленинизма. Успехи освободительной борьбы привели к росту самосознания миллионов людей, что наносит одновременно удар и по христианской проповеди.

Противоречие между этическими представлениями христианства и антисоциальной, антидемократической действительностью капитализма, усиливающееся в результате возрастающего воздействия социализма и проимпериалистической позиции, занятой церковными верхами, послужило толчком для возникновения оппозиционных тенденций в религиозных общинах, среди верующих. Вследствие неудовлетворительности — а часто и полного отсутствия — ответов со стороны руководителей церкви на жизненно важные вопросы все больше верующих ищет ответы в других сферах и все чаще находит их у социалистов. Антидемократическая структура церквей, в особенности строгая иерархия, обет безбрачия, ограничение участия верующих в принятии церковных решений — все это усиливает оппозиционные настроения в массе верующих, ведет к возникновению беспокойства среди молодых христиан, в том числе священников.

В широких слоях трудящихся-христиан укрепляется сознание возможности и необходимости борьбы против империализма. Эти люди все чаще ориентируются на социалистические идеи, а нередко и прямо на марксизм. Многие из них начинают понимать, что коммунисты раньше других раскрыли антинародную сущность империализма и наиболее решительно ведут против него борьбу. Так постепенно распадается и исчезает ложный образ коммунизма, нарисованный антикоммунистами; растет готовность бороться против войны, эксплуатации, за обновление мира, за социальный прогресс совместно с коммунистами.

Католическая церковь была вынуждена в конце концов признать, что ее антикоммунистический крестовый поход, как об этом писала еще в 1966 г. газета крупного капитала «Die Welt», «все более ограничивал ее влияние в сфере господства коммунистов». Поэтому-то церковь и стремится «путем диалога с коммунизмом снова обрести более прочную почву в Восточной Европе, в нейтральном мире и в лагере рабочих-марксистов на Западе». Именно в этом видят смысл диалога верхи церкви, стремясь ослабить влияние коммунистических идей в различных зонах и странах мира, сохранить имеющиеся и вернуть утраченные позиции, в том числе и среди рабочего класса. Не случайно на этой почве произошло сближение руководства

церквей с лидерами правых социал-демократов, которому способствовало к тому же принятие руководством СДПГ религиозно-христианских идей в арсенал своих духовных средств воздействия на массы.

Мы, коммунисты, прекрасно понимаем, что готовность церковного руководства вести диалог вызвана прежде всего изменением соотношения сил в пользу социализма и обусловлена тактическими соображениями. И все же мы положительно относимся к возникающим перспективам и реальным возможностям совместных действий марксистов и христиан, верующих и неверующих.

III

Вследствие неоднородной классовой структуры самих христиан в их рядах обнаруживаются различные взгляды и подходы к диалогу.

Церковь объединяет широкие слои верующих трудящихся. Но церковь — это организация, действующая отнюдь не в интересах трудящихся масс. На нее, как и на все социальные институты, распространяются законы классовых отношений и классовой борьбы. Церковь не просто бесструктурное собрание различных социальных сил. Она обладает определенной строгой организацией, иерархией, носящими классовый характер. На протяжении всей истории церкви ее руководство всегда было тесно связано с господствующими классами — феодалов или капиталистов — и, как правило, рекрутировалось именно из них. Так обстоит дело и теперь.

Иное положение с массой верующих. Они, правда, находятся под влиянием ложного, религиозного сознания — в духе «братских уз» с церковными иерархами и идей «партнерства» антагонистических классов. Естественно, это мешает миллионам трудящихся-верующих добиваться успеха в защите своих классовых интересов. Проповедь социального «партнерства», отрицание классовой борьбы, сглаживание социальных противоречий представляют общественно-политическую функцию церкви в антагонистическом обществе. Заявления церковных иерархов, например Пия XII, о том, что «церковь Христа идет тем путем, который предназначал ей божественный спаситель»... что «она не вмешивается в чисто... экономические вопросы»,

преследуют цель прикрыть видимостью беспартийности реальные действия церкви в защиту капиталистического строя, ее активное вмешательство в экономические и социальные процессы.

Мы считаем необходимым напомнить эти доказанные историей истины потому, что кое-кто из восторженных сторонников диалога слишком легко забывает реальную позицию руководства церковей, его классовую роль и действительные цели.

Ни христианство в целом, ни церковь не развиваются имманентно, по собственному пути, изолированно от истории классов и классовой борьбы. Классовые битвы нашего столетия, победное шествие социализма, антиимпериалистическая, антиколониальная революция, развертывание рабочего движения в развитых капиталистических странах вызвали глубокие кризисные процессы в идеологии и политике руководства христианской церкви. Вскрылись глубокие противоречия и дифференциация среди христиан.

Процессы расслоения среди христиан вызывают серьезную озабоченность церковных властей, вынужденных идти на ряд изменений во взглядах, организационных и тактических средствах, чтобы помешать отходу от церкви значительных масс верующих. С этими процессами связано и изменение позиции руководства церковей в отношении диалога. Закономерна, разумеется, ожесточенная реакция на эти сдвиги со стороны ультраконсервативного духовенства. Как в империалистических кругах имеются силы, которые, например, в договорах ФРГ с Советским Союзом и Польшей усматривают «распродажу» страны, так и среди духовенства и в партиях, именующих себя христианскими, находятся люди, рьяно борющиеся против диалога.

Другая группа христианской церкви стремится к такой «либерализации» религиозного учения и церковной организации, которая не затрагивала бы главной общественно-политической ориентации церкви. Речь идет об отказе от слишком консервативных идей, устаревших форм теологии, иерархических недемократических организационных структур, о «модернизации» церкви. Некоторые «либеральные» церковные деятели полагают достаточным ограничиться лишь реформацией богослужения (литургии).

Рассматривая проблему диалога, нужно учитывать и следующие ее особенности в ФРГ. Здесь трудящиеся христиане объединены в различные организации и союзы, имеющие определенную политическую и профсоюзную ориентацию. Это — христианско-социальная группа в ОНП¹, католическое рабочее движение, социальные комитеты ХДС, небольшие христианские профсоюзы, отколовшиеся от единого профсоюза. Здесь могут быть названы также организуемые протестантской церковью евангелические семинары. Следует признать, что в перечисленных организациях оппозиционные течения развиты относительно слабо. В последнее время, однако, в социальных комитетах ХДС наблюдаются новые тенденции, открывающие возможности возникновения более серьезных оппозиционных течений, близких интересам рабочих. Евангелические семинары относительно тесно сотрудничают с СДПГ. Однако некоторые из них проявляют все больший интерес к диалогу с коммунистами, проводят весьма серьезные дискуссии по проблемам марксизма-ленинизма.

Наиболее критически настроенные религиозные массы ФРГ сосредоточены вне названных союзов и организаций. Они сконцентрированы в многочисленных, хотя еще и относительно небольших, объединениях: например в Региональном комитете Христианской мирной конференции или в кружке «Исповедующих церковь», имеющем собственный печатный орган под названием «Голос общины». В этих организациях серьезно рассматриваются важные социально-политические и внешнеполитические проблемы, их члены активно борются за мир, за подлинное взаимопонимание с социалистическими государствами, поддерживают движение рабочих за участие в управлении, улучшение материального положения. Многие их представители с классовых позиций оценивают роль церкви как инструмента политики капиталистического строя. С другой стороны, среди оппозиционных христиан проявляются «модные» анархистские, ультралевые и троцкистские тенденции.

Все это показывает, что проблема диалога между марксистами и христианами сложна и многогранна.

¹ Объединение немецких профсоюзов.

Необходимо четко различать, ведется ли диалог с левыми католиками или протестантами, развивается ли он в рядах единого профсоюза в связи с борьбой за конкретные классовые требования рабочих, дискутируют ли коммунисты с теми силами, с которыми они тесно сотрудничают уже в течение ряда лет и многие из которых приближаются к социалистическим классовым позициям, или же с официальной церковью. Нужно всегда ставить вопрос: с кем, для чего и о чем мы ведем дискуссию?

IV

Поскольку в статье речь идет о руководящих кругах христианской церкви в развитых капиталистических странах Европы, и особенно в ФРГ (в других частях мира, например в Латинской Америке, дело обстоит несколько иначе), то мы можем отметить, что они приходят к необходимости диалога с коммунистами в связи с новой стратегией империализма. Это, возможно, несколько упрощенно, но по существу правильно. В основе этой стратегии лежит приспособление к реальному соотношению сил в мире, переход к применению более гибких методов, признание того, что прямое столкновение с социализмом становится опасным для дальнейшего существования капитализма, особенно вследствие возрастания объединенной мощи социалистических сил. Поэтому на первый план все более выдвигаются экономические и идеологические средства борьбы.

Реакционные силы христианской церкви намерены использовать диалог как одно из средств распространения буржуазных идей внутри марксистского рабочего движения и идеологического подрыва социалистических стран. Он призван служить выискиванию и изобретению «слабых мест» в рядах коммунистов, ориентации на идеологическое сосуществование, стимулированию ревизионистских тенденций.

Наиболее значительным инструментом идеологических диверсий в последние годы было «Международное общество св. Павла». Оно финансировалось правительством Кизингера, широко рекламировалось в печати и преследовало какие угодно цели, но только не договоренность о совместных действиях коммунистов и христиан во имя решения жизненно важных вопросов

нашего времени. Идеологический орган этого общества — венский журнал «Das neue Forum» стал местом единения клерикалов и ревизионистов самого различного толка. Характерно, что главными партнерами клерикальных поборников новой империалистической стратегии оказались некоторые интеллектуалы, бывшие когда-то коммунистами, изменившие марксизму и перешедшие в лагерь его критиков.

Клерикалы в этом диалоге выступили с программой, в которой оспаривается марксистская характеристика современной эпохи как эпохи перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе; отрицается роль рабочего класса и мировой системы социализма как главной общественной силы нашего времени; искусственно превозносится значение интеллигенции как современной элиты, призванной решить все социальные проблемы. Среди этих проблем — прежде всего «общечеловеческие», антропологические проблемы отчуждения, в принципе якобы одинаково присущие и капитализму, и социализму. Гуманизм отрывается от социальной почвы, лишается конкретного, классового содержания, становится пассивным, созерцательным, оторванным от активных действий против империализма и войны, от борьбы двух мировых систем. В духе теории конвергенции осуждаются обе системы, проповедуется «третий путь» развития — в целях отвлечения масс от борьбы за социализм. Этот «третий путь» оказывается разновидностью мелкобуржуазного «антиэтатистского» социализма, направлен против политической власти рабочего класса, против социалистических государств.

Перед нами программа, составленная по современным образцам буржуазных и ревизионистских критиков марксизма и социализма. Ее «специфической особенностью» является прикрытие христианским девизом «мы всегда лишь грешники» выдвигаемого перед марксистами требования идеологического разоружения во имя абстрактных гуманных идеалов. Причем в целях «дальнейшего развития» марксизма рекомендуется — якобы в интересах диалога — восприятие марксизмом христианских ценностей.

Как уже сказано, в тесном идейном союзе с клерикалами выступают современные ревизионистские критики марксизма, фактически разделяющие основные

положения клерикальной программы. Действительно, Э. Фишер, Р. Гароди, М. Маховец, Гардавский и другие проповедают идеологическое сосуществование, прежде всего с помощью концепции плюрализма. Так, Маховец, например, выступая по мюнхенскому радио, заявил, что социализму необходимо перейти от «монологического» периода к «диалога-плюралистическому». Он призвал к примирению марксизма с христианской идеологией, к их максимальному «единению» и к заполнению «пробелов», обнаруженных им (Маховцем) в марксизме, составными элементами христианства.

На основе идеологического «сосуществования» и соответствующего понимания диалога ревизионистские критики марксизма пытаются создать некое «новое мировоззрение», в центре которого — представление о человеке вообще, всецело в духе абстрактного, буржуазно-религиозного гуманизма. Тот же Маховец в докладе на тему «Иисус в свете марксизма», сделанном в 1967 г. в Майнце, свел весь марксизм к «значению человека» и заключил: поскольку христиане связывают представление о боге с братством людей, то «христианство может быть для нас дружественной теорией». Библия, по его выражению, — это «слово о человеке», а следовательно, ее идеи почти сливаются с идеями марксизма.

Бесспорно, марксизм дает подлинно научную теорию человека, личности, гуманизма. Но теория марксизма базируется не на абстрактном антропологизме, а на раскрытии конкретной социальной сущности человека, на познании законов классовой борьбы, борьбы против капитала, который, по словам Маркса, исходит из всех своих пор кровь и грязь и существует за счет эксплуатации и угнетения человека человеком. Эти азбучные истины марксизма «забыли» современные ревизионисты, они фактически отреклись от них в пользу буржуазных, псевдогуманистических идей, прикрытых христианскими сентенциями о «любви к ближнему» и «всеобщем братстве». Вместо ориентации на ясную классовую позицию они стали соучастниками «антропологической» игры клерикальных реакционеров.

Псевдоновое мировоззрение ревизионистов сводит гуманизм к уровню индивидуума. Именно в христианском индивидуализме Гароди усмотрел общезначимые

критерии гуманизма, которые, по его мнению, обязательны и для марксизма. Гардавский в своих рассуждениях приходит к экзистенциалистскому субъективизму, к превознесению роли индивидуального «я» во всей жизни человеческого общества. Маховец утверждает, что марксизм якобы не рассматривал проблем отдельного человека и поэтому мы должны с помощью религии утолить тоску по духовным ценностям личности, воспринять духовное воспитание у профессиональных священников, то есть, по существу, пойти на выучку к клерикалам.

Напомним, что марксизм решает индивидуальные проблемы людей на основе анализа всей совокупности общественных отношений. И ответ на вопрос о смысле жизни каждого человека можно дать лишь исходя из высшей цели общественной жизни. Как говорил замечательный советский писатель-коммунист Н. Островский, смысл жизни должен состоять в том, чтобы все свои силы и способности поставить на службу освобождения человека от всех форм эксплуатации и угнетения.

Нельзя не отметить, что среди многих христиан все шире распространяется понимание необходимости решения проблем отдельного человека на основе коллективистских принципов. Иначе говоря, наши прогрессивные друзья-христиане достигли в политическом и в идейном отношении более высокого уровня понимания современных проблем человека, чем ревизионистские перебежчики.

Несмотря на то что клерикально-ревизионистский «диалог» отрицательно влияет на развитие антиимпериалистического движения масс, мы, коммунисты, ведем поиски диалога также и с официальными представителями церквей, чтобы найти точки соприкосновения для совместных действий. Если при этом занимаются ясные, принципиальные марксистско-ленинские позиции, если буржуазным и клерикальным идеям дается решительный отпор, то диалог даже с консервативными клерикалами может быть полезен, ибо он вносит ясность в позиции фронтов, способствует разоблачению реакционных целей тех или иных кругов, разработке конкретных положений и методов действий в интересах общей антиимпериалистической борьбы.

Итак, для нас диалог между марксистами и христианами — это прежде всего политическая проблема. Мы подходим к нему с открыто провозглашенным намерением достичь единства действий в борьбе против монополистического капитала и его государства, против империалистической политики.

Бесспорно, научное, марксистское понимание окружающего мира — полная противоположность религиозным воззрениям, дающим извращенное представление о нем. Религия, как ложная форма духовного восприятия действительности, может отвлечь миллионы людей от борьбы против угнетателей и эксплуататоров, за истинно гуманный строй. Вместо этого она преподносит несбыточные мечты и надежды на «лучший», потусторонний мир.

Но объективные социальные факторы и реальные движущие силы революции сильнее идеологических различий между марксистами и христианами. Мы проводим нашу политику, исходя из общих интересов всех слоев рабочего класса (безразлично, развито у них религиозное или марксистское сознание), из коренных интересов подавляющего большинства народа. Только на этой основе мы сможем достичь единства действий народных масс — этой необходимой предпосылки победы над империализмом, милитаризмом и войной, обеспечения мира, демократии и победы социализма.

В цитированной выше речи в Штутгарте тов. К. Бахман в следующих словах обрисовал значение этой совместной борьбы:

«В Федеративной республике нет какой-либо силы, которая была бы способна помешать христианам, социалистам и коммунистам реализовать совместно разработанную программу действий, направленную на обуздание неофашистских и правых сил, на защиту остатков конституции, на создание нового благоприятного климата в отношениях между двумя немецкими государствами путем международно-правового признания ГДР и на обеспечение таким образом условий для мира в Европе.

Если мы будем действовать совместно, то никто не сможет нам помешать осуществить демократическое обновление государства и общества, обеспечить уча-

стие народа в управлении и контроле во всех сферах, на предприятиях, в экономике, школах, университетах, административных органах и государстве».

Эта идея приобретает все большее международное значение. С полным правом мы можем сказать: если бы удалось добиться совместных действий миллионов масс трудящихся, ориентирующихся на коммунистические, христианские или демократические организации и взгляды, в борьбе против империалистической войны и агрессии, колониализма и неоколониализма, а также пагубных последствий научно-технической революции, в частности загрязнения окружающей среды, то во всем мире не нашлось бы силы, способной помешать успеху этой общей борьбы всех прогрессивных сил нашего времени.

Все это отнюдь не означает, что мы забываем коренное различие между марксистскими и религиозными идеями и взглядами. Наша задача состоит в том, чтобы объединить рабочих в борьбе за их коренные интересы, а не противопоставлять их друг другу. «Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»¹.

В настоящее время в результате обострения социальных противоречий во многих капиталистических странах возникли реальные возможности союза революционного рабочего движения с широкими массами верующих на антимонаполистической и антиимпериалистической основе. В этих условиях в центре диалога встают вопросы совместной общественной практики марксистов и христиан. Диалог между ними по таким вопросам, как война и мир, капитализм и социализм, неоколониализм и развивающиеся страны, их совместные действия против империализма, за демократию и социализм приобретают все большее значение. В Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. говорится, что именно на этом пути — пути широких контактов и совместных выступлений — масса верующих становится активной силой антиимпериалистической борьбы и глубоких социальных преобразований.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.

Мы стремимся найти общий язык с христианами в понимании политики реакционных социальных сил, несущих угрозу миру. Мы хотели бы договориться о конкретных шагах в борьбе против войны в Индокитае, а также и против угрозы войны с территории ФРГ, возникающей вследствие националистической подстрекательской пропаганды реваншистских сил, против гонки вооружений. Нам хотелось бы сообща достичь ясности в вопросе о причинах антидемократических и фашистских тенденций в нашей стране и на этой основе выполнить «долг дня». Мы хотели бы договориться с христианскими партнерами и затем предпринять совместные действия против неокOLONиализма, оказать действительную помощь народам развивающихся стран.

У нас уже есть опыт общей борьбы за повышение заработной платы, за участие в управлении, против «чрезвычайных законов». Есть опыт заключения предвыборных союзов между коммунистами и прогрессивными христианами, их сотрудничества в «Немецком союзе мира», выступлений на церковных соборах, в открытых дискуссиях и семинарах. Имеется немало примеров, когда христиане, в том числе и теологи, стали активными деятелями марксистских партий. Одним из первых, еще в Веймарской республике, был Эрвин Эккерт из Маннгейма, несколько десятилетий работавший городским священником, член КПГ, после 1945 г. статс-секретарь — в качестве представителя партии в Южном Вюртемберг-Гогенцоллерне. В настоящее время в рядах ГКП есть немало молодых людей — христиан, в том числе священники и теологи.

Мы считаем вместе с тем, что в ходе диалога необходимо обсудить и теоретические проблемы: марксистского и христианского гуманизма, свободы, общественного прогресса, критериев и характера социалистического строя, за который в конечном счете предстоит вести совместную борьбу. Такие дискуссии тем более необходимы, что в высказываниях многих известных представителей христианской религии встречаются интересные новые положения, например по вопросам об отношении между индивидом и обществом, о социальном прогрессе, борьбе за свободу. Можно сослаться, в частности, на высказывания таких теологов, как Реддинг, Ранер, Метц, Мольтман.

На эти дискуссии мы идем не с пустыми руками. У нас есть что предложить. Мы не требуем от нашего партнера отказа от самостоятельности и от своих идей. Но и мы, в свою очередь, не собираемся отказываться от идеологической и политической самостоятельности, от марксистско-ленинского мировоззрения.

С христианами, нашими партнерами по диалогу, мы хотели бы прийти к общему мнению относительно того, что решение всех основных проблем современности невозможно в условиях капитализма. Противоречия, возникающие на почве капитализма, не могут быть решены в рамках этого общественного строя. Нам хотелось бы достичь взаимопонимания с нашими партнерами по диалогу и в отношении критериев будущего социалистического строя, важнейшим из которых является установление политической власти рабочего класса, ибо только с помощью такой власти возможно обобществление решающих источников жизни народа — средств производства. Для руководства таким общественным строем необходима координирующая политическая сила в виде партии рабочего класса, вступающая в союз со всеми силами, утверждающими социализм.

Антиимпериалистическая борьба имеет большое значение как для настоящего, так и для будущего. Прочные связи и единство действий в этой борьбе представляют наилучшую гарантию того, что отношения марксистов и христиан останутся братскими и в совместно завоеванном социалистическом строе. К сожалению, до сих пор было правилом, что в борьбе за общественный прогресс масса христиан активно не участвовала, а руководство церковью было на стороне контрреволюции. Лишь в последнее время появились заметные сдвиги.

Вполне естественно, что социалистическое государство, возникающее в результате этой совместной борьбы, не может быть нейтральным по отношению к марксизму. В этом совместно завоеванном социалистическом государстве должна существовать возможность работать по-социалистически на основе как марксистского, так и христианского понимания социализма. Это не означает, что между марксистами и христианами будет прекращена честная, деловая дискуссия о проблемах религии как одной из форм иррационального

сознания и проблемах марксизма. Наши позиции здесь совершенно ясны: мы полностью убеждены в верности марксистской теории религии. У наших партнеров-христиан другое мнение по этому вопросу. Если они, как и мы, твердо верят в свои убеждения, то очевидно, что этот спорный вопрос решит будущее развитие общества.

Сама жизнь, классовая борьба породили в международном масштабе широкую проблематику диалога и сотрудничества между марксистами и христианами. Теперь необходимо оценить имеющийся в этой области опыт, всесторонне развивать его, чтобы открыть новую страницу в книге классовой борьбы.

Печатается по журналу «Проблемы мира и социализма», 1971, № 10, стр. 62—68.

ГИ БЕСС

КОММУНИСТЫ И ХРИСТИАНЕ: ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА ВО ФРАНЦИИ

Одна из самых старых французских католических газет — «Круа» опубликовала 19 ноября 1970 г. интервью с Жоржем Марше, заместителем Генерального секретаря Французской коммунистической партии. Это интервью, посвященное проблеме «Коммунистическая партия и католики», вызвало оживленные отклики и за пределами католических кругов. Тепло принятое значительной частью читателей, оно очень не понравилось газете «Насьон», органу ЮДР. «Насьон» забеспокоилась о последствиях, к которым могла бы привести подобная публикация в христианских кругах, в частности в среде священников, в семинариях и религиозных общинах, там, где широко распространяется газета «Круа».

Но редакторы правительственной газеты прекрасно понимают, что, обратившись за интервью к Жоржу Марше, «Круа» отражала непрерывно растущую среди христианских масс нашей страны озабоченность:

какими могут и должны быть отношения между христианами и коммунистами в обществе, где углубляется кризис капитализма? Каковы возможности и перспективы совместных действий коммунистов и христиан в целях преобразования общественных отношений? Все эти вопросы отнюдь не надуманны, а поставлены жизнью, вытекают из опыта самих трудящихся-христиан, их возрастающего участия в экономической и политической борьбе нашего времени. В самом деле, многие христиане вместе с коммунистами принимали участие в кампании по подготовке муниципальных выборов несколько месяцев назад. Это явление не ново, но оно приняло более широкий размах, и в результате значительное число трудящихся-христиан было избрано в муниципалитеты по списку союза рабочих и демократических сил.

Французские католики, как и протестанты, принадлежат к разным социальным кругам. Поэтому не удивительно, что их политические взгляды весьма различны: среди них есть и сторонники ультрареакционных действий, и те, кто рядом с коммунистами борется за социалистическую Францию. Однако беспокойство «Насьон» становится вполне понятным, поскольку с некоторых пор руководящие круги Франции упрекают католическую церковь в отдалении от существующей власти. Правительству даже пришлось направить министра Бийкока в Италию, чтобы упросить папу призвать французскую католическую иерархию проявлять больше усердия в защите власти. Эта мера не принесла желаемого эффекта, наоборот, с тех пор французская церковная иерархия (например, архиепископ Парижа, епископ Арраса) стала больше беспокоиться о том, чтобы всячески продемонстрировать свое нежелание выступать в качестве духовного пособника государства. Преобладает мнение, что если церковь и должна относиться к государству как важнейшему в жизни нации светскому институту, то ее миссия при этом не может быть той же, что у правительственной партии или же ее оппозиции; церковь не должна также быть связанной политическими обязательствами кого-либо из своих приверженцев, будь то справа или «слева»; ей надлежит напоминать всем христианам, занимающимся политической деятельностью, что их долг — постоянная верность духу евангелия.

Нетрудно понять позицию, занятую церковной верхушкой, если принять во внимание реальное положение церкви в условиях классовой борьбы современной Франции. В прошлом церковь была крупной феодальной силой. Предав анафеме революцию 1789 г., она тем не менее тесно связала свои интересы с интересами победившей буржуазии. Ныне она располагает твердой поддержкой банков, крупных предпринимателей и землевладельцев. Если верхушка церкви и идет на критику той или иной «несправедливости», того или иного «злоупотребления» официальных властей, она далека от действительно революционной критики капиталистической эксплуатации, не может отделить себя от привилегированных социальных сил. Но она также не может игнорировать факт, что среди массы верующих покорность и смирение распространены далеко не так широко, как прежде, не может пройти мимо недовольства рабочего класса и средних слоев, их стремления к социальным переменам.

Но ни религиозная вера, ни церковь не в состоянии избавить христиан — рабочих, служащих и крестьян — от тягот строя, противоречащего интересам огромного большинства населения. Уже в 1934—1936 гг. тысячи трудящихся-христиан примкнули к своим братьям по классу в борьбе против фашизма, за Народный фронт. В мощном забастовочном движении мая — июня 1968 г., охватившем миллионы мужчин и женщин, было много христиан, которым их религиозные убеждения отнюдь не помешали принять участие в общей борьбе. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в наиболее прогрессивной и массовой организации профсоюзов, руководимой коммунистами, — ВКТ¹ насчитывается много трудящихся-христиан. В настоящее время и ФДКТ², созданная на базе бывшей Конфедерации трудящихся-христиан, все более исходит в своей деятельности из признания «реальности» классовой борьбы; ее последний конгресс отметил, что социализм является разумной перспективой для трудящихся нашей страны.

Эти перемены, происходящие в сознании христиан, характерны не только для Франции, их чувствует и

¹ Всеобщая конфедерация труда.

² Французская демократическая конфедерация труда.

Ватикан. Вот почему в своем апостольском письме кардиналу Рою Павел VI говорит о социализме в иных выражениях, чем ранее. Отвергая в принципе марксизм, он допускает, что христианин может сознательно участвовать в «социалистических течениях» — при условии, что его вера не будет поставлена под вопрос. Разумеется, апостольское письмо папы никак не может претендовать на руководство для пролетарской революции. Его идеи по существу совпадают с современными концепциями «неокапитализма». И это не удивительно — они преследуют цель ослабить, разъединить силы недовольных в церковной среде и в буржуазном обществе в целом.

Католическая церковь — издавна наиболее влиятельная среди других церквей Франции — по-своему извлекает уроки из перемен, происходящих в широких массах. В условиях прогрессирующей дехристианизации населения она не может без риска потери влияния среди трудящихся-христиан города и деревни открыто выступать в качестве защитника строя, который все тяжелее давит на плечи трудового народа.

Таким образом, вопросы отношений между коммунистами и христианами рассматриваются нами в тесной связи с борьбой классов в нашей стране и противоборством социализма и капитализма на мировой арене.

Ж. Марше напомнил, что, когда в 1936 г. Морис Торез подал руку трудящимся-католикам, это было сделано в интересах всех трудящихся перед лицом общего врага, всецело соответствовало ленинской традиции. В наши дни объективные условия, которые оправдывают политику «протянутой руки», не менее реальны. Интересы государственно-монополистического капитала прямо противоположны не только интересам работников наемного труда, число которых возрастает, но и средних слоев города и деревни, чье положение продолжает ухудшаться. Тот факт, что рабочие, служащие, крестьяне, интеллигенция принадлежат к той же церкви, что и представители крупной буржуазии, не может изменить сущности эксплуататорских отношений общества. Исходя именно из общности интересов всех трудящихся перед лицом общего врага, коммунисты намечают перспективу мощной борьбы масс за передовую демократию и социалистическую Фран-

цию. Различия в идеологии и политических убеждениях отнюдь не исключают общности интересов в экономической и политической борьбе против монополий.

Таким образом, практика диалога приобретает смысл именно в сфере классовой борьбы, а не за ее пределами. Речь идет не о временной тактике, а о принципиальной позиции, ясно выраженной в решениях XIX съезда нашей партии (февраль 1970 г.) и ранее — на пленуме Центрального Комитета в Шампиньи (декабрь 1968 г.). Победа передовой демократии и построение социалистической Франции будут делом не изолированного авангарда, а миллионов мужчин и женщин, глубоко осознавших, что ликвидация монополий, завоевание и прогресс истинной демократии, социалистическое преобразование производственных отношений и установление власти рабочего класса и его союзников возможны лишь на основе их постоянного участия во всей экономической, социальной и политической жизни страны. Социализм неизбежно победит, ибо миллионы наших соотечественников все более проникаются сознанием, что это — единственно справедливое решение проблем, встающих перед французским обществом, единственно эффективный ответ на жизненно важные для страны вопросы.

Диалог с христианами, инициативу которого взяла на себя коммунистическая партия в то время, когда церковная иерархия полностью его отвергала, неотделим от борьбы французского народа, в том числе трудящихся-христиан, за радикальные перемены. На практике диалог, естественно, принимает различные формы. Так, в период кампании по выборам в муниципалитеты в различных районах были организованы полезные встречи между христианами и коммунистами. Дискуссии, организуемые нашей партией по всей стране, дают возможность постоянных обменов мнениями с христианами — работниками умственного и физического труда, людьми различных взглядов и профессий по животрепещущим проблемам дня.

Но разве, спросят нас, коренное различие между всякой религией и нашей философией не является непреодолимым препятствием для диалога? И хотя это различие не исключает единства действий во имя достижения некоторых, ограниченных целей, не следует

ли, однако, считать, что в конечном итоге оно обрекает на неудачу диалог между коммунистами и христианами?

Рассуждать таким образом — значило бы изменить историческому материализму. История общества отнюдь не сводится к конфликту идей. Ее движение определяется развитием производственных отношений в неразрывной связи с производительными силами. В эксплуататорском обществе противоречия между основными классами носят антагонистический характер, и сводить их только к идеологическим разногласиям — значит переходить на позиции идеализма.

Именно исторический материализм позволяет понять, что сознание отнюдь не потусторонняя сила, независимая от жизни конкретных людей, оторванная от развития социальных отношений. Человечество, производя материальные средства своего существования, одновременно порождает определенные представления о самом себе и об окружающем мире. Следовательно, коммунист не может, не изменяя научным принципам анализа, судить о людях только с точки зрения идеологических категорий. В реальной диалектике общественных отношений, прежде всего отношений между классами, возникают и противоречия, и солидарность между людьми. Если какой-либо трудящийся-христианин считает, что атеизм его товарища коммуниста служит достаточной причиной для отказа от совместной борьбы против эксплуатации, это просто доказывает, что он еще находится в плену идеологии, скрывающей от него действительную природу общественных отношений. Мы постоянно наблюдаем, как господствующий класс, далеко не все представители которого — христиане, использует веру для отвлечения христианских масс от классовой борьбы, от совместных действий с трудящимися-атеистами.

Коммунистам вовсе не требуется отречься от своей диалектико-материалистической философии для диалога с христианами и создания наилучших возможностей широкого объединения прогрессивных сил против власти монополий. Марксистско-ленинская концепция союза всех трудящихся, объединенных общими интересами, независимо от различий в их идеологических взглядах, всецело исходит из принципов исторического материализма.

Если бы Французская коммунистическая партия, следуя советам Р. Гароди, согласилась отказаться от своей философии под предлогом облегчения условий для политики «протянутой руки» христианам, она подорвала бы саму основу этой политики, ибо только исторический материализм позволяет правильно понять и научно обосновать политику союза и совместных действий со всеми антимонополистическими силами. При этом речь идет о последовательном ее проведении — и на нынешнем этапе, и в последующей борьбе за создание социалистической Франции.

Тезис Гароди, претендующий на «смелую откровенность», в сущности капитулянтский. XIX съезд нашей партии осудил его и отбросил как совершенно неприемлемый. Этот тезис — логическое следствие неоднократных попыток Гароди найти «среднее» между религиозным представлением о мире и человеке и философией диалектического и исторического материализма. Тут не только нет ничего нового, но, наоборот, налицо движение назад, к Фейербаху. Маркс дал глубокое философское обоснование революционной общественной практики и научного социализма только после радикальной критики Фейербаха, который фактически всегда оставался в плену религиозной идеологии, хотя и верил, что покончил с нею. Сползание на домарксистские концепции видно и в попытках Гароди найти под знаком «возвращения к основам» некую «первичную философию», на базе которой можно было бы «воссоздать» и исторический материализм, и христианскую мысль. Он эклектически отрезает кусок от марксизма, затем от «христологии» или «теологии без бога» и выдает все это за нечто новое и оригинальное. В действительности это ведет:

1) к обеднению марксизма вместо его обогащения (на что претендует Гароди), к искажению и перекраиванию научного социализма по неясной выкройке какой-то «религии человека» или еще одного «истинного» социализма;

2) к искусственному подбору оппонентов и собеседников среди христиан, взгляды которых достаточно близки к подобным эклектическим построениям.

Ни о какой теоретической конвергенции между историческим материализмом и теологией не может быть и речи, ибо любая ее разновидность, в том числе так

называемая теология «смерти бога», противоположна науке, не выдерживает научной критики.

Мы не отстраняем ни одного христианина, какими бы ни были его представления о боге, спасении, церкви, литургии и т. п., от совместной деятельности и борьбы, основанных на общности коренных интересов трудящихся — верующих и неверующих. И отнюдь не вопреки нашей материалистической философии, а всецело следуя ей, мы являемся решительными сторонниками самого широкого союза всех сил обновления. Коммунистическая партия не может отказаться от своей философии, не отступая от революционной политики единства рабочего класса, союза всех рабочих и демократических сил в борьбе за свободную от капитализма Францию.

ХІХ съезд нашей партии отметил, что борьба за социальные перемены касается не только коммунистов; она требует участия огромного большинства нашего народа и не только не исключает, а, наоборот, требует постоянной активизации общественной жизни. Последнее предполагает и организацию постоянных дискуссий. Партия не только не боится споров и обменов мнениями, но делает все необходимое, чтобы вызвать их и проводить регулярно. В этом выражается один из аспектов ее авангардной роли. Наша эпоха — эпоха великих политических битв, столкновения идей, мировоззрений, взглядов, и коммунисты убеждаются на опыте, насколько иллюзорны надежды на разрешение современных проблем без таких дискуссий и идейной борьбы.

Социалистическая Франция явится результатом сознательной деятельности народных масс, делом всех политических и профсоюзных организаций, которые будут участвовать в руководстве и управлении страной; отношения между коммунистами и христианами естественно впишутся в систему новой, социалистической демократии. Как сказано в Манифесте Центрального Комитета нашей партии, принятом в Шампиньи, такая демократия реально обеспечит всем гражданам, равным перед законом, свободу мысли, слова, собраний, союзов. В социалистической Франции республиканские и демократические традиции светского государства, независимого от всяких вероисповеданий, с полным отделением церкви, вновь обретут силу; это,

в частности, будет важно для народного образования. Свобода вероисповедания, отправления религиозных обрядов, слова будет гарантирована законом христианам и их церквям, так же как и атеистам будет обеспечена свобода высказывать и пропагандировать свои атеистические убеждения. Ж. Марше отметил в своем интервью газете «Круа», что компартия действовала бы вопреки собственной логике, если бы сегодня или завтра она «предпочла философские разногласия общим интересам всех трудящихся. Это означало бы отказаться от своих принципов, ослабить борьбу за привлечение народных масс к идеям социализма. В области философии мы твердо стоим за уважение убеждений каждого, за свободу мировоззрений и культурных течений, без всякого вмешательства в эту сферу государства и администрации, как это имеет место в настоящее время, что только наносит ущерб светскому образованию»¹.

Мы считаем, что уже нынешняя практика диалога с христианами и открывающиеся перспективы совместных действий — наилучший способ подготовки сотрудничества коммунистов и христиан, верующих и неверующих в социалистической Франции. В повседневном общении, в решении практических задач во имя общих целей постепенно исчезают предрассудки и рассеиваются предубеждения. Во времена Народного фронта, затем в период Сопротивления и Освобождения, а также в борьбе за мир многие христиане научились понимать и уважать коммунистов, которые сами, в свою очередь, немало извлекли из опыта сотрудничества с христианами.

Не является ли, однако, эта совместная деятельность препятствием для критики религиозной идеологии? Ни в коем случае. Напротив, она позволяет сделать эту критику более глубокой и конкретной, более убедительной и вместе с тем дружеской. Эта критика опирается на опыт тех христиан, у которых в процессе совместной борьбы возникли серьезные сомнения в их вере. Для нашего времени характерна не только де-христианизация, но также и изменение религиозного

¹ В интервью говорится также о перспективе «договора», который в социалистической Франции должен будет определять «права и обязанности церкви и государства» на основе обсуждения и соглашения между всеми заинтересованными сторонами.

сознания различных групп верующих. Эксплуатация, угнетение, насилие, коррупция, ежедневно порождаемые капитализмом,— все это не может оставить равнодушными миллионы христиан. Вот почему они приходят — XIX съезд нашей партии это специально отметил — к осуждению несправедливого общества *от имени своей веры*. Но одно дело — дать рациональный анализ исторической ситуации, другое — ее интерпретация на основе мифических представлений об истории.

Маркс и Энгельс показали, что христианство часто оказывало идеологическую поддержку народным движениям, вызванным объективными противоречиями общества. В наши дни многие христиане ищут в своих традициях и в своем новом опыте средства постичь кризис капитализма, разобраться в собственных стремлениях к социальным переменам. Коммунисты потеряли бы свое влияние и право на существование, если бы на этом основании пришли к выводам о пересмотре принципов научного социализма. Это было бы движением не вперед, а вспять, ибо изменения, происходящие в сознании христиан, являются следствием объективных преобразований в современном мире, в которых миллионы коммунистов на всех континентах принимают самое активное участие. Но коммунисты были бы плохими материалистами и диалектиками, если бы не изучали внимательно эти изменения в образе мышления и в позициях многих христиан. Диалог может помочь правильно оценить и этот процесс. Мы убеждены, что коммунисты тем лучше охраняют себя от академизма и «склероза», чем полнее сопоставляют свои убеждения с теми взглядами и умонастроениями, которые не совпадают с их собственными. Вопросы, выдвигаемые перед нами христианами (а также многими другими), заставляют совершенствовать наш собственный анализ актуальных проблем современности, способствуют уточнению наших тезисов, требуют их лучшего и более ясного изложения.

Мы не ставим целью детальное исследование всех изменений, происходящих в христианских кругах, например в их представлениях о боге, семье, личной жизни, о церкви, ее отношениях с современным миром и т. п. Хотим здесь лишь подчеркнуть значение, которое с определенных пор приобретает для многих ве-

рующих и для самой церковной иерархии проблема отношений между *верой и политикой*. Так, несколько месяцев назад пленарное заседание французского епископата, признавая «полезность встреч с теми, кто не разделяет веры в Иисуса Христа», должно было отметить возрастающий интерес христиан к политике. Фактически это — признание, что церковь не может в наше время изолировать себя от влияния классовой борьбы.

Хотя, как уже отмечалось, трудящиеся-христиане весьма восприимчивы к влиянию коммунистической партии, следует подчеркнуть, что на многих из них значительное воздействие оказывает реформизм. Широко известно, что евангельская доктрина и религиозные учения вообще порождают противоречивый подход к революционному самосознанию. Рабочие, трудящиеся-христиане, таким образом, «по традиции» склоняются к классовому сотрудничеству. Отсюда также следует, что проблемы союза с трудящимися-христианами не могут быть решены в отрыве от проблем союза трудящихся — коммунистов и социалистов в борьбе за общую правительственную программу всех демократических сил. Эта цель может быть достигнута лишь при условии, если социалистическая партия под воздействием борьбы народных масс откажется от всех форм классового сотрудничества с буржуазией.

Мы должны отметить также восприимчивость некоторых христианских кругов к левацким идеям и лозунгам. Более всего это относится к тем общественным кругам (в частности, к средним слоям, к молодежи), которые остро испытывают на себе результаты кризиса капитализма, но еще далеки от научного понимания своего положения. Не случайно в их поведении соединяются бунт против существующих порядков и старые мелкобуржуазные предубеждения против рабочего класса и коммунизма. У представителей этих кругов на почве их собственной религии (даже если они открыто от нее отреклись) часто рождаются различные иллюзии, утопии, волюнтаристские устремления¹. Те, кто еще вчера думал о спасении в потусто-

¹ Это требует специального рассмотрения. Мы часто наблюдаем у молодых людей из буржуазных семей, воспитанных в традиционном христианском духе и носящих все предрассудки антикоммунизма и антисоветизма, типично религиозное поведение, от которого, однако, они думают освободиться путем «разрыва»

роннем мире, сегодня мечтают изменить все, и немедленно, на этом свете. Те, чьим правилом было непротivление, не колеблясь срывают теперь богослужения и поддерживают самых отчаянных «бунтарей».

Но поступают ли они по «классическим образцам» правого оппортунизма или скрываются за левацкой фразой, их оппортунизм не меняет своей капитулянтской сущности. Он всегда отражает неверие в рабочий класс, в его способность создать широкий фронт против общего врага. Вот почему наша принципиальная критика неотделима от усилий по максимальному вовлечению трудящихся-христиан в массовую борьбу против монополий, за демократию и социализм. Именно в этом плане диалог приобретает большое перспективное значение.

Печатается по журналу «Проблемы мира и социализма», 1971, № 12, стр. 49—53.

ФИДЕЛЬ КАСТРО

ХРИСТИАНЕ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ

из выступления в университете Г. КОНСЕПСЬОН
18 НОЯБРЯ 1971 г.

...Я хочу сразу сказать, что не могу принять утверждения, содержащегося в первой части вопроса,— о том, что «христиане в Латинской Америке уже очень много лет тому назад начали фронтальную борьбу за освобождение своего народа от господства северо-американского империализма».

По этому вопросу в более широком плане я могу высказаться со всей ясностью. Борьба христиан в Латинской Америке не насчитывает «очень много лет», это скорее недавнее явление, да, это недавнее явление, которое мы ценим, приветствуем и рассматриваем как в высшей степени позитивное. Но это недавнее явление.

со своей средой и... «обращения в революцию». Их революционность, однако, говорит лишь языком «искупления» и «покаяния».—
Прим. авт.

Мы не можем сказать, что на Кубе христиане отдали своих лучших представителей революции. Следует отметить, что религиозные элементы, религиозные факторы, как таковые, не играли роли в революционном процессе на Кубе или, скажем, на этапе борьбы за завоевание власти. Как мы понимаем, существовало общее настроение нации в поддержку революционного движения, ясно, что в нем отражалось и настроение христиан. Но это было настроение и тех, кто не принадлежал к христианам, это было мнение всего народа в целом, огромного большинства народа. Только крайне реакционные слои, составлявшие меньшинство, поддерживали режим Батисты, режим на все 100% проимпериалистический, державшийся на репрессиях.

Были христиане, которые независимо, по собственной доброй воле, принимали участие в борьбе; священники, которые сотрудничали с нами. Даже в нашем отряде имелся один священник — отец Сардиньяс; он присоединился к нам и находился в отряде несколько месяцев. И мы относились к нему с большим уважением.

К нам приходили крестьяне, которые хотели, чтобы мы крестили их детей; и отец Сардиньяс их крестил, а я был крестным отцом. (Смех.) Так что у меня много крестников в Сьерра-Маэстре. Мне скажут: «Это был какой-то шарлатан». Нет. Таков был обычай крестьян — крестить детей; именно в таком виде христианство существовало в кубинской деревне. Оно не шло дальше этого, не шло дальше крещения детей. Крестьяне не получали никакого религиозного образования. К нам приходили дети, матери, выражая этим как бы доверие, свое дружеское расположение. Повстанцы попросту становились крестными многих крестьян Сьерра-Маэстры. И отец Сардиньяс был с нами. Конечно, у него не оставалось времени обучать их катехизису, он успевал только крестить.

К тому же, в нашей стране не было христианства в том виде, в каком оно существует в других латиноамериканских странах. Почему? Да потому, что хотя религия и называется у нас христианской, однако мы встречали крестьян, которые были не католиками, а адвентистами... В целом они относились к нам очень хорошо. Мы говорили, что к нам хорошо относились

все христиане, и католики, и христиане-адвентисты, и даже спиритуалисты, даже те, кто верил в звезды, в солнце, в луну, в животных, в чертей, в хорошее, в плохое, и те, кто ни во что не верил. Они нас поддерживали. Такое могло случиться лишь в рамках политической жизни нашей страны.

В нашей стране не существовало христианства в том смысле, в каком оно существует во многих латиноамериканских странах, потому что католическая религия не являлась религией народной, то есть в нашей стране она была главным образом религией богатых. В других латиноамериканских странах католическая религия является также и религией бедняков. Не надо забывать, что христианство зарождалось как религия рабов и преследуемых в Древнем Риме, что-то подобное произошло впоследствии с коммунизмом.

Далее, религия распространялась главным образом через частные колледжи, где обучались представители средних классов и богачи, и только как исключение иногда в такой школе выделялось местечко какому-нибудь бедняку, который должен был в качестве своего рода сверхурочной работы убирать школу. Существовали некоторые религиозные организации, занимавшиеся благотворительностью. Кроме того, надо сказать, что в нашей стране были религиозные общины, занимавшиеся большими, прокаженными, деятельностью гуманного характера, которая меня всегда изумляла, чрезвычайно изумляла, вызывала восхищение. Монашки, работавшие среди прокаженных! Такие организации, такие монахи всегда вызывали у меня чувство большого уважения и восхищения, потому что я видел их бескорыстие, их способность к самопожертвованию ради других, во имя идеи, из чувства верования, из принципа, видел их действия в соответствии с этим принципом, с этим верованием. Они работали в больницах и на тяжелых работах.

Надо сказать и мы говорим, что самоотверженное выполнение такой опасной работы любым из этих людей могло служить идеалом коммунистического поведения. Разъясняя одни вещи, я хочу также уточнить другие. Эта деятельность была благотворительной, предназначалась для бедняков, не имевших возможности нанять сиделку, которая бы за ними ухаживала.

Таково было положение в нашей стране.

КОНФЛИКТЫ, НЕ НОСИВШИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА

Затем возникают нерелигиозные конфликты между революцией и церковью, точнее, не между революцией и церковью, а между революцией и буржуазией, крупной буржуазией, крупными помещиками, крупными собственниками, которые исповедовали католическую религию (не практикуя христианского милосердия, они называли себя католиками) и использовали религиозную проблему в качестве политического инструмента для сопротивления революции. Надо, чтобы это было всем ясно. Они использовали религию в качестве инструмента против революции, исходя из того, что этот класс, интересы которого ущемила революция, имел свою официальную религию. Именно они использовали религию против революции. Таковы были причины конфликта революции с католическими элементами, с частью духовенства, с частью церкви.

Наша революция никогда не была антикатолической, антихристианской или в какой-либо форме антирелигиозной. Наша революция никогда и ни в какой форме не была антирелигиозной. Более того, нам казалось, что вся та широко организованная кампания имела также целью ввести в заблуждение народы Латинской Америки, где действительно есть страны, в которых католическая религия имеет широкое распространение в народе, то есть использовать все это против революционного движения в Латинской Америке.

Мы всегда очень заботились о том, чтобы избегать в нашей стране любых преследований религии и борьбы против нее. Более того, линия, которой следовала революция в отношении священников, замешанных в контрреволюционных делах и проступках, характеризовалась в целом великодушием. Мы предпочитали пожертвовать назидательностью, чтобы не дать империализму лишний повод, который он мог бы использовать в своей политике, стремящейся представить кубинскую революцию как антирелигиозную.

В дальнейшем, когда в нашей стране буржуазия и империализм действительно потеряли всякие позиции и перестали быть социальной силой, когда религиозные вопросы или конфликты, возникавшие в начале революции, стали сходить на нет, у нас остались церк-

ви, функционирующие сейчас свободно. У нас даже имеется духовная семинария, которая готовит священнослужителей. В стране царят мир и гармония, несмотря на возникающие время от времени попытки внешних сил раздуть какую-либо контрреволюционную кампанию с использованием религиозных элементов. Надо сказать, что этот мир достигнут, с одной стороны, благодаря той позиции революции, которую я выше разъяснил, а с другой — благодаря некоторым руководителям церкви, проявившим особый интерес к поиску формы сближения и решения проблем, возникших в нашей стране. Так что в этом отношении у нас сейчас мир и гармония.

Теперь далее. В Латинской Америке в последнее время внутри христианского движения действительно наблюдается появление революционных течений, или, если хотите, назовем их прогрессивными течениями, которые приближаются к революционным позициям. Имеется большое число священников и церковнослужителей, решительно выступающих в поддержку процесса освобождения Латинской Америки. Некоторые из них подвергаются преследованиям, другие отдали жизнь, как Камило Торрес¹. (Аплодисменты.)

РЕВОЛЮЦИЯ — ЭТО ИСКУССТВО ОБЪЕДИНЕНИЯ СИЛ

...Если бы все христиане, все верующие, если бы все мы пришли к согласию в главном — в необходимости освободиться от империализма, это было бы уже нечто, что объединило бы нас всех. Элементарный минимум, но не пустяк. Если бы мы все на нашем континенте пришли к сознанию необходимости освобождения от империализма, если бы каждый из нас оказался способным вложить песчинку в это дело, уже одно это явилось бы огромным шагом вперед по пути освобождения нашего континента.

С этой точки зрения мы приветствуем, симпатизируем и высоко оцениваем движение, развивающееся в последние годы среди христиан. И считаем, что оно имеет большое значение на пути освобождения наших

¹ *Камило Торрес* — колумбийский священник, наиболее яркий представитель левого крыла католической церкви Латинской Америки, активный борец против реакционного режима в Колумбии, примкнувший к партизанам. К. Торрес был убит в феврале 1966 г.

народов, на пути революционной борьбы. Мы должны встретить это движение с уважением, с удовлетворением, и наш долг, долг революционеров, поощрять его.

Печатается по книге Фидель Кастро. Сила революции — в единстве. Речи, выступления, интервью во время визита в Чили. 10 ноября — 4 декабря 1971 г. М., 1972, стр. 171—175, 177.

ЭНРИКО БЕРЛИНГУЭР

ИЗ ДОКЛАДА НА XIII СЪЕЗДЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

МИЛАН. 13—17 МАРТА 1972 г.

VII

Тема идеологического и морального кризиса побуждает нас затронуть вопрос об отношениях с католическим миром.

Второй Ватиканский вселенский собор отразил стремление церкви определить свои отношения с тем гигантским движением за освобождение, которое развернулось на всех континентах после второй мировой войны и охватило бесчисленные массы и в котором участвуют и играют руководящую роль рабочее движение, коммунистические партии, социалистические государства, антиимпериалистические движения. Это была попытка обратить внимание на то, что папа Иоанн XXIII назвал «знамениями времени».

К новшествам Вселенского собора следует отнести открытие, сделанное церковью, что центральная проблема — это освобождение человека здесь, на земле, а не только его спасение на том свете, а также убеждение, что решение обеих этих проблем влечет за собой решительную переоценку взгляда на коллектив.

Таким образом, в ходе этих поисков распалась старая теоретическая и идеологическая концепция традиционной христианской социальной доктрины. Корпо-

ративизм, межклассовость, идея светской власти папы переживают кризис, и часть католических народных масс и руководителей их светских организаций уже не склонны считать единственно возможным, убедительным и исчерпывающим ответ католической церкви на земные проблемы человека — политические, экономические, социальные, гражданские, культурные, понимая необходимость сопоставления своих концепций с концепциями других и с другими движениями.

В результате становилось также невозможно защищать старую позицию, согласно которой решать эти проблемы в конечном счете могла только церковная иерархия. Отсюда был сделан вывод, что мирским силам надлежит принимать необходимые политические решения, исходя из той исторической ситуации, в которой они призваны действовать.

Таким образом, в монолитной доктрине, этом наследии контрреформации, возникла небольшая трещина, положившая также начало отказу от вмешательства во внутренние дела различных стран в соответствии с линией, полностью отличавшейся от той, которой придерживались до сих пор.

Это вызвало волнения в итальянском католическом мире (и не только в итальянском), который все еще живет в атмосфере большого беспокойства, стремления к поискам, к выдвижению различных предложений, к протестам.

Но потрясение такого масштаба не могло не привести к двум противоречиям, которые переплетаются друг с другом и в силу этого обостряют кризис католического мира и христианской демократии.

С одной стороны, мы наблюдаем такое явление, как конец тесной связи между христианско-демократической партией и Христианской ассоциацией итальянских трудящихся, укрепление позиций в пользу единства в Итальянской конфедерации профсоюзов трудящихся¹, признаки кризиса феодального господства Бономи² в конфедерации крестьян-землевладельцев, тенденции некоторых католических мирских орга-

¹ *Христианская ассоциация итальянских трудящихся* — массовая светская католическая организация; выступает за автономию от церкви и от христианско-демократической партии.

² *Бономи Иваноз* (1873—1951) — итальянский политический и государственный деятель.

низаций искать самостоятельных форм деятельности в гражданской и религиозной сферах.

Произошли некоторые изменения и в самой структуре католической церкви, и в методах управления ею. Во внешнем плане также были сделаны новые шаги и заняты новые позиции по некоторым международным проблемам — проблемам безопасности в Европе, отношений с некоторыми странами Востока, с латиноамериканскими странами — от Чили до Кубы — со странами Африки и Азии, по вопросу о всемирном характере Организации Объединенных Наций.

Но с другой стороны, проявилась реакция явно консервативного характера, резкий возврат к замкнутым позициям традиционализма, попытка реванша в клерикальном духе, возобновление прямого вмешательства в политику значительной части епископов.

Типичными и очень серьезными в этом смысле являются позиции, занятые недавно итальянским епископским советом. Это новое и очень серьезное вмешательство в жизнь итальянского государства, которое, однако, по всей вероятности, вызовет еще более сильные возражения, чем те, которые вызывало аналогичное вмешательство в прошлом. Этот контрудар дал себя почувствовать также и в сугубо политической сфере.

Кризис христианско-демократической партии развивался одновременно и в другом смысле. Христианско-демократическая партия уже давно сильно отличается не только от старой народной партии Стурцо¹, но и от той, какой она была во времена Де Гаспери².

Изменилась старая социальная картина, дал трещину старый идеологический цемент, уменьшилась сила такого оружия, как санфедизм³, активизирова-

¹ *Стурцо Луиджи* (1871—1956) — итальянский священник. Один из организаторов народной партии «Пополари» — первой массовой католической партии в Италии. В 1919—1923 гг. ее политический секретарь.

² *Де Гаспери Альчиде* (1881—1954) — итальянский политический деятель, 1944—1946 гг. — политический секретарь христианско-демократической партии Италии, с декабря 1945 г. по июль 1953 г. был председателем совета министров Италии.

³ *Санфедизм* — реакционная клерикальная идеология. Название происходит от «Santa Fede» (святая вера) — клерикальной антиреспубликанской организации, возникшей в Неаполе в 1799 г. и особенно процветавшей в период Папского государства.

лась реорганизация христианско-демократической партии, которая превращает ее в центр новой системы власти, основанной на использовании государственно-го аппарата, государственных учреждений и предприятий как орудия сохранения и расширения контроля и связи с различными социальными слоями.

Но и в этой системе начинают выявляться пробелы как на левом, так и на правом фланге: общее обострение социальных и политических противоречий в стране, которое отражается на этой разнородной и сложной партии, нарушает ее политическое и идеологическое единство.

В результате такого мучительного и противоречивого процесса и возник нынешний кризис политического и социального движения итальянских католиков.

Нынешний кризис возлагает на нас задачу — способствовать свободному развитию всех подлинно демократических католических сил, помочь тем ценностям, к которым стремится наиболее живое христианское сознание, найти исторически оправданные формы выражения, чтобы они могли самостоятельно содействовать построению общества высшего типа.

Следовательно, нужно расширять и углублять диалог и контакты между коммунистическим миром и католическим миром в связи со всеми крупными проблемами нашей эпохи, причем не только в Италии, но и во всей Европе и на других континентах. Однако в нашей стране сближение и сопоставление взглядов между рабочим движением коммунистического и социалистического направления и народным католическим движением имеет определенное политическое содержание и политическую цель — обновить государство и обеспечить ему такую широкую и прочную поддержку масс, чтобы оно было защищено от всякого консервативного регресса и стало руководителем и гарантом построения общества, которое более не было бы основано на эксплуатации и отчуждении человека.

*Печатается по книге «XIII съезд
Итальянской коммунистической пар-
тии (Милан, 13—17 марта 1972 го-
да)». М., 1973, стр. 52—55.*

О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ДИАЛОГА МАРКСИСТОВ И ХРИСТИАН

Как известно, Ленин в своей работе «О значении воинствующего материализма» писал, что успех революционной борьбы зависит от политики партии в отношении союзников рабочего класса, некоммунистов. Эта проблема в настоящее время выдвигается в центр нашего внимания. При этом как борьба масс во всех трех основных течениях единого мирового революционного процесса, так и борьба против различных попыток идеологической диверсии влекут за собой, в частности, многообразные контакты или конфронтацию марксистской идеологии, с одной стороны, и религии — с другой. В ФРГ этот аспект идеологической работы коммунистов проявляется по-разному; например, в том, что возникает необходимость учитывать изменения в евангелической церкви и евангелической теологии, появление в ней ряда новых мотивов, новых направлений.

История христианства достаточно хорошо известна, известно и его постоянное приспособление к изменяющимся историческим условиям, к крупным социальным сдвигам. Но при этом мы должны заметить, что ныне совершаются и предстоят социальные преобразования принципиально иного порядка, чем это было в предыдущие эпохи. В прошлом для институализированного христианства, то есть для церкви, речь шла лишь о том, чтобы всякий раз приспособиться к новому обществу эксплуатации и угнетения, сохраняя социальную функцию церкви как орудия обеспечения эксплуатации и угнетения.

Сегодня церковь стоит перед совершенно иной проблемой. Впервые созрели такие общественные условия, когда стало возможным освобождение народов от эксплуатации и угнетения и когда оно уже осуществлено в социалистических государствах. В борьбе за коренные социальные преобразования непосредственно участвует все большее число трудящихся-верующих. В своем стремлении приспособиться к реальному

историческому процессу и сохранить при этом традиционную социальную функцию современная церковная иерархия сталкивается с неразрешимыми для себя трудностями. Именно поэтому столь противоречивы многочисленные попытки всех современных церквей выработать новую социальную программу.

Вся современная теология так или иначе, сознательно или бессознательно, несет на себе печать современной эпохи, всеобщего кризиса капитализма и ставшего на повестку дня перехода к социализму. Это относится как к реакционным видам теологически оформленных идеологических систем, так и к попыткам «левых» теологов выразить прогрессивные общественные тенденции, а также к попыткам идейного предвосхищения того, что ожидает впереди верующих людей.

Большое место в трудах современных теологов занимают размышления над истоками этой новой ситуации, над причинами кризиса церкви и религиозного сознания. «Первая мировая война потрясла базис, на котором преимущественно строилось мышление евангелической теологии»¹, — говорится в «Карманном словаре по религии и теологии». Новая теология, по словам Царнта, начинается с «краха буржуазно-идеалистического мышления XIX века»², с потери иллюзий о «святом» буржуазном мире, подобно тому как это произошло в августе 1914 года в головах Карла Барта, Эмиля Бруннера, Пауля Тиллиха, Карла Ясперса. Барт задавался тогда вопросом: как можно в таких условиях еще оставаться священником? Разумеется, неосознанно, но фактически именно Октябрьская революция оказалась крестной матерью знаменитой книги Барта «Послание к римлянам», которая появилась в 1919 году и содержала призыв положить конец «движению по кругу от зла ко злу, от реакции к революции»³.

Если мы и должны понимать основные мотивы теологии последних десятилетий в целом как отражение всеобщего кризиса капитализма, последствий Ок-

¹ «Taschenlexikon Religion und Theologie». Göttingen, 1971, S. 159.

² H. Zahrnt. Die Sache mit Gott. Piper. München, 1968.

³ K. Barth. Der Römerbrief. 2. Aufl. München, 1922, S. 480.

тябрьской революции, возникновения проблемы перехода к социализму во всемирном масштабе, то, очевидно, было бы совершенно ошибочно соглашаться с точкой зрения, высказываемой некоторыми гуманистически настроенными теологами, будто внутри евангелической церкви, внутри всего современного христианства прогрессивные тенденции уже возобладали. Во всяком случае, в ФРГ это не так: обе существующие в стране церкви возглавляются и направляются силами, которые многими своими акциями прокладывают путь реакции (в том числе фашистского толка) и войне. Эти церкви прочно связаны с находящимся ныне в оппозиции блоком партий ХДС — ХСС.

Теологи же, выражающие прогрессивные социально-политические тенденции, стремятся найти обоснования для того, чтобы доказать «естественность» таких тенденций в христианстве. Так, например, Карл Барт первым попытался провести различие между христианством и религией. Первое — божественно, второе имеет человеческие истоки. К этой линии, продолженной впоследствии Бонхёффером, присоединяется ныне немало «левых» теологов, опираясь на следующую аргументацию: критика религии, данная Марксом, совершенно верна по отношению к христианству прошлых веков, которое было «искаженным». Однако к «собственно христианству» эта критика, по их утверждению, не относится. Отсюда делают вывод о том, что марксизм стал атеистическим лишь в силу «преходящих причин», что марксизм и христианство могут быть «соединены».

Существуют и другие обоснования уже происшедших и ожидаемых изменений в социальной ориентации христианской теологии. Уделяется большое внимание, в частности, интерпретации роста социальной роли и авторитета науки в современном мире. Некоторые «левые» теологи, последователи Барта, полагают, что существует разделение мира и бога, в результате чего имеется возможность отдать мир полностью в ведение материалистической науки, сохранив за собой лишь совершенно отличную, автономную и в конечном счете божественную, то есть более достойную, сферу. Само собой разумеется, что в действительности никакого раздвоения бытия не существует. Нет и не может быть никакой материалистически ориентированной науки о

мире, если сущностные связи этого бытия перенесены в потусторонний мир.

В нынешней протестантской теологии мы встречаемся, по-видимому, с возрождением тезиса одного из противников Фомы Аквинского, Сигера Брабантского, о том, что существуют две истины и, следовательно, два способа познания. Эту идею мы находим в «диалектической теологии» Барта, в его «диалектическом» противопоставлении человеческого и божественного.

Однако при анализе существа этого вопроса нельзя забывать, что учение Сигера Брабантского о двойственности истины было сформулировано в эпоху, когда в недрах феодализма зарождались ранние буржуазные формы культуры и идеологии. В этом учении отразилась борьба новых, раннебуржуазных идеологических тенденций против схоластической теологии феодализма. Силы, представлявшие интересы восходящей буржуазии, искали в учении о двух истинах и двух способах познания путь к освобождению естествознания от оков схоластики. Нынешнее возрождение теории двойственной истины имеет как раз противоположный смысл — спасти для теологии некую «остаточную» сферу.

Оценивая взгляды К. Барта и его последователей, устанавливающих дистанцию между человеческим и божественным, мы опираемся не только на положения исторического материализма, но и на тезис о материальном единстве мира. Именно материальное единство мира, подтверждаемое развитием науки и социальной практики, служит сильнейшим опровержением содержащегося в религиозной теории Барта «раздвоения» мира на мир посюсторонний, познаваемый и мир потусторонний, недоступный рациональному познанию. Кроме того, имеется настоятельная необходимость исследовать парадоксы «качественной диалектики». (Я попытался это сделать, между прочим, в своей книге ««Третий путь» Герберта Маркузе».) В противовес некоторым левым последователям Барта, принимающим всерьез различия между религией и христианством, мы должны доказать несовместимость теологии Барта с марксизмом. И, само собой разумеется, мы должны показать, что в отличие от всякой религии и всякой теологии марксизм не признает такой области, которая стояла бы вне проверки посредством на-

учных аргументов, которая находилась бы вне критерия практики. Марксизму чужды агностические выводы, неприемлема для нас и теория «двух истин».

Линию на разделение христианства и религии продолжал — уже самостоятельно — Дитрих Бонхёффер. Мир стал зрелым, писал он в книге «Соппротивление и смирение», мир не нуждается более в божественном опекуне¹. «Человек научился сам справляться со всеми важными вопросами, не прибегая к помощи «рабочей гипотезы» — бога»². Люди сумеют без помощи бога разрешить и проблемы вины, страдания и смерти; это неверно, что будто бы «ответ на них дает только христианство»³. Бонхёффер отмечал, что человек лишь в общении с другими людьми становится самим собой и перестает быть фрагментарным⁴. Он признавал, что источником религии является незнание, допускающее бога на границу нашего знания как заполнителя пустого пространства, как «затычку»⁵. Но в то же время он не признавал социальных корней религии. Он обращался против такого бога лишь постольку, поскольку с прогрессом наук такой бог утрачивает качества бога: «Мне стало вновь совершенно ясно, что непозволительно заставлять бога превращаться в затычку нашего несовершенного познания: по мере того как границы познания все более расширяются — что объективно неизбежно, — бог вместе с ними отодвигается все далее и далее; он оказывается поэтому как бы в состоянии прогрессирующего отступления. Мы должны находить бога в том, что мы познаем, а не в том, что мы не познаем...»⁶ Следовательно, Бонхёффер выступал за такую веру, которая могла бы не вступать в конфликт с наукой. «Потусторонность бога — это не потусторонность возможностей нашего познания...»⁷ Бонхёффер требует познавать мир, познавать законы природы и — здесь он поднимается выше неокантианства — «законы, по которым мир живет в науке, обще-

¹ *Dietrich Bonhoeffer. Widerstand und Ergebung. München, 1956, S. 217.* Бонхёффер, участник Соппротивления, был, как известно, казнен нацистами.

² *Ibid.*, S. 215.

³ *Ibid.*, S. 211.

⁴ *Ibid.*, S. 141.

⁵ *Ibid.*, S. 181.

⁶ *Ibid.*, S. 210—211.

⁷ *Ibid.*, S. 182.

стве, государственной жизни, в искусстве, этике, религии и по которым он создается»¹.

Как показывает пример Бонхёффера, современная теология как бы отходит от признания трансцендентного характера религии. Бог существует уже не как личность вне или внутри мира, он уже и не первоначальник мира; следовательно, мир уже не должен иметь начало во времени; бог уже и не «затычка», которую следует поместить на границе достигнутого нами знания. Бог является скорее постоянным творцом мира, и здесь мы снова имеем дело с возвратом к схоластике, на этот раз с несколько менее известным тезисом Фомы Аквинского. Применительно к наиболее развитым формам (мира) бог уподобляется развитию, истории, движению.

Опровергая эти положения теологии, мы в своей критике должны опираться на доказательство материалистически-монистического характера детерминизма, на выявление противоречия между верой в чудеса — ибо постоянное творение было бы непрерывным нарушением законов природы — и закономерностью процессов в природе и обществе. Мы должны строить наше опровержение на доказательстве того, что движение — это способ существования материи, что оно есть результат внутренних диалектических противоречий материи.

Изложенная выше в кратких чертах форма теологии порождает некоторую новую тенденцию. Она проявляется в том, что Бонхёффер, Робинсон и другие пытаются обосновать реальность бога внутри мира, иначе говоря, выразить трансценденцию с антропологических позиций. Если проанализировать существо их аргументов, то в конечном счете останутся лишь межчеловеческие отношения, вроде любви, эмоций вообще, получится возврат к концепции типа религии любви Фейербаха. В действительности же это не возврат к Фейербаху, а поворот к экзистенциалистскому толкованию внутренней сущности, к одной из наиболее реакционных форм современного субъективного идеализма. Под воздействием экзистенциализма сущностные признаки человека автономизируются, затем абсолютизируются и противопоставляются как господст-

¹ *Dietrich Bonhoeffer. Widerstand und Ergebung. München, 1956, S. 215.*

вующая сила человеку, лишенному сущностных признаков.

В противовес этому мы в своей критике вырабатываем марксистское понимание связи человека и общества, мы опровергаем антропологическую маскировку, за которой скрывается теория деградации человека, утверждающая, что человек не является творцом самого себя и своих общественных жизненных условий. Мы показываем, что на место объективно-идеалистического «выведения» трансценденции пришло субъективно-идеалистическое.

Некоторые протестантские теологи, следующие Бонхёфферу, развивают тезис о «безбожественной» картине мира. Они говорят о своем признании материалистической точки зрения и атеизма в научном исследовании реального мира, однако истолковывают это в смысле уже показанного выше выделения основной сущности мира и ее потусторонности. По существу, здесь речь идет о позитивистском понимании науки. Эти теологи приходят к выводу, что нет границ для познания позитивистски понимаемого мира, что в познании этого реального мира и в поведении по отношению к нему христиане и марксисты могут стоять на идентичных позициях. Они полагают, что не существует бога, который был бы доступен человеческому познанию, который был бы наблюдаем человеческим глазом и необходим для освоения земли человеком. Они как бы расщепляют бога. Их теологические представления пронизаны идеями теологии Карла Барта. Бог в своем откровении милостив, страждущ, смертен. Однако этим качествам бога негативно-диалектическим образом соответствуют скрытые качества бога, который может быть гневен, всесилен, способен посылать восхождение.

Здесь мы снова видим рецидив теории двойственной истины в ее современном звучании. Тот, кто знаком с современной буржуазной философией, знает, что ей свойственна общая тенденция недооценки рационального познания в пользу иррациональных форм познания. Познание мира открыто разуму. Однако совершенно иной субъект — субъект веры — требует не рационального познания, а познания с помощью веры. Эти тезисы находятся в русле традиции реакционной, иррационалистической немецкой философии.

Центральный пункт состоит здесь в постулировании такой теории истины, критерием которой является не сопоставление суждения с реальностью через практику, а вера, интуиция и другие, всякий раз субъективные, факторы. То, что следовало бы сказать в опровержение этого субъективизма, уже давно превосходно сказал Гегель.

Еще одно входящее в моду направление — идеи так называемой «теологии революции». Эти идеи направлены на обоснование такой теологии, которая не создавала бы впечатления о противоположности церкви и революции. Причем многие из теологов хотели бы разработать такую «теологию революции», которая позволила бы им занять негативную позицию в отношении действительной социалистической революции и реального социализма, подменить их движением, полностью находящимся под эгидой христианства. Решающим мотивом этой теологии является если не прямой антикоммунизм, то попытка противопоставить марксизму альтернативу христианства. Ее объективное назначение состоит в том, чтобы там, где церковь имеет влияние на массы, отделить эти народные массы от руководствующихся марксизмом революционных сил.

Это получило свое концептуальное оформление главным образом в странах англосаксонского языка, где понятие революции зачастую толкуется в эволюционистском смысле. Один из виднейших «теологов революции» — Ричард Шолл исходит из того, что природа и общество, находясь в процессе сотворения, пребывают в состоянии постоянного развития. Поэтому всякий установившийся порядок приходит в противоречие с этим процессом. Иисус, заявляет он, был против всяких авторитетов. Затем в духе аргументов Маркузе и антиавторитарных студенческих выступлений развиваются политические и этические идеи. Предлагается линия поведения, не допускающая сближения с организованным рабочим классом. Дается ориентация не на классовую борьбу, а на своего рода мессианское движение бедных, непривилегированных слоев. Наиболее радикальные из «теологов революции» проповедуют тактику герильи, распространяют троцкистские идеи перманентной революции. В противовес капитализму и социализму выдвигается третий путь, третья

цель: «Новое поколение требует новой жизненной формы, которая превзойдет обе системы»¹, и здесь уже совершенно отчетливо выступает конвергенционистский аспект «теологии революции».

Не так давно в ФРГ в прогрессивном духе выступила еще одна группировка, претендующая на создание «политической теологии». В Кельне вокруг теолога Доротеи Зелле образовалась целая группа, подвергающаяся сильным атакам со стороны официальной церкви. Она выступает против теологии Бультмана, против его концепции индивидуального человека и официальной деполитизации евангелия, которая в действительности означает лишь попытку стабилизировать существующие отношения. Д. Зелле подчеркивает, что Иисус действовал конкретно-политически, выступал против денег, против войны, защищал бедных. Теология, по ее мнению, должна быть политической, общественной, а не индивидуалистической; она должна рассматривать современные условия как возникшие исторически, она должна в мыслях стать выше рамок этих современных капиталистических отношений. Иначе она окажется на позициях того класса, который защищает существующую действительность и выступает против двух третей населения земного шара — проклятием заклеянных этой земли. Общественная жизнь, по мнению Зелле, ныне стала понятной, общество может быть изменено. Если люди не могут жить по-человечески в нечеловеческих условиях, то должны быть ликвидированы сами условия, которые оправдывают и порождают войну, голод, отчужденный труд — капиталистический строй. Греховно сотрудничество с этой системой, как и уклонение от борьбы против тех механизмов, с помощью которых эта система подчиняет индивидов своим законам. Аскетизм, бегство от мира и движение протеста в духе проповеди хиппи и Маркузе расцениваются Зелле и ее единомышленниками как индивидуальное бегство от общественной несвободы, основанное на ошибочной позиции.

«Политическая теология» страдает непреодолимым противоречием, которое было свойственно уже теологии Бультмана; она стремится соединить экзистенциа-

¹ T. Rendtorff, H. -E. Tödt. Theorie der Revolution. Frankfurt am Main, 1969, S. 222.

лизм с историческим методом либеральной теологии и на этой основе защитить социально-революционные тенденции раннего христианства. Признание представителями «политической теологии» существования классов и классовой борьбы, решающей роли насилия в истории еще не связано с сознательным признанием революционной классовой борьбы угнетенных и эксплуатируемых масс. «Политическая теология» в силу объективных причин еще слишком задерживается на уровне идеологической критики, основанной на методологии экзистенциализма, дополненной элементами теории Франкфуртской школы.

Очерченные здесь границы «политической теологии» в настоящее время преодолеваются лишь одной, к сожалению, немногочисленной группой, образовавшейся на конференции христианских сторонников мира и включающей таких известных борцов за мир, как Рената Римек, Герберт Мохальский, Генрих Вернер.

Они понимают характер нашей эпохи, сознают, что вопрос о собственности является решающим общественно-политическим вопросом, они признают революционную классовую борьбу. Им знакомы методы идеологической диверсии, и они борются против них. Они понимают роль церкви и направляют огонь своей критики против ее реакционных позиций. Они признают диалог между марксистами и христианами по проблемам революционной практики. Их представители занимают резко критические позиции в отношении различных приверженцев теологии, в том числе в отношении представителей «теологии революции»¹.

Очевидна необходимость более глубокого и дифференцированного осмысления идеологических проблем диалога марксистов и христиан, с тем чтобы он не оказался в русле идеологической игры, на которую его толкают проводники идеологических диверсий, ревизионисты. Идеологическая конфронтация не исключает возможности практического сотрудничества в жизненно важных вопросах, являясь при данных условиях его необходимым идейным продолжением.

Печатается по журналу «Вопросы философии», 1972, № 10, стр. 71—76.

¹ «Christen und Revolution. Konvergenz und Theologie». Pahl-Rugenstein-Verlag. Köln, 1971.

ИЗ ДОКЛАДА НА XX СЪЕЗДЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

СЕНТ-УЭН. 13—17 ДЕКАБРЯ 1972 г.

...Народный союз — это объединение всех этих социальных слоев, всех мужчин и женщин, независимо от их философских взглядов и религиозных убеждений, независимо от того, к какому политическому течению они считали необходимым принадлежать до сих пор.

Миллионы христиан, и особенно трудящиеся, как и их неверующие братья, подвергаются жестокой эксплуатации со стороны капитала. Они тоже говорят, что так дальше не может продолжаться, что нужно покончить с социальной несправедливостью. Они отказываются противопоставлять свою веру классовой борьбе. Согласно недавно проведенному опросу общественного мнения, 70% католиков в нашей стране, соблюдающих религиозные обряды, считают, что нет несовместимости между христианской верой и социализмом¹. Это изменение состояния умов нашло отражение в недавних выступлениях христианских движений и даже церкви. Идет ли речь об епископах католической церкви или о Французской протестантской федерации, они придерживаются одного и того же мнения о современном обществе, осуждая негативные стороны экономической и социальной системы. У верующих крепнет понимание того, что им необходимо стоять бок о бок со всеми рабочими и демократическими силами, проявляя друг к другу взаимное уважение. Это понимание все больше и больше берет верх над идеологическими разногласиями. На недавно состоявшемся в Гапе собрании-дискуссии один священник спросил меня: «Что будет с моими свободами во Франции, принявшей совместную программу?» Я ответил ему: «Во Франции демократической, так же как и во Франции социалистической, не будет граждан второго сорта.

¹ Имеется в виду опрос общественного мнения, проведенный во Франции в 1972 г.

Христиане будут пользоваться теми же свободами и теми же правами, что и атеисты. Свобода вероисповедания будет гарантирована. Церковь будет отделена от государства. И в самом деле, совместная программа не содержит в себе ничего, что противоречило бы вере христианина. Напротив, у христиан есть все основания для того, чтобы участвовать в движении за демократические перемены и содействовать построению более справедливого и более свободного общества»...

Печатается по книге «XX съезд Французской коммунистической партии. Сент-Уэн. 13—17 декабря 1972 г.». М., 1973, стр. 67.

ВАЛЬТЕР ХОЛЛИЧЕР

СВОБОДОМЫСЛЯЩИЕ В НАШЕ ПЕРЕЛОМНОЕ ВРЕМЯ¹

Свобода от религиозных установлений еще не освобождает людей от всех предубеждений, связывающих их мышление, если они одновременно не получают научно обоснованных убеждений, которые бы служили им для ориентации в деятельности.

Лишь понимание ситуации делает возможными компетентные суждения и прогрессивные действия, т. е. не только деятельность, направленную на отрицание, но и позитивную, свободную деятельность.

Для свободомыслящих наших дней правильный диагноз современности выступает поэтому предпосылкой обоснованного прогноза достижимого, который, в свою очередь, является предпосылкой для целенаправленного осуществления прогнозируемого, в данном случае — гуманизации человеческого рода.

Эта цель кажется нам не только желаемой, но и достижимой, ибо объективный смысл и фактическое направление движения истории и активности творящих

¹ Сокращенный перевод доклада, прочитанного на XXXVII конгрессе (Париж, 1973) Всемирного союза свободомыслящих (ВСС).

ее людей позволяют увидеть гуманизацию общества, происходящую (правда, в колеблющемся ритме) со времени становления человека, его выхода из животного царства: постепенное становление и формирование творческих сил людей, их способности производить, познавать, изобретать, творить, решать морально-политические вопросы.

Все большее число людей отчетливо ощущает то, что мы переживаем сегодня переломное время. Они чувствуют, что, подходя к положению дела глобально, а часто и локально, нельзя идти дальше так, как раньше, если мы хотим, чтобы это положение улучшилось. В мире, где сотни миллионов людей, задерживаемых империализмом в своем развитии, недоедают или даже голодают, развиты гигантские производительные силы. При разумном использовании они могли бы обеспечить достойную человека жизнь для всех. В то же время в современном мире освобождены от оков такие разрушительные силы, злоупотребление которыми означало бы конец истории человеческой цивилизации и вместе с ней всякого свободомыслия. В такой ситуации следует мыслить ясно и остро.

Существует много ошибочных и фальшивых диагнозов, поставленных предубежденными диагностиками, высказывающими соответственно и неправильные рекомендации. Огрубленно можно различать три группы ошибок при оценке характера нашего переходного века, назовем их технологическими, социологическими и биологическими.

Технологические ошибочные истолкования, абсолютизирующие технико-технологические аспекты, придерживаясь упрощенного расчленения истории на каменный, бронзовый или медный и железный века (которое имеет определенную ценность для более ранних периодов истории), продолжают периодизацию по предметам и орудиям труда на так называемое время пара, электричества и еще более современно звучащие определения. Говорят о периоде «искусственных материалов», о «космической эре», «компьютерно-автоматной» или «технотронной эпохе». Так характеризуются производительные силы, созданные в ходе современного научно-технического прогресса, независимо от общественно-экономических отношений, которые их используют или ими злоупотребляют.

Ошибки технологического подхода часто переходят в ошибки социологического подхода, который неконкретно и неисторически применяет социологические категории для периодизации истории. Тогда современный мир, несмотря на противоположность между социалистическими и капиталистическими странами (а для последних — на различия между развитыми и неразвитыми странами), описывается как «индустриальное общество», в котором якобы сходятся и социализм и капитализм, причем в зависимости от вкуса социологизирующих авторов эта мнимая конвергенция оценивается позитивно или негативно, с уважением или пренебрежением.

Другие социологи уже провозглашают смену «индустриального общества» «постиндустриальным», в котором-де производство должно повернуться в сторону обслуживания населения, и все это говорится в то время, когда почти половина жителей планеты испытывает голод, нужду, недостаток жилища, одежды, больниц и многих других жизненно необходимых вещей.

Однако с недавних пор влиятельные идеологи этой школы, напуганные последствиями развития бесплатного хозяйства, требуют поставить на место обожествлявшегося ими прежде максимального развития совокупного общественного продукта то, что они называют «нулевым развитием», а это означало бы окончательный мораторий для индустриального развития оставших стран и перемену полюсов с «общества всеобщего потребления», о котором они раньше мечтали, к отказу от него.

Наконец, ложное истолкование нашего переходного времени в биологическом духе представляет собой новый вариант так называемого социал-дарвинизма, который в свое время совершенно безосновательно перенес гениальное дарвиновское биологическое учение о «борьбе за существование» и «выживании наиболее приспособленных» на еще оптимистически настроенную буржуазию и ее конкурентную борьбу. В действительности эта борьба вырастает среди людей из экономических факторов, а не из биологических.

В нисходящей фазе буржуазного общества среди его защитников появляются настроения пессимизма, мысли о закате мира. В то время как упомянутые социологизирующие пророки «нулевого развития» про-

граммируют с помощью компьютерного исчисления будущее капиталистического общества как неизменно-го в своей социально-экономической структуре, пессимизм сегодняшних социал-дарвинистов опирается на утверждение, что человеку изначально присуща злобно-разрушительная природа, что он есть в сущности вспыльчивая, размахивающая атомным оружием обезьяна и вопросы жизни и выживания в нынешнее время зависят будто бы от того, удастся ли действительно сдерживать эту биологически заложенную в человеке агрессивность.

Названная выше широко распространенная доктрина, с которой связаны многие массовые доктрины Запада, не опирается на наблюдения за поведением живущих ныне человекообразных обезьян или на надежные данные о жизни предлюдей. Хотя антропологам и известны их ископаемые орудия, но последние нельзя отождествлять с оружием для ведения войн (кроме того, добавим: отношения друг к другу живущих ныне человекообразных обезьян — шимпанзе, горилл, орангутангов, гиббонов, — как правило, очень дружелюбные и не могут быть уподоблены «отношениям джунглей», свойственным империализму).

Исследуя генеалогию доктрины «зла в человеке», наталкиваешься в первую очередь на античное мнение, согласно которому человек человеку — волк, на хорошо известное свободомыслящим иудео-христианско-исламское учение о первородном грехе, изложенное в Библии и в Коране, и его средневековые толкования, на близкую этому идею раннего капитализма о борьбе всех против всех и на сформулированное под впечатлением ужаса первой мировой войны психоаналитическое учение об агрессивном стремлении человека, которое позднее превратилось в учение о якобы противостоящем жизни стремлении к смерти.

Все эти учения проецируют сегодняшние социальные процессы, толкуется ли это под углом зрения религии или биологии, на природу человека, приписывают этой мнимой природе то, что скорее является формами культуры, созданными людьми, и таким образом противодействуют гуманистическому взгляду, что человек есть совокупность изменчивых и изменяющихся общественных отношений и что сегодня наступило время, когда эксплуатация, угнетение, порабощение могут

быть изгнаны из общества и, как говорил Маркс, могут быть опрокинуты отношения, в которых человек есть униженное, поработенное, покинутое и презренное существо.

Впрочем, когда речь идет о зле, католическая церковь, вместо того чтобы показывать конкретные причины дурных и нечеловеческих условий, возвращается к их мистифицирующей персонификации и пробуждает давно забытого большинством верующих сатану.

Католический журнал рассказывает, что папа Павел VI сообщил своим слушателям во время аудиенции 15 ноября 1972 г. о черте, демоне, таинственном враге, принципе зла, всеобщем развратителе. «Это — враг номер один, настоящий искушитель, — пояснил папа. — Мы знаем, что существует действительно темное существо, сбивающее людей с толку, и оно все еще занимается с убийственной хитростью своим делом. Это скрытый враг, который сеет в человеческой истории несчастье и смущение. Он тонкий интриган, мешающий нравственному равновесию человека. Он предательский и лукавый волшебник, который умеет вкрадываться к нам в доверие через наши чувства, фантазии, мышление, вожеления, неупорядоченные социальные контакты в сфере деятельности, чтобы ввести нас в заблуждение».

Не случайно, очевидно, зло здесь не только персонифицируется как нечто потустороннее, вместо того чтобы пониматься как посюстороннее, социально обусловленное, но и борьба против зла объявляется утопичной и в силу якобы своей социальной произвольности «нечистой».

Наряду с таким возвратом к давно забытому содержанию имеется еще религиозная эрзац-теория, которая, ссылаясь на космическую технику и науку, распространяет среди населения, смотрящего телевидение и читающего литературу, старые мифы и догмы, придав им псевдосовременный вид. Здесь можно услышать, будто боги были реальными существами: это астронавты, прилетевшие с других созвездий сверхчеловеческим способом и оставившие о своем прилете как воспоминания, так и вполне материальные следы. Эти мнимые следы подбираются их провозвестниками из

археологии и истории, причем находки этих наук представляются как нечто удивительнейшее.

Так, была найдена гробница под «Храмом надписей» в руинах города майя Паленике в Мексике. На боковых стенах гробницы изображено девять рельефно выполненных фигур в богатом украшении; каково их подлинное отношение к живым богам, для специалистов совершенно ясно: на каменной плите, которой покрыт огромный саркофаг, можно увидеть изображения, которые хорошо известны из иконографии майя и могут идентифицироваться посредством сравнения с другими произведениями искусства культуры майя.

Однако псевдонаучные истолкователи хотят представить живого бога в виде путешествующего космонавта, и с этой целью они, не считаясь с замыслом художника, произвольно поворачивают изображение на 90° и таким образом заставляют фигуру божества мчаться на «ракете», как на мотоцикле, вместо того чтобы, как это было предусмотрено автором, парить в небе, которое усеяно бледно-зелеными камнями. Так «живой бог» преобразуется в космонавта и вместе с многочисленными другими аналогично используемыми «свидетельствами» привлекается для обоснования мнения, что религия не представляет никакого «извращенного сознания», но может быть истолкована как воспоминание о более высоких существах с далеких миров! Под воздействием секуляризации новая вера становится широко распространенной. Хотя она, несомненно, будет недолговечной, но все-таки заслуживает нашего внимания.

Что же фактически дают нам теперь наука и мораль для понимания действительности и ориентации в ней? Какие гуманистические мнения и направления соответствуют нашему действительному положению и нашим задачам? Ответ на этот вопрос Всемирного союза свободомыслящих можно дать, только раскрыв социальный характер нашего переломного времени.

В представленном для дискуссии на конгрессе проекте «Программного заявления» говорится: «Последняя треть XX столетия в истории человечества отмечена глубочайшими социальными изменениями и сдвигами в области научного знания. Огромный прогресс исследований, техники и общественных наук служит доказательством неограниченных способностей и воз-

можностей человека. Глубочайшие изменения и потрясения социальных структур и отношений между людьми как результат действий миллионов привели к тому, что люди стали сознательными строителями собственной жизни. С каждым днем в этот процесс осознанной борьбы за свое будущее вовлекаются все новые миллионы. Вначале стихийно, а затем на все более научной основе массы людей осознают свои силы, свои способности и возможности. Каждый день они практически дают доказательства нового гуманизма...»

Гуманизм, соответствующий потребности современного прогресса в отличие от требований прогресса в прошлом, только тогда является подлинным гуманизмом, когда он борется, оправдывает себя в общественной практике. Уже во времена поднимающейся буржуазии передовыми людьми выдвигались революционные идеи о том, что под истинной религией следует понимать не что иное, как человечность, которая требует развивать науки и искусства, заниматься политикой, придерживаясь норм соответствующей морали. Просвещение, в которое огромный вклад внесли французы, как бы продолжило Ренессанс (неправильно трактовавшийся лишь как возрождение античных идей) и добавило к нему идею служения народу, не призывая, правда, народ к служению своему собственному делу.

Сегодня гуманизм без участия масс не представлял бы никакого реального движения и силы, а был бы лишь пустым звуком. Достойны воплощения в жизнь и защиты не нереалистические «утопии» и пророчества, а задачи и потребности реального освобождения масс. Возможность же сознательного управления движением масс и обществом давно созрела.

Поэтому бессмысленно и даже реакционно повторять научно необоснованные утопии и пророчества прошлого. Сегодня важно не только уяснить содержание прогрессивного движения, но воплощать его в жизнь вместе с массой, будучи ее частью, а там, где оно уже воплощено, защищать и развивать его дальше. Только это и можно называть «новым гуманизмом действия».

Только в активном изменении мира возникает и укрепляется у масс сознание своей силы. Только будучи апробированным в практике, это сознание преодолевает фатализм, который является главным мировоззрен-

ческим врагом гуманистических взглядов. Рост усилий масс требует научной ориентации, так как теория и практика находятся в неразрывной связи друг с другом. Перефразировав слова Канта об идее и созерцании, можно сказать, что практика без теории слепа, теория же без практики пуста.

Гуманистическая практика, если она хочет быть обоснованной и целенаправленной, предлагает наличие соответствующей теории, которая сама может создаваться только в процессе общественно изменяющейся деятельности. Известный тезис Маркса о Фейербахе, согласно которому философы только различным образом объясняли мир (дело же состоит в том, чтобы его изменить), может быть также прочитан и по-другому: только на основе неустанного изменения мира будет возможна его научная интерпретация.

Совершенно ясно, что развитие современных производительных сил (как повышающих свою научно-техническую квалификацию рабочих, так и приводимых ими в движение средств труда) требует планомерности. В равной степени это относится и ко всем общественным отношениям, базисом которых должна быть плановая экономика. Известно, что, с тех пор как производство достигло довольно высокой степени обобществления, вся деятельность внутри отдельного предприятия должна планироваться; даже в несоциалистических странах в возрастающей степени пропагандируется и осуществляется планирование в отдельных областях хозяйства.

Уже более 125 лет тому назад Маркс и Энгельс в знаменитом «Манифесте Коммунистической партии» выставили требование такого планирования общественной жизни, которое учитывало бы не только частные, но и всеобщие интересы и как основу этого — планирование всего хозяйства; и марксисты всех стран придерживаются этого требования. Посредством такого всеохватывающего планирования может и должен быть изменен мир. Этому учит история, причем следует учиться как на успехах, так и на ошибках.

Ясно также, что эти потребности времени в свою очередь требуют систематических исследований и размышлений, которые бы касались не только сил природы, их укрощения и использования в человеческих интересах, но и социально-аналитических размышлений,

нацеленных на революционизирование всех жизненных отношений людей; речь в конечном счете идет об основном вопросе любой политики и морали — что делать? Сообразно состоянию интересов и глубине их понимания даются разные ответы на этот вопрос. Естественно, что эти различные точки зрения и теории влияют и на среду, в которой существует и действует движение свободомыслящих. Последнее ставит себе цель быть культурно-политическим движением для обеспечения мира, демократии, служащей потребностям масс, развернутого гуманизма, который должен охватить все человечество. Всякий человек доброй воли не может не согласиться с такими целями. И все же доброй воле нельзя оставаться абстрактной, она должна быть в высшей степени конкретной. И тогда обнаруживается, что отмеченное развитие гуманизма имеет реальные предпосылки. Источники жизни — от хлеба, одежды, жилища до средств производства — должны быть в коллективном распоряжении трудящегося народа.

Развернутый гуманизм в равной степени невозможен, пока стремления частных собственников к максимальной прибыли отравляют все общественные отношения, пока существует причина истребительных агрессивных войн, в ходе подготовки которых предпринимаются ограничения и атаки на демократию. Наконец, невозможен развернутый гуманизм до тех пор, пока миллионеры лишают массы возможности контроля над основными средствами информации и делают пропаганду источником своих прибылей и средством дальнейшего обогащения.

Поэтому конкретной задачей свободомыслящих является борьба за мир, демократию и гуманизацию жизни и активные действия против их противников. Только имея ясную установку, наше движение может выполнить поставленные задачи; хотя оно и независимо в партийно-политическом отношении, однако не может быть ни мировоззренчески, ни политически нейтральным и индифферентным к названным вопросам.

Наше движение не может мириться с тем, что реакционные круги пытаются развращать трудящихся, используя находящиеся в их руках или направляемые ими средства массового воспитания и другие возможности ежечасно выливать на людей потоки грязной дезинформации. Какой эффект в этих условиях могут

иметь призывы к гуманистическим действиям? Можно ли мириться с тем, что извращается общественная, а в равной мере и интимная сфера жизни людей? Можно ли терпеть, что детям посредством различного рода комплексов внушаются модели бесчеловечного поведения и таким образом осуществляется дегуманизация, обесчеловечивание людей в их представлениях о жизни?

Гуманизм действия, как его характеризует наша программа, не может быть нейтральным в отношении обесчеловечивания и не может не бороться с ним. Пассивное свободомыслие было бы в таких условиях вредным и позорным. Сейчас прежде всего необходимо в высшей степени активное свободомыслие.

Разъяснение этих и других принципиальных вопросов нашего времени, анализ положения, в котором находится мир, и прогноз направления его возможного преобразования предполагают постоянную и непримиримую борьбу с извращенными формами сознания — как традиционными, хорошо известными нам из истории нашего движения, так и постоянно появляющимися, модернизированными.

Этим ошибочным и извращенным формам сознания часто соответствуют возникшие на их базе учреждения, против которых равным образом должна быть направлена наша борьба: клерикальные институты, которые присваивают государственные привилегии; сомнительные воспитательные институты — учреждения, служащие распространению национальной и расовой ненависти. Причем мы должны думать не только о чужих грехах. Например, Австрия является маленькой нейтральной страной, у которой нет ни колоний, ни негритянского вопроса, однако антирасизм и здесь имеет широкое и совершенно конкретное поле деятельности в борьбе с дискриминацией иностранных рабочих.

Католическая церковь Австрии, к которой, правда лишь номинально, принадлежит большинство населения, усиленно выступает против давно назревшего изменения закона, согласно которому женщины подвергаются наказанию за аборт; этот закон угрожает жизни и здоровью женщин непривилегированных слоев, попадающих в руки подпольных лекарей и подвергающих риску свою жизнь и способность иметь детей в буду-

щем. И все это делается под лозунгом «защиты нерожденной жизни», как будто в конфликте ценностей не нуждается в защите уже «рожденная» жизнь — жизнь матерей и их детей, о которых государство недостаточно заботится, достойная человека жизнь больных и стариков, для которых у церкви есть в лучшем случае лишь слова.

В то же время церковь имеет широкие возможности для радио- и телепропаганды, используемые нередко для борьбы с неверующими, которые не имеют даже возможности защищаться от монополизированной ею пропаганды, не говоря о том, чтобы иметь возможность изложить широко и аргументированно свои собственные взгляды.

К проблемам, волнующим организации, входящие во Всемирный союз свободомыслящих, относится прежде всего проблема образования, включая и профессиональное. Преобразование мира предполагает наличие знаний и морально-политических стимулов, используемых в целях прогресса. Передача их подрастающему поколению является одним из основных стремлений свободомыслящих. В связи с этим мы должны подвергнуть критическому анализу школьные учебники, выяснив, отражаются ли в них принципы мира, демократии и гуманизма, указывают ли они детям и молодежи пути к этим гуманистическим целям современности. Устаревшие, не соответствующие времени учебники не могут воспитывать зрелых и ответственных людей, в которых так нуждается наше время.

Мы, свободомыслящие, не являемся сектой, для которой атеизм был бы своего рода «эрзац-религией». Мы желаем искренне сотрудничать с каждым, кто чувствует себя связанным с нашими устремлениями к миру, демократии и гуманизму и готов (независимо от мотивов готовности) подобно нам бороться за это. Это не означает ни в коем случае смешивания наших мотивов, наших обоснований. Мы четко видим и готовы показать каждому спрашивающему об этом, что религиозная доктрина, согласно которой человек сотворен богом по своему подобию и ответствен за свои дела перед ним, находится в вопиющем противоречии с наукой и научной философией, согласно которой человек есть творец самого себя, своими силами проложил себе дорогу из животного царства, сам творит свою историю и

сам несет ответственность перед самим собой и всем человечеством за то, что он делает.

Мы признаем себя сторонниками взгляда, что мир является не творением внеприродного духа, управляющего им, а представляет естественный процесс, закономерностями которого являются не предписания извне, а присущие ему самому связи, которые не нужно ни заклинать, ни успокаивать, а следует изучать и со знанием дела направлять для осуществления гуманных целей. Наукой не только доказано отсутствие сверхъестественного существа, сотворившего природу и человека, но выяснены и причины возникновения религии. Ее существование объясняется бессилием человека перед стихийными силами природы и общества. Так продолжается до тех пор, пока массы не научатся распознавать причины своего порабощения и не смогут стать свободными от слепых сил природы и общества в интересах своего собственного развития.

Только те, кто заинтересован в радикальном, ничем не ограниченном познании природы и общества, кто не связан с режимом эксплуатации и угнетения и не нуждается ни в самообмане (как в опиуме), ни в обмане,— только эти люди могут и должны в широком масштабе преодолеть религию и ее иллюзии. Очевидно, это длительный, охватывающий несколько поколений процесс. Несмотря на нашу переломную эпоху, даже именно вследствие ее переходного характера большинство людей на земле еще связано с религией в различных формах и степени, еще не отошли от этого «превратного отражения мира». Нельзя упускать из виду, что, хотя это сознание и превратно, оно, однако, относится к действительному миру, в котором мы все живем.

Коллективные действия атеистов и верующих следует поощрять, несмотря на существующие между ними разногласия о мире потустороннем. Поэтому формула беседы с инакомыслящими, которые разделяют наши цели и могут быть привлечены на нашу сторону, гласит: конфронтация идей с целью кооперации действий.

Обе части этого основного принципа, как кажется мне, являются безусловными. Те, кто стремится к совместным действиям, должны обсуждать как то, что следует делать, так и то, что побуждает их к этим действиям. Без конфронтации идей наш диалог был бы

слепым; без программы действий и без самих действий он был бы пустым.

Таким образом, наши размышления о задачах движения свободомыслящих в наше переломное время ведут нас к обсуждению необходимости и возможности совместных действий с инакомыслящими, с которыми мы связаны одинаковыми реальными, в высшей степени земными интересами. Перед нами открывается широкое поле будущих действий. Там, где речь идет о стремлениях человечества, мы должны занять продуманную и решительную позицию. Мы чувствуем себя тесно связанными с единомышленниками на всех континентах: с теми, кто уже помогает проложить путь гуманизму, и с теми, кто готовится к таким действиям, кто проверяет силы, заключает союзы, готовится к борьбе.

Мы полны уверенности, что наша эпоха проложит широкий путь к достойной человека жизни.

Печатается по книге «Вопросы научного атеизма», вып. 17. М., 1975, стр. 338—349.

ТАДЕУШ ЯРОШЕВСКИЙ

СОЦИАЛИЗМ И ЛЕВОКАТОЛИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ГУМАНИЗМА

Небывало широкий размах борьбы трудящихся против социального, национального угнетения в современную эпоху накладывает заметный отпечаток и на религиозные институты, и на религиозную идеологию, порождает в них новые процессы. Одно из наглядных подтверждений этого — наблюдаемая ныне в католицизме своеобразная тенденция к обновлению.

ОТ АНТИКОММУНИЗМА К «ХРИСТИАНИЗАЦИИ» КОММУНИЗМА

Важным шагом католической церкви в ее стремлении приспособить свою деятельность к условиям современной жизни стал II Ватиканский собор (1962—1965 годы). В ходе всеобщей дискуссии во время собо-

ра и после него наиболее радикальные ее участники выдвигали требование решительной самокритики и обновления католицизма, заявляя, что церковь должна открыто обвинить себя как в «совершенных злых деяниях», так и во «вредном бездействии». Среди «злых действий и бездействий» левыми католическими интеллектуалами наиболее часто упоминается «самый крупный скандал XX века» — дехристианизация рабочего класса. «Злом действий» нужно считать в данном случае типичные для прежних духовных руководителей католицизма связи с антирабочими политическими силами правого буржуазного крыла, а «злом бездействия» — игнорирование католической церковью интересов рабочего класса.

Создавшееся положение весьма опасно для церкви. Среди всех общественных групп наиболее дехристианизированным в странах Западной Европы является рабочий класс. Рабочие занимают последнее место во всех статистических данных, касающихся религиозной активности (участия в культовых обрядах, знания и соблюдения требований катехизиса, числа принимаемых в духовный сан и т. п.). «Христианство,— писал Э. Мунье,— быстро превращается в наших странах в религию женщин, стариков и мелких буржуа. Оно почти полностью исчезло в той среде, которая является элементом силы в нашей цивилизации,— в рабочей среде»¹.

По мнению католических публицистов, дехристианизированным стал не только рабочий класс Франции, Бельгии, скандинавских стран, ФРГ, но и таких традиционно католических стран, как Италия, Испания, Португалия. Поэтому значительная часть католических руководителей предлагает признать среду рабочих «миссионерским районом особой трудности». Отсюда — как новые формы пастырства среди рабочего класса, включающие рабочие миссии, эксперименты со священниками-рабочими, так и образование бесчисленного множества — зачастую эфемерных — христианских организаций и объединений среди рабочих.

Очевидна, однако, существенная несоразмерность предпринимаемых усилий и достигаемых результатов,

¹ E. Mounier. L'Affrontement Chrétien (цит. по: E. Mounier. Oeuvres, v. 3. Paris, 1961—1962, p. 31).

что постоянно подчеркивается и католическими деятелями самых разных направлений. Поэтому многие из них озабочены поисками причин дехристианизации рабочей среды и путей выхода из сложившейся ситуации, в которой со всей очевидностью проявляется неприспособленность традиционных интеллектуальных структур и форм деятельности церкви к современным условиям.

Значительное влияние на возникновение и развитие нынешнего кризиса католицизма как политической и мировоззренческой доктрины оказали социальные, политические и экономические успехи социалистических стран. Исторические достижения социализма, изменения в религиозном сознании трудящихся-верующих и в политике церкви создали предпосылки для появления и распространения таких интерпретаций социальной доктрины католицизма, которые открывают возможность вовлечения левых католических кругов в борьбу за социализм¹.

По мнению основателей различных вариантов левокатолических интерпретаций христианского гуманизма Эманюэля Мунье, Пьера Тейяра де Шардена, Жана Лакруа, только поддерживая требования рабочих и одобряя общественную структуру социализма, христианство имеет шансы остановить процесс дехристианизации рабочего класса. Католики, считают они, должны закрепиться в рядах рабочего класса, придать политическим и экономическим требованиям рабочих христианскую мотивировку. Стремление к «христианизации» коммунизма должно заменить активный политический антикоммунизм.

Такие взгляды особенно распространены среди католиков, проживающих в социалистических странах. Правда, степень дехристианизации масс не достигает в некоторых из этих стран, например в Польше, такого уровня, как во Франции, но здесь со всей силой проявляется другой социологический фактор. Польша —

В качестве критерия отнесения к левокатолическому движению (левокатолическому персонализму или гуманизму, в частности) можно принять совокупность следующих принципов: а) признание автономии политики, культуры и науки по отношению к религии и церковному аппарату; б) поддержка идеалов гражданской терпимости; в) одобрение сотрудничества с не католиками в различных областях общественной жизни.— *Прим. авт.*

страна, строящая социализм. Отказ церкви от конструктивной работы по преобразованию общественной структуры в направлении социализма, выжидательное, а тем более враждебное отношение к этой перестройке, одобрение реакционных идей «церкви молчания» или «церкви мученичества» — все это усиливает угрозу быстрого, окончательного и бесповоротного отчуждения церкви в развивающемся социалистическом обществе. Напротив, более или менее решительное одобрение и поддержка католической церковью программы, сформулированной революционным рабочим движением, увеличивает, по мнению левых католических деятелей, шансы церкви «врасти» в политическую формацию, организующую уже сегодня общественную жизнь значительной части человечества.

Общественно-политическая идеология и практическая деятельность католических организаций, заявляющих о своем желании участвовать в строительстве социализма, дает возможность вовлекать в широкий фронт прогрессивных сил тех верующих католиков, которые до сих пор сомневались в том, можно ли быть социалистом, не переставая быть католиком. При этом многие представители левых католиков подчеркивают, что в современном мире, идущем к социализму, это «единственный способ сохранения католицизма»¹.

Во взглядах католических деятелей, поддерживающих социализм, можно заметить две существенно отличающиеся друг от друга тенденции.

Первая из них заключается в попытке найти альтернативу научному социализму в различных вариантах «христианского социализма». Последний представляет собой завуалированную форму политического антикоммунизма, поскольку отвергает реальный социализм, за который борется революционное рабочее движение. На практике «христианский социализм» — либо один из вариантов давно известного социал-демократизма, либо политической идеологии так называемого неокapитализма. «Христианский социализм» не только враждебен марксистскому мировоззрению, но и выступает его противником в области политической идеологии.

Вторая тенденция заключается в смещении соревнования с марксизмом в область мировоззрения, при

¹ «Więź», № 4, 1962.

допущении диалога и сотрудничества в политике. Представители этой тенденции стараются найти мотивировку такого сотрудничества, исходящую из католического мировоззрения. С этой целью создаются различные философско-мировоззренческие концепции, содержащие как некоторые прогрессивные общественные идеи, так и новые толкования христианской философии человека и общественной этики.

Ниже речь пойдет главным образом о второй тенденции. Представляется целесообразным рассмотреть (по необходимости кратко) содержание и место мировоззренческой мотивации в сложном механизме социально-исторических детерминаций поведения католиков, стремящихся к сотрудничеству с марксистами¹. Мировоззренческие мотивы играют важную роль в стремлении левого крыла католицизма, одобряющего социалистическую перспективу общественного развития, привлечь на свою сторону те католические круги, которые в силу традиций, социального положения и политических взглядов еще далеки от сочувствия социализму.

РЕЛИГИОЗНАЯ МОТИВАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ

Стремление католических деятелей левого крыла к такому толкованию католической социальной доктрины и христианского гуманизма, которое позволило бы мотивировать и аргументировать участие католиков в деле общественного прогресса и упрочить их присутствие в рядах социальных сил, создающих будущее мира, содержание и особенности этой мотивации можно проследить на примере социально-философских взглядов П. Тейяра де Шардена².

¹ Различные левые интерпретации христианского персонализма и католической социальной доктрины подробно рассмотрены мною в книге «Osobowość i wspólnota». Warszawa, 1970, s. 285—535.— *Прим. авт.*

² Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955). В 1894 г. поступает в иезуитскую коллегию. В 1899 г. получает звание послушника того же ордена. Затем ведет научные исследования, главным образом в области палеонтологии, участвуя во многих палеонтологических экспедициях (является, между прочим, сооткрывателем так называемого «человека пекинского»). Автор многих научных трудов в разных отраслях наук, как естественных, так и гуманитарных, особенно в области антропологической археологии.— *Прим. авт.*

В центре внимания Тейяра де Шардена постоянно находился, как говорил он сам, «феномен человека» — его биологическая и социальная эволюция, его будущее. Опираясь на знание тех отраслей естественных наук (прежде всего биологии, археологии, антропологии, физиологии нервной системы), которые прямо или косвенно связаны с исследованиями, касающимися происхождения и биологической эволюции человека, Тейяр де Шарден стремился ликвидировать разрыв между христианским персонализмом и научными данными о человеке.

Для Тейяра важна была сакрализация (признание святости, освящение авторитетом христианского учения) не только естественнонаучных представлений о человеке, но и его созидательной роли в мире. Он стремился придать теологическую ценность «земной действительности»: миру науки и техники, труду материальному и духовному, общественно-экономической жизни, участию в осуществлении светской истории. Созидательный труд ради прогресса во всех областях человеческой жизни является, по Тейяру, как бы продолжением «процесса сотворения мира». Рабочие, ученые, художники — все, исполняющие на земле какие-либо обязанности, утверждал Тейяр, могут смотреть на предмет своего труда, на человеческую деятельность вообще как на открытый путь к высшему проявлению своей сущности.

Не активность, не революционизирующее действие, а отказ от этой активности есть отступление от обязанностей и призвания христианина. Христианин «обязан давать пример неверующим в выполнении своих обязанностей, в усердии и даже в движении вперед по всем дорогам, открытым благодаря человеческой деятельности»¹.

Исходя из этого основного положения, Тейяр де Шарден старается показать связь между христианской философией и человеческим трудом, направленным на преобразование природы и отношений между людьми. Полемизируя с различными формами противопоставления верности богу и церкви служению людям и идеям прогресса, он утверждает, что сознательное участие всех людей в происходящей на наших

¹ Teilhard de Chardin, *Środowisko Boże*. Warszawa, 1964, s. 4.

глазах научно-технической революции и в создании «нового типа человеческого общества» является на данном этапе эволюции мира одним из существенных факторов правильного ее течения.

Легко заметить, что эволюционный, динамический взгляд Тейяра на действительность, признание святости земных реалий открывает не только новые перспективы в толковании христианского персонализма, но и выполняет определенные аксиологические и воспитательные задачи. Например, Тейяр де Шарден замечает, что в современном обществе становится все больше людей (стало быть, и христиан), которых «любовь к существованию и признание ценности жизни тянут в направлении радости творения»¹, которые своей деятельностью стремятся «сдвинуть с места глыбу этого мира», направляя эволюцию человечества к новому, более высокому уровню, тогда как церковное *populace* (нежелательно) приводит их к драматической коллизии гражданской совести и религиозного чувства. Эволюционизм Тейяра призван облегчить людям, до сих пор «раздвоенным», процесс «врастания» своими корнями в коллективную деятельность, способствующую социальному и культурному прогрессу.

Еще более определенные выводы, касающиеся социальных и нравственных идеалов христиан, следуют из развитого в трудах Тейяра понимания перспектив развития человеческого общества. На наших глазах, отмечает Тейяр, происходит коренное преобразование общественных структур, возникают новые крупные экономические и политические сообщества. В этот процесс начинают включаться этнические группы, стоявшие до сих пор как будто в стороне от главных направлений развития человечества, ускоряется процесс взаимодействия разных культур. Мы находимся, таким образом, на пороге возникновения нового типа человеческого сообщества, которое призвано заменить индивидуалистическую буржуазную цивилизацию коллективной суперцивилизацией будущего, базирующейся на новых принципах социальной связи и средствах взаимного общения. Это новое человеческое сообщество будет объединением развитых индивидуальностей, сознательно использующих все свои творческие возможности для

¹ *Teilhard de Chardin. Środowisko Boże*, s. 16.

общего блага. Этот новый вид социальной общности людей Тейяр называет «l'Union différencie» («дифференцирующим объединением») ¹.

Именно это качество будущего сообщества — гармония общественных и личных интересов — склоняет многих левых католиков к активному содействию в распространении и осуществлении идей социализма. Ибо социализм в их понимании и должен стать таким «дифференцирующим объединением», ликвидирующим эгоизм и индивидуализм буржуазной цивилизации, и одновременно этапом диалектики истории, устремленной к самой «возвышенной персонализации».

Уже эта, представленная лишь в самых общих чертах, характеристика философской антропологии и персонализма Тейяра позволяет сделать вывод, что они включают весьма разнородные элементы, дающие возможность (немаловажное значение имеет здесь и метафорическая форма многих его высказываний) для различных и не всегда совпадающих интерпретаций. Даже если отвлечься от невозможности научной проверки многочисленных теологических дополнений к его антропологическим рассуждениям, нужно сказать, что они не могли встретиться с однозначной оценкой и по ряду идеологических соображений.

В своей концепции исторического процесса Тейяр акцентирует внимание на тенденциях к интеграции, к интенсификации общественных связей. У него намечаются основы своего рода однонаправленной исторической перспективы, при которой все тенденции развития мира рассматриваются как действующие в направлении его совершенствования. Не случайны поэтому попытки истолковать философию Тейяра де Шардена как еще один вариант защиты с позиций неокapиталистического прогрессизма и технократизма того «установленного беспорядка», против которого так беспощадно борются коммунисты.

Идеал будущего человеческого сообщества, гармонически соединяющего «земное» и «небесное», индивидуальное и общественное, может идеологически мотивировать активное участие христиан в общественном

¹ Teilhard de Chardin. L'activation de l'énergie. Oeuvres, v. 7. Paris, 1967, p. 122—123. Такие же рассуждения находим в его книге «L'énergie Humaine». Oeuvres, v. 6, p. 85.

прогрессе только тогда, когда в представления о сущности человечества, перспективах и движущих силах его развития включается момент конфликта, отрицания, классовой борьбы, поскольку только противоречия, борьба противодействующих сил являются движущей силой всякого развития. Эти вопросы Тейяр вообще не ставит.

С полным основанием можно сказать, что всю систему философско-антропологических взглядов Тейяра пронизывает двойственность, обусловленная двойственностью адресата его философских поисков. С одной стороны, Тейяр, безусловно, намеревался убедить своих единомышленников, что, разделяя христианскую веру, не следует отказываться от стремлений к преобразованию земных, бренных детерминант человеческого существования. Он постоянно подчеркивал, что верующий должен стремиться к земному прогрессу в той же степени, в какой и неверующий, должен включаться в деятельность, направленную на создание все более совершенных форм общественной жизни. С другой стороны, Тейяр пытался убедить людей, стоящих вне католической церкви и участвующих в борьбе за преобразование социальных условий жизни, что христиане могут быть их полноправными союзниками.

Эти утверждения Тейяра представляют для марксистов — и для всех представителей революционных движений — интерес в том отношении, что они могут послужить философской основой взглядов всех тех христиан, которые хотят включиться в борьбу за социальный прогресс.

Сходные замечания можно высказать и относительно других интеллектуальных течений в современном католицизме, прокладывающих левым католическим кругам путь к участию в борьбе за социальный прогресс. Все они сходятся между собой в признании жизненной важности для католицизма ориентации на прогрессивные социальные силы современности, но значительно расходятся в выборе практических и организационных форм этого участия и в допускаемой ими степени вовлеченности христиан в борьбу за социальное преобразование мира.

Одна часть католиков, одобряющих идеи социализма, оспаривает обязательный характер тех высказываний папы и всей церковной иерархии, которые касаются политических и экономических проблем. По их мнению, целью церковной иерархии должна являться лишь забота о проблемах веры и морали, но не участие в формировании общественно-политической жизни. Сторонники этой точки зрения охотно ссылаются на мнение Маритена, что духовенство не должно руководить деятельностью политического характера, что христианин «в земной плоскости обязан действовать не в качестве христианина, а по-христиански, совершая выбор на собственный страх и риск»¹.

Другая часть католиков, по-видимому стремясь избежать обвинений со стороны клерикалов и других представителей католического правого политического крыла в «прогрессизме» и «недооценке» социального учения церкви, избрала менее радикальный путь. Эта часть католиков пытается сформулировать экономические и политические требования таким образом, чтобы они не противоречили некоторым, наиболее общим «социальным принципам», содержащимся в папских энцикликах, и, более того, чтобы эти требования могли рассматриваться как форма практической реализации официально одобренных папой и церковной иерархией установок.

Наиболее существенные расхождения касаются, однако, степени и характера поддержки левыми католиками разных форм революционного рабочего движения. Существуют, с одной стороны, группы, избегающие тесного сотрудничества с марксистско-ленинскими партиями либо из-за опасения лишиться автономии, либо из-за угрозы репрессий со стороны официальных органов церкви, как, например, большинство сегодняшних сотрудников группы «Esprit» во Франции. В основном, однако, такое отношение — результат иной, по сравнению с коммунистами, позиции по вопросу о методах реализации социалистической революции и формах осуществления социалистической демократии. Относится это, впрочем, не только к левым католикам, но

¹ J. Maritain. Humanisme Intégral. Paris, 1936, p. 314.

вообще к большой части некоммунистического левого политического крыла и связано с реформистскими иллюзиями и мелкобуржуазными, антикоммунистическими предубеждениями.

На другом полюсе чаще всего находятся такие течения, как, например, Союз христианских прогрессистов (Union des chrétiens progressistes), а после его ликвидации — различные клубы левых католиков во Франции, христианские ассоциации итальянских трудящихся (ACLI) и т. п., которые провозглашали или провозглашают принципы тесного сотрудничества с коммунистическими партиями. Существуют, наконец, и такие группы (например, левые группы в христианских профсоюзах, левые фракции в партиях христианской демократии, нелегальные левые католические группировки в Испании, в странах Латинской Америки), которые одобряют принцип единого фронта рабочего класса.

В Польше лозунги вовлечения католиков в строительство социализма провозглашают левые группировки клубов католической интеллигенции, объединяющиеся вокруг журналов «Więź» и «Chrześcijańin w Świecie», «Движение социально-прогрессивных католиков» (объединение PAX), «Христианское социальное объединение»¹.

Что касается различий в организационно-политических формах участия христиан в борьбе за социализм, то часть католического левого крыла является сторонницей создания социалистических партий или политических организаций с христианским мировоззрением. Большая часть деятелей левокатолических кругов приписывает, однако, этой позиции своеобразный «левый клерикализм», не согласующийся с принципом автономии политики по отношению к религиозным убеждениям. Противники привнесения в политическую сферу религиозных критериев подчеркивают, что основное политическое расслоение является проявлением классовой дифференциации общества, результатом проти-

¹ Генеалогия отдельных светских группировок католиков, их отношение к форме участия в строительстве социализма, отношение к тем или иным аспектам строительства социализма в Польше являются, конечно, различными. Проблема этих различий требует, однако, отдельного анализа, выходящего за пределы этой статьи.— *Прим. авт.*

воположности политических и экономических интересов разных общественных групп, но не различий в мировоззрении или различий философского характера. Поэтому бессмысленно, по их мнению, организовывать отдельные политические христианские партии даже в том случае, если это будут левые революционные партии, свободные от влияния как клерикальной части церковной иерархии, так и центров христианской демократии.

МАРКСИСТЫ И ЛЕВОЕ КАТОЛИЧЕСКОЕ КРЫЛО

Учитывая, что задачи борьбы за мир и безопасность народов, как и задачи борьбы за власть рабочего класса, за строительство социалистического общества, требуют сотрудничества верующих и неверующих, коммунисты протягивают руку всем тем католическим группировкам, которые одобряют принципы такого сотрудничества. Сотрудничество и диалог со всеми этими группами тем более необходимы, что часть католического духовенства и светских католических деятелей, поклонников клерикальной идеологии, пытается провозглашать взгляды, согласно которым любой верный церкви католик должен избегать участия в строительстве социализма или даже относиться к этому строительству с враждебностью.

В такой ситуации общественная деятельность левых католиков в пользу социализма, их критическое отношение к правому, клерикальному политическому крылу может уменьшить наносимый им ущерб.

Признание религии частным делом отнюдь, как мы считаем, не исключает возможности участия светских объединений католиков в общественно-политической деятельности в социалистических странах, если выполняются следующие условия:

политическое направление этой деятельности не противоречит социалистическому направлению развития страны;

возможная критика общественной структуры и политической деятельности имеет творческий, конструктивный характер и учитывает реальные возможности удовлетворения выдвигаемых требований;

общественная деятельность католических объединений не приобретает характер политического клерикализма, исключает любые попытки установления

непосредственного и опосредованного руководства со стороны церковного аппарата общественной жизнью верующих, исключает религиозную дискриминацию в политической жизни и одновременно дает возможность светским католикам участвовать в реализации получивших общее одобрение и автономных по отношению к религии общественных и политических целей.

Принимая во внимание вышеуказанные условия, продиктованные интересами всего общества, можно и нужно поддерживать такие формы сотрудничества, при которых католики, руководствуясь собственными религиозными мотивами, принимают участие в строительстве социализма. Такими формами сотрудничества являются, например, в Польше Фронт единства народа, участие католических деятелей в работе Сейма ПНР, народных советах, в работе сельскохозяйственного самоуправления, рабочего самоуправления, в кооперативном движении и т. п.

Необходимо, однако, чтобы прогрессивные католики, не отказываясь от творческой деятельности во всех областях общественной жизни, противодействовали антисоциалистическим, лишенным терпимости выступлениям консервативной части духовенства или светских католиков, вели борьбу против всяких попыток перенесения мировоззренческих расхождений в область политики. Борьба против реакционных политических поползновений правого католического крыла не имеет ничего общего с отрицанием необходимой католику религиозной мотивации его общественной деятельности. Важно также учитывать, что в любом обществе, в том числе и обществе, строящем социализм, существует определенный правопорядок, в рамках которого должна развиваться вся общественная деятельность, независимо от того, каким мировоззрением она вдохновляется. Религиозная мотивация общественной позиции граждан не может служить предлогом для деятельности, выходящей за социально-правовые рамки общества, строящего социализм.

Поддерживая диалог и сотрудничество с группировками левого католического крыла, в частности с тейярдистским движением, мы не можем забывать о лежащей на нас обязанности упрочения и развития марксистского мировоззрения. Диалог по социальным

вопросам вовсе не означает исчезновения мировоззренческих различий и полемики в области философии. Ведь левые католики стремятся не только побудить верующих к сотрудничеству с социализмом, но и распространить среди рабочего класса или всего социалистического общества «дух христианства».

Следуя известному высказыванию В. И. Ленина, что единство революционной борьбы рабочего класса «за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»¹, диалектику отношения коммунистов к левым католическим группировкам можно кратко определить как сотрудничество в области общественно-политической и конфронтацию (в условиях свободы совести) в области мировоззрения.

Печатается по журналу «Проблемы мира и социализма», 1974, № 8, стр. 59—64.

ТОДОР СТОЙЧЕВ

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА С ВЕРУЮЩИМИ

Вопрос об отношении к верующим коммунисты решают с учетом конкретной обстановки, но при этом всегда исходят из того, что он должен быть подчинен основной задаче революционной партии — развитию классовой борьбы трудящихся против эксплуататоров. Коммунисты решительно выступают против попыток реакционной буржуазии разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов. «Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе»², — подчеркивал В. И. Ленин.

Правильность ленинской постановки вопроса о приоритете политического единства трудящихся в классовой борьбе над мировоззренческими расхождениями

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.

² Там же.

ми подтверждается и в наши дни, когда все более широкие массы объединяются на основе общедемократической политической платформы в борьбе за мир и социальный прогресс.

КРИЗИС РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

Последовательно проводя в жизнь политическую линию на укрепление сотрудничества с верующими, коммунисты опираются на благоприятные возможности, которые созданы социальными преобразованиями, происшедшими в мире, в том числе изменениями в религиозном сознании масс и в политике самой церкви.

Современная социальная действительность постепенно разрушает представления верующего о религиозной основе человеческой деятельности, пробуждает общественную активность масс, укрепляет их гражданское и классовое сознание. Неясные, отвлеченные и уже неспособные успокоить пробудившуюся гражданскую совесть верующих представления об «искуплении грехов», «вечном счастье» и «райской жизни» где-то в потустороннем мире и другие мистико-мифологические представления сосуществуют с более реалистичными идеалами человеческого счастья, ориентированными на земную жизнь человека, а иногда и вытесняются ими. Растущий реализм сознания верующих, принимающий самые различные формы, уводит массы от официальной религиозной идеологии, подготавливает их к восприятию демократических и прогрессивных идей. Эти мировоззренческие сдвиги — одно из проявлений кризиса идеологических устоев церкви.

Кризис религии и религиозного сознания — продукт нашей эпохи, эпохи перехода от капитализма к социализму, следствие углубляющихся противоречий капиталистической системы. Он проявляется и в растущих противоречиях между церковными канонами и практическими действиями верующих, и в угрожающем богословской догматике вольнодумстве, и в религиозном либерализме и реформизме, и в распространении различных левых христианских течений, подчеркивающих справедливый характер борьбы против империализма и реакционных политических режимов, и многих других явлениях. Церковь не может не учитывать всех

этих процессов, изменивших объективное положение религии в современном обществе; она пытается как-то приспособиться к деятельности в новых условиях.

Особенно интенсивно процесс приспособления к современной политической, социальной и культурной жизни происходит в католической церкви. После II Ватиканского собора католическая церковь признала, что сотрудничество между верующими и неверующими — необходимая форма взаимоотношений между людьми с разными мировоззренческими ориентациями, заняла позицию поддержки движений за мир и мирное сосуществование государств, провозглашает свободу и равные права всех народов, поддерживает некоторые социально-экономические требования трудящихся и т. д. Не решаясь на продолжение прямой, открытой поддержки капитализма без риска еще больше увеличить то «непонимание» между нею и трудящимися, которое существует сейчас, католическая церковь вынуждена занимать более гибкую позицию.

Один из наиболее широко используемых теоретиками официального католицизма «идеологических ходов», призванных укрепить социальные связи с трудящимися-католиками, — подчеркивание универсализма христианства. Трудящихся-католиков пытаются убедить в том, что христианство выражает интересы всего общества, всех верующих, несмотря на различия их социально-классового положения.

Вот как рассматривает эту проблему французский теолог Жан Гишар: «Церковь хотела бы принять в свое лоно всех, и богатых и бедных, она хотела бы, чтобы слово ее дошло до каждого; и это определяет ее объективное положение... обеспечив свое финансовое и институциональное положение посредством связей с господствующими классами, церковь стремится не порвать связей и с народными массами...»¹. По мнению многих католических теологов, эта особенность христианства — его самое большое достоинство; оно приносит элементы «любви», «единства» и «сплоченности» в человеческое сообщество.

Нетрудно видеть социальный смысл подобных теологических интерпретаций: ведь «единение во Христе»

¹ *Jean Guichard. Eglise, luttes de classes et stratégies politiques. Cerf, Paris, 1972, p. 80.*

декларируется среди неравных по своему экономическому и политическому положению людей и социальных групп. Иными словами, проповедь социального «единства» в качестве высшего принципа, регулирующего поведение верующего, объективно отвечает интересам эксплуататорского меньшинства, а не эксплуатируемых масс, поскольку отрицает историческую необходимость классовой борьбы, в ходе которой рабочий класс и другие слои трудящихся только и могут освободиться от оков эксплуатации и социального гнета. Естественно, что рабочий, констатирует итальянский теолог Джирарди, воспринимает осуждение классовой борьбы как результат «отражения определенного образа мышления и культуры, а именно отражения мышления и культуры господствующего класса»¹. Мнимый характер христианского универсализма, его недвусмысленно выраженный классовый и консервативный характер понимает и сам Гишар, отмечая, что «христианский универсализм призван сегодня играть роль хранителя существующих социальных структур и предстает в качестве их идеологического гаранта»².

Таким образом, будущее человеческое общество в глазах многих влиятельных идеологов официального Ватикана рисуется не иначе как в виде новой фазы в развитии капитализма, который якобы эволюционирует в сторону «реформированного», «демократизированного» и «обновленного» капитализма, основанного на принципах «классового мира» и «классового сотрудничества», «на неприятии западными странами коммунизма»³.

Стремясь приспособиться к реальному историческому процессу и сохранить (а если удастся, то и укрепить) при этом свои социальные позиции, церковная иерархия сталкивается с серьезными трудностями. Неудовлетворенность широких масс верующих политикой и социальной доктриной Ватикана — одна из причин появления и быстрого распространения в католических массах левореформистских и революционных

¹ *Jules Girardi. Christianisme, libération humaine, luttes de classes. Cerf, Paris, 1972, p. 134.*

² *Jean Guichard. Eglise, luttes de classes et stratégies politiques, p. 82.*

³ *Ibid., p. 118.*

течений. В некоторых левых католических движениях предпринимаются попытки возродить на новой социальной основе идеи раннего христианства, когда оно было религией «рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»¹. Часть католиков-трудящихся находит в раннем христианстве «точки совпадения» с коммунизмом. Некоторые католические деятели левого крыла заявляют о поддержке социалистических устремлений рабочего класса, идут на широкое сотрудничество с коммунистами в различных областях общественной жизни.

Все это дает основание, как писал чилийский коммунист Орландо Мильяс, «говорить о двух направлениях в современном католицизме — о теологии, которая стремится отвлечь внимание трудящихся от подлинных проблем современного мира, и теологии, которая не препятствует верующим вливаться в поток революционных битв»². По существу происходит процесс формирования элементов «новой церкви», противостоящей консервативным и реакционным религиозным учениям и движениям. Церковь уже не монолитное целое; она является ареной ожесточенной внутренней борьбы, отражающей развитие великих социальных и политических движений современности.

Многообразие и глубокая дифференциация христианских настроений и идей — важный признак кризиса религиозной идеологии и религиозного сознания. Еще более важно то обстоятельство, что в рамках религиозной идеологии оформились такие направления, которые прокладывают дорогу к упрочению и развитию единых действий верующих и коммунистов во имя свободы, мира и демократии.

ПЛАТФОРМА СОТРУДНИЧЕСТВА

Поскольку в ряде стран верующие все еще составляют значительную часть населения, союз с ними приобретает немаловажное политическое значение. Об

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 467.

² Орландо Мильяс. Новые условия идеологической борьбы коммунистов и католиков. «Проблемы мира и социализма», 1966, № 5, стр. 87.

этом четко сказано в Документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 года. «В некоторых странах,— говорится в этом Документе,— развиваются сотрудничество и совместные действия коммунистов с широкими демократическими массами католиков и верующими других религий; приобрел большую актуальность диалог между ними по таким проблемам, как война и мир, капитализм и социализм, неоколониализм и развивающиеся страны; совместные действия против империализма, за демократию и социализм являются весьма актуальными. Коммунисты убеждены, что именно на этом пути — пути широких контактов и совместных выступлений — масса верующих становится активной силой антиимпериалистической борьбы и глубоких социальных преобразований»¹.

Сотрудничество коммунистов и верующих отвечает насущной потребности в создании единого антиимпериалистического фронта; оно призвано способствовать разрешению острых социальных противоречий, складывающихся и существующих объективно. На первый план здесь выступает выявление приемлемых для обеих сторон практических действий, поддержка тех или иных конкретных социальных и политических преобразований, которые могут способствовать решению неотложных общественных проблем.

Определяя платформу сотрудничества с верующими трудящимися, марксисты-ленинцы исходят из определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Они решительно отвергают «абстрактную, идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», вне классовой борьбы...»². Диалог марксистов и христиан — специфическая форма политического союза, для достижения которого отнюдь не обязательно в качестве предварительного условия идейное и мировоззренческое единство. Это союз для осуществления конкретной социально-политической программы, отвечающей жизненным нуждам трудящихся, которые способны, несмотря на мировоззренческие разногласия, объединиться во имя общих классовых интересов и задач.

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва. 1969». Прага, 1969, стр. 27—28.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.

Таким образом, основу диалога образуют совместные действия с целью достижения определенных социальных и политических результатов, формулируемые и осуществляемые в условиях конфронтации идей. Но вытекает ли из того факта, что диалог — это прежде всего и главным образом форма политического союза верующих и неверующих трудящихся, вывод, будто можно вообще игнорировать идейные предпосылки сотрудничества и диалога? Думается, что подобный вывод был бы поспешным и неправильным по существу.

Понятно, что идейной основой сотрудничества в данном случае не может быть единство философско-мировоззренческих позиций. Однако противоположность диалектико-материалистической философии и религиозного мирозерцания не исключает сходства некоторых, хотя и по-разному мировоззренчески мотивированных, социально-политических устремлений и гуманистических ценностей (ликвидация эксплуатации человека человеком, установление социального равенства, демократизация общественной жизни и т. д.), равно как и совместного осуждения определенных явлений современной жизни (расизм, угроза ядерной войны, массовая нищета, агрессивные акции, колониализм и неоколониализм и т. д.). Как показывают факты, часть верующих — под влиянием участия в революционной борьбе, успехов социализма, научного прогресса — может воспринимать прогрессивные политические идеи, в том числе и некоторые политические выводы коммунистов. Очевидно, без общности определенных идейных мотивов, порожденных единством социальных и экономических интересов, общей заинтересованностью в сохранении и укреплении мира, в социальном прогрессе, были бы невозможны и совместные политические действия.

Нетрудно заметить, что перечисленные выше общие идеалы и ценности относятся главным образом к социально-политической сфере. Это обстоятельство, во-первых, недвусмысленно указывает на то направление, в котором совершается перестройка сознания верующего, — повышение удельного веса и значения политических идей, даже когда они выступают в религиозной оболочке, по отношению к другим составным элементам религиозного сознания. Во-вторых, заставляет нас

с исключительным вниманием отнестись к самому факту дифференцированности сознания современного верующего человека, в особенности трудящегося, уметь выделять в его сознании такие компоненты, которые выходят за рамки элементарной «житейской» веры в сверхъестественное и представляют собой специфические формы отражения реального социального содержания. В частности, возникают такие формы религиозной идеологии, в которых находят, хотя и весьма неадекватное, отражение устремления демократически настроенных верующих перестроить общество, в том числе и на социалистических началах.

Не означает ли это, что сотрудничество в данном случае может распространиться и на идеологическую область? Не следует ли в свете этих обстоятельств как-то пересмотреть положение о политическом сотрудничестве как основе диалога коммунистов и верующих? На эти вопросы, по нашему мнению, нужно ответить лишь отрицательно. Платформа, на которой строятся взаимоотношения между коммунистами и верующими, носит «светский», общеполитический, а не мировоззренческий характер. Какие бы формы ни принимало религиозное сознание, в каких бы социально-политических доктринах оно ни выражалось, оно всегда остается несовместимым с научным, марксистским мировоззрением. Это справедливо и в отношении мирозерцания демократически настроенной части верующих, например левых католических течений. Разделяя с коммунистами некоторые прогрессивные социальные идеи, верующий продолжает воспринимать действительность сквозь призму религиозной веры и строит свое отношение к этой действительности как религиозный субъект.

Понятно, что коммунисты не могут согласиться с религиозной мировоззренческой мотивацией социального поведения человека — они дают принципиально иное обоснование социальных идеалов и ценностей, в котором вообще нет места потусторонним, сверхъестественным сущностям. Иными словами, и марксисты, и христиане, включившись в диалог, остаются при убеждении, что именно их мировоззрение адекватно выражает социальные потребности современного общества, и это исключает уступки и компромиссы по мировоззренческим вопросам с обеих сторон. Поэтому,

несмотря на факт наличия некоторых «точек соприкосновения» нравственно-политического сознания части верующих с сознанием коммунистического авангарда трудящихся, остается справедливой оценка диалога как формы совместных действий верующих и коммунистов с целью достижения определенных социальных и политических результатов. Выдвижение на первый план вместо поиска совместных действий мировоззренческих аспектов диалога не только не облегчает создания и укрепления политического союза, но и противоречит самой идее диалога как формы политического сотрудничества социальных сил различной мировоззренческой ориентации.

Разделяя ленинскую точку зрения, что задачи революционной борьбы требуют тесного сотрудничества трудящихся независимо от их религиозных или философских взглядов, коммунисты протягивают руку всем тем религиозным кругам, которые одобряют сотрудничество с коммунистами.

БОРЬБА ЗА СОЗНАНИЕ МАСС

Итак, диалог как форма совместных политических действий имеет смысл только в том случае, если в нем участвуют люди, ощущающие потребность в совместных действиях для решения неотложных социальных проблем и придерживающиеся своих убеждений. Понятно поэтому, что совместные политические действия коммунистов и верующих в борьбе за мир, национальное освобождение и социальный прогресс не снимают потребности в идейной критике религии. Эта критика не самоцель, ее нельзя сводить к поверхностному буржуазно-ограниченному культурничеству¹, а тем более к анархическим атакам на религию, оскорбляющим чувства верующих. Она органически связана с задачами классовой борьбы, вытекает из нужд этой борьбы и подчинена ее требованиям, учитывает конкретные для каждой страны политические, экономические и идеологические условия.

Идейная критика религии ставит своей задачей сплочение всех демократических и антиимпериалистических сил, устранение идеологических препятствий

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 419.

для общей борьбы, создание благоприятных условий для пробуждения и развития социально-политического сознания трудящегося-верующего.

Решительно отвергая идеологические спекуляции вокруг диалога, цель которых навязать в качестве предварительного и необходимого условия сотрудничества сближение философско-мировоззренческих позиций¹, коммунисты с исключительным вниманием относятся к тем сдвигам в религиозном сознании трудящихся-верующих, которые объективно способствуют сближению между ними и рабочим социалистическим движением. Не приходится сомневаться в том, что по мере роста размаха и политической зрелости демократических христианских движений все в большей мере будет обнаруживаться неадекватность религиозной формы тому реальному социальному содержанию, которое осознается и мыслится посредством нее. Этот процесс, вместе с общим изменением соотношения сил на мировой арене в пользу социализма, не может не стимулировать тягу к научному мировоззрению, к усвоению частью верующих элементов марксистского мировоззрения.

Как уже говорилось, многие христиане (из числа рабочих, средних слоев, интеллигенции) уже сейчас согласны со значительной частью политических выводов коммунистов, и это представляется важным признаком происходящего в сознании части верующих процесса перестройки их мировоззрения. С учетом этих сдвигов, а также объективных тенденций развития общественной жизни можно констатировать, что имеется возможность дальнейшего сближения позиций трудящихся-верующих с позициями коммунистов и в конечном счете перехода на позиции научного мировоззрения — перехода, который совершается в рамках совместно выработанной программы демократических преобразований и протекает не стихийно, а под прямым или косвенным влиянием коммунистического авангарда трудящихся. В этом смысле укрепление единства действий коммунистов и верующих может по-

¹ Такие идеи выдвигаются как реакционными церковными кругами, стремящимися торпедировать саму идею диалога, так и различными неклерикальными социальными силами, связывающими с диалогом свои надежды на идеологические уступки со стороны марксистов. — *Прим. авт.*

служить одной из отправных точек движения последних к научному мировоззрению. Но важно еще раз подчеркнуть, что речь в данном случае идет не о взаимном сближении философских позиций марксизма и религиозной идеологии, а о перспективах движения от религиозного мировоззрения к последовательному научному, марксистско-ленинскому мировоззрению.

Разумеется, процесс перестройки сознания верующего человека не может не быть длительным и исключительно сложным. Важные идеи, заимствованные из марксизма, еще достаточно долго могут уживаться в сознании трудящихся-верующих с религиозной мотивировкой их общественно-политической деятельности.

К признанию социалистического идеала переустройства общества не все придут как убежденные коммунисты. Одни подойдут к нему как верующие, другие — как непоследовательные социалисты, не успевшие освободиться от ряда мелкобуржуазных предрассудков, и т. д. И коммунисты, оставаясь всегда на почве реализма, не только будут искать поддержку у этих людей, но постоянно будут вовлекать их в совместную борьбу против социальной несправедливости, в дело построения нового общества. «Авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда,— отмечал Ленин,— когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу»¹.

Движение к марксистскому мировоззрению немыслимо вне борьбы за политические и социальные перемены в капиталистическом обществе, а при социализме — за дальнейшее развитие и совершенствование общественных отношений. Как известно, идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами. Но, чтобы марксистские идеи овладели массами, недостаточно только пропагандистской и просветительной работы. Необходимо включение масс в конкретную социальную практику, в широкую сферу классовой борьбы за демократию и социализм. Именно здесь марксистские идеи наполняются «плотью» и «кровью», становятся могучими духовными силами, регулирующими поведение и сознание человека, и, таким образом,— реальной материальной силой. Процесс внедрения коммунистических идей в сознание масс исключительно

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 23.

труден, противоречив и длителен. Поэтому идеологическая и воспитательная работа марксистско-ленинской партии — необходимое условие его реализации.

Коммунисты — авангард трудящихся и всего прогрессивного человечества, ведущего ныне гигантскую битву за мир, демократию и социализм. Их пример самоотверженной деятельности за освобождение народов от капиталистической эксплуатации и империалистического гнета, за завоевание подлинного счастья для всех людей труда вдохновляет миллионы людей на нашей планете. И среди этих воодушевленных коммунистическим идеалом масс находит свое место и верующий трудовой человек.

Печатается по журналу «Проблемы мира и социализма», 1974, № 10, стр. 47—51.

ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

НОВЫЕ УСЛОВИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ КОММУНИСТОВ И КАТОЛИКОВ

Позиция католических масс, их организаций, их лидеров имеет большое значение для продвижения вперед дела единства сил, борющихся за мир, за независимость наций, против агрессивной политики американского империализма, против всевластия монополий.

«AGGIORNAMENTO»

В декабре прошлого¹ года закончился Второй Ватиканский Вселенский собор. Папа Павел VI заявил в связи с этим, что, по его мнению, нельзя говорить о соборе, «реформировавшем» или «трансформировавшем» церковь, но можно говорить о соборе «обновляющем». Обозреватели называют это явление итальянским словом «aggiornamento», что значит «осовременивание».

Явные перемены в поведении подавляющего большинства духовенства наблюдаются и в Чили. Можно сказать, что в определенных аспектах церковь отходит от общеизвестных традиционных позиций. Стало быть, некоторые наши суждения о церкви потеряли свою ценность, и мы должны изменить их.

В отличие от религии подлинный марксизм-ленинизм не нуждается ни в каком «aggiornamento», ибо самая суть его состоит в непрерывном критическом размышлении, в изучении реальной действительности, в быстром восприятии нового. Так давайте же откровенно, внимательно и диалектически рассмотрим проблему католического «обновления».

РЕАЛЬНЫЙ МИР — ОСНОВА ИЗМЕНЕНИЙ

Уже сам факт созыва Вселенского собора означал отступление от догматических крайностей, связанных с личной диктатурой папы. После того как в 1870 г.

¹ Т. е. 1965 г.

Первый Ватиканский Вселенский собор утвердил тезис о непогрешимости папы, было объявлено, что в подобного рода собраниях необходимости больше нет. Крутое абсолютистское правление Пия XII основывалось на принципе «Церковь — это я». Во многих статьях, опубликованных в то время в Ватикане, повторялась сакраментальная фраза: «Живое наставление Пия XII есть прямая и всеобщая норма веры». В период его правления епископы превратились в простых викариев при папе. Напротив, собор представляет собой коллективный орган власти, а недавно закончившийся собор особо подчеркнул необходимость частичной децентрализации, создающей предпосылки для полуавтономной инициативы епархий.

Авторитетный католический комментатор Рене Лорантен в книге «Спор о соборе», вышедшей в свет вскоре после инициативы Иоанна XXIII, писал: «Трудность состоит в том, что Иисус Христос не учредил соборы. Ни он, ни апостолы не установили никаких определенных норм. Это импровизированный институт, связанный с непредвиденными историческими обстоятельствами... Обычно соборы созываются в связи с кризисами, аномальными ситуациями, когда над церковью нависает серьезная угроза».

«Кризис», «аномальная ситуация, когда над церковью нависает серьезная угроза». Что кроется за всем этим?

Мы живем в эпоху перехода от капитализма к социализму. Карл Маркс писал в «Капитале», что религиозный мир представляет собой отражение реального мира. Этот реальный мир быстро меняется. Он уже не тот, что раньше. Не может быть прежним и его религиозное отражение.

В цитируемой работе Маркс поясняет: «Для общества товаропроизводителей, всеобщее общественное производственное отношение которого состоит в том, что производители относятся здесь к своим продуктам труда как к товарам, следовательно как к стоимостям, и в этой вещной форме частные их работы относятся друг к другу как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.» — и до-

бавляет далее: «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой».

Процесс адекватного отражения общества чрезвычайно сложен и труден. В наши дни в умах и сердцах миллионов людей тесно переплетаются протест против «действительного убожества», выражающийся все еще в религиозной форме, *«религиозное убожество»* как выражение «действительного убожества», «вздых угнетенной твари», *«критика той юдоли плача, священным ореолом которой является религия»*, разочарование, толкающее на критическое размышление и самое революционное действие.

ПОЗИЦИЯ КОММУНИСТОВ

Антикоммунизм изолировал церковь, воздвиг вокруг нее стену недоверия, которая преграждала ей доступ к сердцам людей. Во многих деревнях крестьяне рассматривали посещавших их время от времени монахов как прямых сообщников помещиков. В шахтерских поселках считалось, что присутствие священника является дурной приметой. В последние десятилетия резко сократилось число людей, желающих посвятить себя религии. Все меньше и меньше верующих посещает религиозные службы, особенно в небольших населенных пунктах и кварталах бедноты. Несколько священников, приходы которых расположены именно в этих местах, откровенно говорили нам, что отказ от антикоммунизма облегчил их деятельность, дал им новые возможности завоевывать доверие простых людей.

Коммунистическая партия Чили стоит на последовательных марксистско-ленинских позициях по отношению к религии. В нашей истории был период, когда вскоре после основания в 1912 г. (под наименованием Социалистической рабочей партии) КПЧ находилась под влиянием антиклерикализма определенной группы буржуазии, а также анархистов. В то время коммунисты организовывали поездки в рабочие центры видных лекторов, которые едко критиковали религиозную практику. Даже товарищ Элиас Лафертте, ставший

впоследствии председателем нашей партии, в молодости привлекался к суду в качестве главного редактора сатирической газеты «Бонете», которая делала церковь мишенью для своих насмешек. Однако вскоре на смену этой шумливой деятельности пришла упорная идеологическая борьба, которая не только не исключала, а, напротив, усиливала совместные действия всех трудящихся против реакции.

В XIX веке прогрессивная позиция либеральных элементов буржуазии и мелкой буржуазии отождествлялась с антиклерикализмом. В течение последних десятилетий прошлого века, когда знамя передового отряда взяли в свои руки радикалы, произошло усиление светских тенденций, особенно в результате деятельности масонских лож, выступавших против католической церкви. После удовлетворения целого ряда антиклерикальных требований (создание светских кладбищ, внецерковная запись актов гражданского состояния, гражданский брак, свобода отправления культов, обязательное начальное образование) в 1925 г. была осуществлена реформа конституции, которая предусматривала отделение церкви от государства. В результате рабочий класс на своем опыте смог убедиться, что сами по себе эти реформы отнюдь не кладут конец режиму эксплуатации. Его борьба продолжалась в другом плане, хотя он впитал в свое коллективное сознание правильно понятые антиклерикальные традиции. Эти традиции в наше время выражаются в стремлении расширить сеть государственных учебных заведений с научным подходом к преподаванию, в сопротивлении вмешательству церкви в политику, в борьбе против религиозной нетерпимости.

В статье «Эмигрантская литература» Фридрих Энгельс высмеял знаменитую программу бланкистов, где говорилось: «В Коммуне нет места попам; всякая религиозная проповедь, всякая религиозная организация должна быть запрещена». Энгельс писал: «Одно несомненно: единственная услуга, которую в наше время можно еще оказать богу,— это провозгласить атеизм принудительным символом веры и перешагивать противощерковные законы Бисмарка о культуркампфе — запрещением религии вообще». Примерно то же самое Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Но г-н Дюринг не расположен ждать, пока религия умрет

своей естественной смертью. Он поступает основательно. Он перебисмаркивает самого Бисмарка: он декретировал еще более строгие майские законы не только против католицизма, но и против всякой религии вообще; он натравливает своих жандармов будущего на религию и помогает ей, таким образом, увенчать себя ореолом мученичества и тем самым продлить свое существование. Куда мы ни посмотрим — везде специфически прусский социализм».

Эти разоблачения антирелигиозной болтовни вытекали из стремления организовать рабочий класс, повысить его идейный уровень в ходе общественной борьбы и способствовать тем самым развитию массового сознания в направлении, противоположном религиозным иллюзиям. *Определяющим должен быть реальный прогресс классовой борьбы*, в которой следует руководствоваться конкретными условиями, не превращая «в абсолютную грань то, что есть подвижная и относительная грань», как говорил Ленин.

В Латинской Америке реакция постоянно использовала религиозные разногласия среди трудящихся. Это явилось большим препятствием на пути подъема и развития многих массовых движений. Кроме того, в условиях возрастающего значения женщины в обществе отождествление глубоко укоренившихся в широких кругах женщин религиозных чувств с контрреволюционными позициями является серьезным препятствием для вовлечения их в общую борьбу. Коммунисты стараются использовать все, что может сорвать раскольнические замыслы и способствовать единству рабочего класса и всего народа.

НАЧИНАЮЩИЙСЯ ПРОЦЕСС

Итак, мы должным образом оцениваем значение новой политики католиков. Есть люди, точка зрения которых сводится к тому, что за исключением определенной мимикрии церкви все осталось по-старому. Другие рассматривают «*aggiornamento*» лишь как ловкий ход, хладнокровно рассчитанный по всем правилам шахматной игры. Мы, напротив, видим мир в непрерывном развитии. Мы знаем, что решающим фактором, который преобразовывает институты и идеи, является классовая борьба. Мы отдаем себе отчет в

том, какое глубокое воздействие оказывают на надстройку вообще и на религиозное мировоззрение в частности структурные изменения, происходящие в нашу эпоху, тяга народов к социализму. Вот почему нас не удивляет созыв собора, призванного зафиксировать неотвратимую агонию превозносимых ранее церковью ценностей и победу того, против чего она сражалась.

Если бы религии умирали скоростно, не оставляя следов в сознании людей, все было бы очень просто и можно было бы обойтись реквиемом. Однако для значительной части человечества речь идет о подлинной драме сознания, часто о личной трагедии с самыми непредвиденными моральными последствиями, связанными со многими аспектами повседневной жизни. Этот процесс будет развиваться в течение длительного времени, все теснее переплетаясь с борьбой за национальное и социальное освобождение.

ЗЫБКОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ

Один из теологов, участвовавших во Втором Ватиканском соборе, иезуит Карл Ранер в статье, опубликованной в «Штимен дер Цейт», засвидетельствовал, что «некоторые католики с энтузиазмом приветствуют собор и его работу, поскольку он представляет собой начало, которого долго ждали и которое чуть было не пришло слишком поздно».

Рухнул старый католический тезис «Stat Crux dum volvitur orbis» («Мир меняется, а святой крест остается»). Это утверждение никогда не соответствовало действительности. Но сейчас даже элементарные основы религиозного мышления, используемые для того, чтобы воспрепятствовать включению народных масс в революционное движение, теряют былую действенность.

Оказавшись вынужденными бороться с угрозой распада доктринальных основ католицизма, церковные комментаторы должны были установить разграничительный рубеж между неизменным божественным правом и церковным правом, претерпевающим изменения в зависимости от зигзагов исторического развития. Дабы избежать более серьезных трудностей, они предупреждают: «Может возникнуть сомнение относительно того, является ли какой-то определенный закон

частью божественного права, что предполагает его неизменность».

Трудно переоценить то огромное значение, которое имеют для повседневной жизни верующих зыбкость религиозных норм (неопределенность которых объявляется присущей божественному праву или естественному праву) и признание самой церковью того, что большая часть ее заповедей, законов, проскрипций, запретов, отпущений грехов определяется обстоятельствами и не может быть связана с «откровением».

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЦЕРКВИ

В течение почти двух тысячелетий в католицизме господствовала тенденция подчинения верующих чужой, высшей воле. Это была религия императоров, рабовладельцев, феодалов, капиталистов, империалистов. Однако в течение всего этого времени в католицизме существовала другая мощная, хотя и подчиненная, подспудная тенденция — тенденция любви к ближнему, носителями которой были эксплуатируемые классы, исповедующие эту веру. Марксизм всегда подчеркивал разницу между этими двумя течениями. Противоречия в отношениях между католиками, существующие на протяжении многих веков и являющиеся следствием сосуществования в рамках этой религии факторов как солидарности, так и антагонизма, в настоящее время развиваются в новой плоскости и определяются уже не только своими собственными внутренними импульсами, но и глубокими изменениями, происходящими во всем мире.

В этой связи наиболее примечательной переменной, зарегистрированной Вторым Ватиканским собором, является определенная демократизация церкви, открывающая возможности роста влияния простых верующих.

Демократизация проявляется в превращении церкви, строившейся в течение долгого времени по образу и подобию абсолютистской монархии, в «народ божий», в переоценке роли верующих, которые, продолжая подчиняться решениям епископов, будут в то же время собираться на национальные епископальные конференции, обладающие определенной степенью автономии. Это, помимо всего прочего, безусловно, будет

способствовать переходу многих руководителей католических организаций, подверженных влиянию современных тенденций, на более передовые позиции. Итак, все свидетельствует о том, что идейная борьба внутри церкви не ослабится, а, напротив, расширится.

Отказ от мрачных обрядов, от непонятной символики, излагаемой на латыни, и их замена церемониями, молитвами и проповедями на национальных языках в сопровождении народной музыки означают нечто большее, нежели сближение с массами. Новое вторгается и в область теологии. Например, религиозные книги становятся доступными верующим, а священное писание превращается в объект разнообразных толкований, определяющихся индивидуальным его пониманием. Как известно, в эпохи напряженной классовой борьбы Библия — в результате имеющихся в ней двусмысленностей — толковалась по-разному различными классами, которые искали в ней оправдание своим действиям. Папская тирания, установленная Первым Ватиканским собором, передавала первосвященнику монопольное право на толкование религиозных текстов. И вот сегодня эта «монополия» в определенной степени теряет свое практическое значение.

Достаточно прослушать проповеди нескольких наших священников, чтобы убедиться в том, что и внутри чилийской церкви происходит столкновение двух антагонистических образов мышления, причем влияние сторонников традиционных тезисов в целом непрерывно падает.

В статье «Религия и развитие», опубликованной в журнале «Менсахе», чилийский иезуит Марио Саньярту признал, что католицизм в Латинской Америке оправдывал существующее общественное устройство волей бога, осуждал стремление к более или менее радикальным переменам, стремился сконцентрировать мысли масс на «потусторонней жизни, дабы они с пренебрежением относились к жизни посюсторонней», проповедовал смирение перед нищетой, фатализм и т. д. Здесь же традиционному католическому образу мышления противопоставляется новый, в который входят «положительное отношение к изменениям», «внимание к посюсторонней жизни», «активная борьба с целью приблизить к совершенству земное существование и его структуры», убежденность в том, что «все-

могущество бога отнюдь не предполагает отказа от индивидуальной ответственности или ослабления усилий, направленных на преобразования», «необходимость быть эффективным в своей деятельности», «человеколюбие, которое потенциально охватывает *всех* людей и направлено на всеобщее благо» и «глубокое уважение ко всем видам человеческой деятельности».

КРИЗИС «СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ» ЦЕРКВИ

Политика «aggiornamento», продолженная, невзирая на многочисленные отступления и колебания, Вторым Ватиканским собором, основывается на полном провале так называемой «социальной доктрины» церкви, реакционные положения которой были опровергнуты самой жизнью. Первоначально эта доктрина была изложена папой Львом XIII в энциклике «*Regum Novarum*» 15 мая 1891 г., а затем расширена Пием XI в энциклике «*Quadragesimo Anno*» 15 мая 1931 г. и Пием XII в радиопослании на пятидесятницу 1 июня 1941 г. Эти документы пронизаны духом «*Quanta Cura*» (1864 г.) и других актов Ватикана, осуждающих как либерализм, так и социализм, называющих светское государство нечестивым и абсурдным и объявляющих войну свободе печати, свободе совести и целому ряду научных теорий.

В соответствии с «социальной доктриной» церкви «немыслимо, чтобы в гражданском обществе все люди могли подняться до одного уровня». «Удел человека — страдать и терпеть. И как бы, и сколько бы человек ни старался, никакой силой и никакими средствами не удастся ему полностью устранить из жизни человеческой эти неудобства». Что касается социалистов, то «против природы, однако, все их усилия тщетны». «Всякая власть — от бога и есть проявление божьего промысла». «Да не обременится частная собственность огромными налогами и поборами. Не от законов людских, а от природы исходит право индивидуальной собственности; следовательно, общественная власть не может упразднить его, а может лишь умерить его осуществление и сочетать его с общим благом. Таким образом, несправедливо и бесчеловечно изымать под видом налогов из достояния индивидов больше того, чего требует справедливость» (цитаты из «*Regum Nova-*

гит»). «Большой вред причиняют те, кто, не колеблясь, провозглашает, что труд стоит столько, сколько стоят плоды его, и что вознаграждение за труд должно быть равно этой стоимости, и что поэтому рабочий имеет право требовать все, что является продуктом его труда» («Quadragesimo Anno»).

Идея о том, что эксплуатация человека человеком, капитализм, присвоение буржуазией прибавочной стоимости, антирабочие репрессии и неравенство являются «божьим промыслом», сопротивление которому представляет собой смертный грех по отношению к богу, применялась на практике в самых крайних формах.

В течение длительного времени церковь использовала все свое влияние на благо хозяевам, в ущерб рабочим. Правда, некоторые католические круги, предшественники современной христианско-демократической партии, брали на вооружение из «социальных» энциклик имевшиеся там места, в которых осуждались капиталистические злоупотребления. Они стояли на иных позициях, нежели реакционеры, и располагали поддержкой небольшой части священников и немногих епископов. Однако, как известно, несколько ласточек весны не делают.

В Чили в течение целого века церковь полностью поддерживала наиболее реакционную политическую партию страны — консервативную, во главе которой стояла помещичья олигархия, несущая ответственность за массовые убийства и всевозможные преступления. Характерно, что эмблемой этой партии было распятие.

В кварталах бедноты и в деревнях священники-реакционеры, спекулируя на самых примитивных предрассудках и суевериях, приписывали коммунистам сатанинские свойства.

Однако ничто не смогло остановить развитие мощного рабочего движения и могучей массовой коммунистической партии. Церковь убедилась, что эта политика ведет ее в тупик. Подобный процесс происходил и в других районах Латинской Америки, и во всем мире. Кризис проявлялся в самых разнообразных формах, в частности в возникновении мощного течения внутри самой церкви, которое требовало обновления.

Если исходить не из абстрактных моральных категорий, а из реальных потребностей общественной борьбы, то можно говорить о двух направлениях в современном католицизме — о теологии, которая стремится отвлечь внимание трудящихся от подлинных проблем современного мира, и теологии, которая не препятствует верующим вливаться в поток революционных битв.

В Чили мы выковали Народный фронт, который находился у власти в течение десяти лет. В последний период существования этого коалиционного демократического правительства представители нашей партии даже входили в него в качестве министров. И католики не могут назвать *ни одного случая*, когда бы мы использовали наше влияние в ущерб их религиозным чувствам. В действительности недостаточное взаимопонимание обуславливалось воинствующе антикоммунистической позицией многих пап, которые без зазрения совести использовали свой религиозный сан ради достижения реакционных политических целей. После опубликования известной энциклики «*Regum Novarum*» практически каждый документ Ватикана (какой бы ни была его тема) непременно содержал резкие нападки на рабочее движение и прежде всего на коммунистов. В период подъема фашизма папа Пий XII чаще, чем когда-либо, осыпал проклятиями «материалистический и атеистический коммунизм».

Энциклика «*Mater et Magistra*» папы Иоанна XXIII, написанная значительно более братским и гуманным языком, означала важное изменение стиля пап. Она знаменует своего рода возвращение к тому образу христианства, возникновению которого способствовали некоторые движения эксплуатируемых, носившие в прошлом религиозный характер и трактовавшиеся обычно как еретические.

Пожалуй, наиболее важный новый момент, внесенный энцикликой «*Mater et Magistra*», состоял в том, что она одобряла социализацию, понимаемую как «распространение ассоциативных форм на различные проявления жизни и упорядочение правовых институтов». Иоанн XXIII категорически отверг опасения своих предшественников следующим образом: «Должно

ли делать вывод, что расширяющаяся и углубляющаяся социализация неизбежно превратит людей в автоматы? На этот вопрос следует ответить отрицательно». Что касается социальной борьбы эпохи перехода от капитализма к социализму, то Иоанн XXIII засвидетельствовал свое сочувствие ей или по крайней мере осознание ее исторической необходимости: «Социализация не есть результат природных сил, определяемых детерминизмом. Она, напротив, дело людей, существ сознательных, свободных и наделенных от природы стремлением действовать с чувством ответственности, хотя в своей практике они вынуждены признавать и уважать законы экономического развития и социального прогресса и не могут полностью оградить себя от давления окружающей среды».

В следующей энциклике — «*Pacem in terris*» эта постановка вопроса была дополнена: здесь папа отошел от антикоммунизма и заменил его широким и недвусмысленным признанием совместных действий, основанным на понимании и уважении массовых исторических движений, не связанных с христианством.

НОВАЯ КАМПАНИЯ ПО ВЕРБОВКЕ СТОРОННИКОВ

Несомненно, что значительная часть церковной верхушки под «*aggiornamento*» понимает переход к более современным и гибким методам, своего рода освобождение от балласта с целью создания новых возможностей для вербовки сторонников. Для этих групп речь идет о том, чтобы нагнать потерянное время, добиваясь иными средствами прежних целей, т. е. вытеснения коммунистов и нейтрализации массового движения, притупления его наступательного характера.

С этой целью была проведена реорганизация католического пропагандистского аппарата. На первый план выдвинулась целая плеяда социологов, которые в широком масштабе используют новейшие достижения промышленной и общей социологии, системы «человеческих отношений», рекламы и педагогики. Они располагают практически неограниченными ресурсами.

Основным координирующим центром этой деятельности для Латинской Америки является Международ-

ный католический центр социальных исследований в Брюсселе, имеющий разветвленную сеть филиалов.

Перечисление всех организаций, занятых клерикальной деятельностью, заняло бы слишком много места. Среди них особое место занимают те, которые группируются на базе идейных течений международного масштаба, как, например, «Опус деи», называемая также «Духовным обществом святого креста и господнего промысла». Это реакционная интегралистская организация, в которую входит около 100 тыс. членов, организованных в 200 секретных ложах в различных странах. Объединение «Экономика и гуманизм» является соперником «Опус деи» «слева». Оно действует под руководством доминиканца Лебре, который возглавляет несколько католических исследовательских центров и вокруг которого группируется значительное количество священников-реформистов и руководителей демохристианских партий.

Следует упомянуть также «Колумбианум» (Генуя) — иезуитскую организацию, занимающуюся развитием неоколониалистских связей между Европой, с одной стороны, и Африкой, Азией и Латинской Америкой — с другой. Одним из филиалов этой организации является Европейско-латиноамериканский центр.

Итак, налицо разнообразие оттенков — от «правого» «Опус деи» до «центристского» «Колумбианум» и «левого» «Экономика и гуманизм».

Мы являемся свидетелями весьма интенсивной католической кампании по вербовке сторонников — гораздо более эффективной, чем в предшествующие годы, и ведущейся непосредственно среди масс.

Созданная христианами социологами теория «маргинальности» признает тенденцию всех индивидов к включению в общественную борьбу и одновременно констатирует, что широким слоям населения все еще не удалось добиться этого ни в деревне, ни в рабочих поселках (где, в частности, многие женщины продолжают пребывать в изоляции у своих очагов), что различные социальные категории, особенно далекие от достижений культуры, также находятся вне современной общественной жизни. Христианские деятели нового типа уделяют особое внимание этим «маргинальным» слоям, в которые входят люди, совсем недавно ставшие пролетариями, сельскохозяйственные

рабочие, рабочие мелких мастерских, члены их семей, не участвующие в производстве, и мелкая буржуазия. Они выдвигают из этих слоев «лидеров» и создают организации, выступают в качестве выразителей их чаяний и направляют их деятельность в рамки реформизма и определенных форм классового сотрудничества. В целом они называют эту политику «народным продвижением».

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

Какую позицию занимает империализм США по отношению к новой клерикальной политике?

В интересном очерке Мануэля Факала, опубликованном в прошлом году в уругвайском журнале «Эстудиос» под названием «Идеологическое наступление католицизма в Латинской Америке: общественные науки», справедливо указывалось, что одним из решающих факторов размножения католических организаций нового типа является финансовая поддержка со стороны американских и западноевропейских фондов. Эта поддержка в значительной мере исходит из нецерковных источников.

Хотя «альма матер» этой тенденции остается, безусловно, Грегорианский университет в Риме, однако после возникновения «Союза ради прогресса» и вообще начиная с первых шагов администрации президента-католика Кеннеди в Соединенных Штатах сложился ее второй центр. Бельгийский иезуит Роже Векеман, «серое преосвященство» демохристианского правительства Чили, приветствовал «Союз ради прогресса» с таким же энтузиазмом, с каким его европейские единомышленники приветствовали в свое время «план Маршалла». Он создал в Сантьяго Центр по экономическому и социальному развитию Латинской Америки, связанный с Организацией американских государств. Этот центр сотрудничает с университетом Лойолы в Новом Орлеане.

Отношения между империализмом и современным клерикальным течением не сводятся к безусловному подчинению последнего первому. Речь идет скорее о взаимосвязи. Латиноамериканская конфедерация христианских профсоюзов (региональная организация Международной конфедерации христианских профсою-

зов) явно отличается от утратившей свой авторитет Межамериканской региональной организации труда (ОРИТ), хотя и та, и другая организация выступает против единства и независимости профсоюзов и борется с влиянием ВФП.

Целый ряд католических организаций финансируется из североамериканских источников. Это облегчается, в частности, тем, что Ватикан и религиозные ордены вкладывают свои капиталы в некоторые американские монополии, действующие в Латинской Америке. При этом последние заранее проявляют готовность отдавать часть прибылей на усиление деятельности клерикальных организаций.

НЕКОТОРЫЕ КАТОЛИКИ ИДУТ ДАЛЬШЕ...

Перед нами сложные явления. Религиозный мир сотрясает кризис и раздирают многочисленные противоречия. Однако теологические изменения не устраняют трудности, а, напротив, увеличивают их. В результате возникает глубокий моральный конфликт, сопровождающийся появлением многочисленных тревог и далеко идущих стремлений. Многие католики, в том числе священники, значительно переступают тот предел, который предлагают их коллеги, стремящиеся приспособить католицизм к условиям последнего этапа капитализма, дабы не оказаться в изоляции от масс и продолжать воздействовать любой ценой на исторический процесс. Широко известный и поучительный пример священников-рабочих, многие из которых приобрели классовое сознание пролетариата, повторяется сейчас в более широком масштабе. Видимо, капиталовложения империализма в некоторые клерикальные организации могут привести совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали.

Был период, когда широта взглядов, с которой иезуиты воспринимали новую социальную действительность нашего времени, казалась удивительной. В Чили иезуитский колледж «Сан-Игнасио» воспитал несколько поколений христианских демократов — первых католиков, рискнувших присоединиться к прогрессивным движениям. Иезуиты быстро систематизировали свои цели в рамках реформизма, который

Роже Векеман связывает с «Союзом ради прогресса», выявляя тем самым его бессилие.

У иезуитского реформизма короткие крылья. Он старательно избегает всего, что может повредить интересам американских монополий. Однако сами иезуиты не могли не выпустить на волю долгое время сдерживаемый поток, направление которого они не в состоянии изменить.

Хотя на Втором Ватиканском соборе господствовала своего рода неокапиталистическая линия, главным выразителем которой был сам Павел VI, во время прений раздавались голоса Эльдера Камары (Бразилия), Чидимбо (Гвинея) и других епископов, которые шли дальше. Речь не идет об отдельных лицах. Постоянные контакты с католиками в профсоюзах, по месту жительства и в массовых движениях показывают, что значительное число их проявляет растущий интерес к разрыву всяких связей с капитализмом. Это касается и целого ряда священников. Представители данной тенденции глубоко и искренне верят, что демократизация их церкви является подлинно христианским начинанием. Они видят смысл своей религиозности в горячей любви к ближнему, в безоговорочной вере в человека. Католикам такого рода их верования не только не мешают быть революционерами, но, напротив, помогают в их борьбе. Пример тому — жизнь и героическая смерть колумбийского священника-революционера Камило Торреса.

ЕДИНСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА И ВСЕГО НАРОДА

Мы, коммунисты, искренне рады тому, что вместе с католиками боремся в рамках общего массового движения. Мы решительно выступаем за единство рабочего класса и всего народа, за единый профсоюз в каждой отрасли промышленности, за единый центр трудящихся, за одну организацию, которая объединит жителей каждого населенного пункта или квартала, за единый центр, объединяющий матерей в каждой общине, за организационное единство всех массовых движений без исключения. В них найдется место для марксистов, католиков, протестантов и других групп, а также для коммунистов, социалистов, радикалов,

христианских демократов, национальных демократов и беспартийных.

Общий знаменатель обуславливается коренными классовыми интересами. Опыт борьбы пролетариата действительно подчеркивает необходимость действовать в едином фронте и объединять вокруг себя народные массы города и деревни. На заре чилийского рабочего движения революционному течению, возглавлявшемуся Луисом Эмилио Рекабарреном, пришлось вести борьбу с анархистами и «хосефинос» (как в то время называли трудящихся-католиков, поскольку церковь утверждала, что их центры находятся под покровительством святого Иосифа — по-испански Сан-Хосе). Первоначально профсоюзные центры действовали лишь в региональном масштабе и назывались рабочими сообществами. По инициативе железнодорожников было создано первое крупное объединение общенационального масштаба, которое называлось Рабочая федерация Чили. В результате того, что профсоюзные организации крупнейших рабочих центров не вошли в эту федерацию, большинство в ней первоначально составляли «хосефинос», а во главе ее стоял консерватор Марин Пинуэр. В период первой мировой войны в федерацию вошли наиболее закаленные отряды пролетариата, имеющие давние боевые традиции. Ее генеральным секретарем стал Луис Эмилио Рекабаррен. Десять лет спустя с целью подорвать единство трудящихся были созданы официальные профсоюзы, пользовавшиеся поддержкой властей и имевшие определенные льготы. Коммунисты решили, что в эти профсоюзы надо вовлечь всех рабочих. В результате вскоре в них стало преобладать революционное течение.

По окончании второй мировой войны американский империализм добился раскола профсоюзного центра, который в то время назывался Конфедерацией трудящихся Чили (КТЧ). Однако в этих трудных условиях коммунисты выдвинули лозунг сохранения единства всех профсоюзов. Они высказались за предоставление всех прав меньшинству, выступавшему за раскол, в тех профсоюзных организациях, которые сохранили верность старой КТЧ, и потребовали аналогичных прав для тех, кто выступал за единство в профсоюзах, доведенных до раскола. Вскоре сам отко-

ловшийся центр под давлением низовых организаций высказался за восстановление единства, после чего и был создан Единый профсоюзный центр трудящихся Чили.

Уважение в массовых организациях к верованиям и политическим убеждениям их членов, открытое обсуждение всех вопросов на собраниях, пропорциональное участие представителей каждой группировки в руководящих органах в соответствии со значением тех сил, которые ей оказывают поддержку, тщательное согласование наиболее важных резолюций со всеми группами и неустанные поиски возможности принять единогласные решения (в сочетании с правилом подчинения меньшинства большинству) — все это не ослабляет борьбы, а, напротив, благоприятствует ее развитию, затрудняет маневры классовых врагов и интриги их агентов.

Практика борьбы показывает, что католические рабочие не всегда встают на реформистские позиции или проявляют недостаточную классовую твердость. Идеологические убеждения не соответствуют точно и автоматически определенным взглядам на конкретное развитие классовой борьбы. Даже если католические рабочие входят во фракцию, действующую под руководством «Католического действия» или какой-либо политической партии, выступающей в роли носителя их религиозных принципов, это само по себе не является препятствием для того, чтобы большинство этих рабочих оказало поддержку коммунистам, руководствуясь исключительно классовыми соображениями. Однако для этого необходимо обеспечить правильный подход не только к революционной перспективе и к политике вообще, но и к различным мелким проблемам и конкретным вопросам, которые беспокоят трудящихся и их семьи. Иначе говоря, необходимо, чтобы все организации коммунистической партии обладали искусством действовать как чутко реагирующий авангард.

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Совместные действия коммунистов и католиков не ведут к отказу от идеологической борьбы, а переносят ее на новую почву. Речь не идет о том, чтобы коммунисты изменили свои принципы ради взаимопонима-

ния с католиками или чтобы католики перестали быть таковыми. Диалог не имеет ничего общего с какой-либо сделкой: его цель состоит в искреннем разъяснении позиций сторон в интересах взаимного понимания. Диалог предполагает готовность вместе искать «земную» истину и прежде всего находить участки для приложения совместных усилий ради достижения общих целей.

Миллионы католиков верили антикоммунистической клевете в течение всей своей жизни. Мы придаем большое значение возможностям разъяснить наш образ мыслей, наши цели и наши методы. Это поможет окончательно покончить с пресловутым дьяволом, который, по уверениям некоторых священников, нашел свое воплощение в коммунистах. Со своей стороны мы также готовы отказаться от предрассудков и упрощенческих представлений, ибо мы кровно заинтересованы в том, чтобы иметь правильное понимание реальной действительности.

Для нас, коммунистов, диалог имеет большее значение, чем для кого бы то ни было. Это объясняется самим характером нашего учения, той безграничной верой, которую мы питаем к критическому мышлению и критическому действию, научным подходом к миру и вытекающей отсюда уверенностью в том, что мир идет в указываемом нами направлении.

Изменения, наблюдаемые в католической церкви,— результат изменений, которые происходят в действительности и за которые мы, коммунисты, с понятной и оправданной гордостью принимаем на себя ответственность. Как же нам не приветствовать эти изменения? Они не разрешают, да и не могут разрешить, наши разногласия относительно неба, но они значительно сближают наши точки зрения относительно земли. Хотя мы исходим из разных посылок и используем разные методы, эти изменения дают нам возможность совместно сконцентрировать внимание на проблеме человеческого счастья, которое может быть завоевано лишь путем борьбы против отсталости, эксплуатации, материальной нищеты и невежества.

Наше время настоятельно требует, чтобы мы, сохраняя бдительность в идеологической борьбе, в то же время вели ее так, чтобы это помогало взаимопониманию. Малейший отход от наших позиций играет на

руку империализму, который скрывается за всевозможными антинаучными воззрениями. Однако, чтобы быть эффективной, идеологическая борьба должна вестись убедительно и прежде всего должна быть увязана с социальными боями за мир, хлеб, свободу, прогресс, благосостояние и культуру. Коммунистический стиль идеологической борьбы облегчает совместные действия всех слоев трудящихся, цементирует антиимпериалистические силы.

К числу вопросов, которые беспокоят передовых католиков, относится вопрос о том, будет ли возможно в условиях социалистического строя в наших странах существование различных партий, занимающих разные позиции по отношению к религии, и в частности существование как марксистско-ленинских, так и католических партий. Наш ответ весьма прост. Мы считаем, что сами католики — как массы верующих, так и их представители, — эволюционируя и непосредственно сталкиваясь с благородной задачей строительства социализма и коммунизма, включаются в этот процесс с новыми правами, проистекающими из их новой позиции. Итак, поставленный вопрос относится не к нам, а к ним, и мы приветствуем все их действия, направленные на то, чтобы освободиться от явных или замаскированных пут, при помощи которых империализм пытался и пытается удержать их.

Печатается по журналу «Проблемы мира и социализма», 1966, № 5, стр. 83—91.

ХУАН РОСАЛЕС

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И КРИЗИС КАТОЛИЦИЗМА

В Латинской Америке, которая, согласно церковной статистике, является «католическим континентом», церковь переживает глубочайший кризис. Об этом свидетельствуют открытые разногласия как внутри ее высшей иерархии, так и между последней и

многочисленными группами священнослужителей и светских деятелей из числа католиков. Эти группы устанавливают дружеские отношения с коммунистами и зачастую действуют совместно с ними. В свою очередь, реакционные епископы не только сами наказывают или отлучают от церкви «бунтующих» священников, но все чаще прибегают к помощи репрессивного аппарата господствующих классов для пресечения их связей с верующими. Некоторые священники и светские деятели — католики открыто выступают с разоблачением существующих в Латинской Америке социально-экономических структур, против политических преследований, за солидарность с угнетенными, поддерживают их требования. Все это лишь отдельные проявления конфликтов в лоне церкви, где, по мнению буржуазного журнала «Висьон», «говорится о чем угодно и главным образом о Марксе, неграх, США и Вьетнаме, но весьма мало — о боге».

Итак, за разногласиями в католических движениях в латиноамериканских странах стоят не теологические, а сугубо мирские проблемы. Все более глубоким становится размежевание как бы между двумя церквями: первой, ратующей за привилегии и служащей «фактором власти», духовной поддержкой существующей системы, и второй — «примиренческой», которая в активном компромиссе с народными силами и их революционными требованиями видит способ претворения в жизнь «евангелического наказа о любви к ближнему», то есть стремится действовать с учетом объективной необходимости.

Кризис католицизма сейчас признается всеми, но причины его объясняются по-разному. Реакционные слои духовенства считают, что он вызван антихристианской деятельностью современных «князей тьмы», как они обычно называют коммунистов, продолжая призывать к крестовому походу против них. Центристские группы внутри церкви, зачастую настроенные не менее антикоммунистически, чем правые, упрекают их вместе с тем в неумении противостоять кризису, в отсутствии гибкости и чувства времени, в нежелании отказаться от некоторых освященных церковью союзов и методов, которые сегодня вызывают возмущение народных масс. Отдельные клерикальные круги,

выступающие за определенные новшества, видят причину кризиса в отсутствии компромисса между церковью и чаяниями народа, что-де приводит к отходу народа от веры, к сближению его с «безбожным материализмом». Монополисты и их приспешники проявляют озабоченность по поводу глубины кризиса, свидетельствующего о неспособности иерархии подавить бунтарский дух внутри церкви, воспрепятствовать социальному расколу, и усердно содействуют восстановлению утраченного повиновения с помощью клеветы, преследований прогрессивных католиков. В то же время некоторые буржуазные и мелкобуржуазные антиклерикальные слои надеются, что кризис церкви — их давней соперницы — приведет наконец к упадку ее могущества и позволит им с помощью собственных рецептов увести народные массы от классовой борьбы.

Хотя представители различных течений католицизма пытаются найти выход из кризиса в соответствии с собственными интересами, они так или иначе вынуждены считаться и с интересами народных масс, принимать во внимание перемены, происходящие в странах Латинской Америки и во всем мире.

В этой связи небезынтересно было бы рассмотреть некоторые честолюбивые планы и деятельность, развернувшуюся под флагом церкви в последнем десятилетии. Верхушка духовенства приступила к координации действий по укреплению своих позиций в 1955 г., когда был создан Латиноамериканский совет епископов (СЕЛАМ). Она стала уделять больше внимания неотложным социальным проблемам, особенно после победы кубинской революции и последовавшего подъема антиимпериалистической борьбы. Вся эта деятельность была обусловлена антикоммунизмом, боязнью коренных перемен и осуществлялась в союзе с господствующими классами. Так, созданная в Буэнос-Айресе в 1960 г. марианская конференция (сторонников поклонения деве Марии) рассматривала, например, вопрос о возведении «духовного барьера против коммунизма». Для усиления религиозного рвения среди народных масс были прочитаны «Великие проповеди». Эти и другие религиозные и политические мероприятия имели целью использовать влияние духовенства для того, чтобы помешать революционным преобразованиям. Выступая под эгидой социального

обновления (хотя и «мирного»), церковь пытается направить прогрессивные устремления народных масс в русло клерикализма, приспособленного к вялому реформизму крупной буржуазии, порывающему в какой-то степени традиционные связи с помещичьей олигархией и консерваторами и служащему экспансионистским устремлениям американского империализма. Поэтому-то латиноамериканская церковь безоговорочно поддержала «Союз ради прогресса», надеясь под его покровом завоевать господствующие позиции в просвещении, социальном обеспечении и оказывать определяющее влияние на идеологическую ориентацию Латинской Америки.

Будучи не в состоянии осуществить подобную задачу собственными силами, она обратилась за помощью к североамериканской церкви, во главе которой стоят реакционеры типа кардинала Спеллмана, добившегося от Ватикана «срочной кампании» по созданию «отборных групп наставников, общественных работников, советников для рабочих и крестьян, учителей иностранных языков, особенно английского, весьма необходимого Латинской Америке, которые развернули бы соответствующую деятельность прежде всего в тех зонах, где утвердились коммунисты». Помимо этих «добровольцев папы», к которым вскоре присоединились представители «корпуса мира» и других организаций, руководимых Центральным разведывательным управлением США, североамериканский кардинал Кашинг потребовал призвать «еще около ста тысяч священников, чтобы добиться успеха в борьбе против коммунизма».

С участием иностранных католических учреждений и их финансовой помощью латиноамериканская церковь создала для работы среди народных масс новые учреждения, которые играли активную роль в основных событиях, происходивших в наших странах. В июле 1964 г. помощник государственного секретаря по межамериканским делам Томас Манн заявил: «Во многих зонах церковь придает борьбе за достижение прогресса при свободных режимах свою ориентацию». Он имел в виду пособническую роль, которую сыграло духовенство в бразильском военном перевороте 1964 г., когда пало правительство Гуларта и была установлена проамериканская военная диктатура, и поныне

заливающая кровью Бразилию. По этому же пути пошла и аргентинская церковная иерархия, содействовавшая осуществлению клерикально-военного, проимпериалистического государственного переворота 1966 г.

Но, несмотря на усилия клерикалов объединить католиков под религиозным флагом борьбы против коммунизма, эти реакционные замыслы потерпели крах. Им не удалось сохранить реформистские иллюзии, предотвратить прогресс социализма на проклятой церковью Кубе и развитие антиимпериалистической борьбы латиноамериканских народов. Клерикалы оказались неспособными завоевать сердца верующих, которые начали разбираться в истинной подоплеке принятой духовенством кампании и инквизиторских мер против несогласных, число которых среди священников продолжает расти.

Часть верующего студенчества и трудящихся-католиков, а также некоторые священники и епископы, которым близки требования народных масс, на собственном опыте, в ходе плодотворных дебатов и совместных действий с коммунистами все больше убеждаются, что смертельным врагом латиноамериканцев является отнюдь не коммунизм — учение о революционном обновлении общества, — а империализм. В свою очередь, серьезные социально-политические сдвиги в мире, успехи науки, секуляризация социальных и культурных институтов, массовая миграция сельских жителей в города и другие факторы нарушили привычные для католического мира порядки. Все это углубило противоречия между старым по возрасту и образу мышления поколением духовенства, пытающимся «свернуть» церковь с «греховного пути» приспособления к процессу исторического развития, и новым поколением, которое вполне нормально и даже с удовольствием дышит насыщенным бурей воздухом нашей эпохи.

Второй Ватиканский собор, а затем папа Павел VI, учитывая создавшееся положение в латиноамериканской церкви, посоветовали клерикальной иерархии континента действовать более гибко, подчеркнув, что ей необходимо «автономно участвовать» в глубоких структурных реформах и общественных изменениях, поддерживать их, «если только церковь рассчитывает играть какую-либо роль в будущем Латинской Америки». Однако проходившая в октябре 1966 г. клерикаль-

ная ассамблея в Мар-дель-Плата (Аргентина), несмотря на некоторые разногласия, поставила перед собой цель: прежде чем совершать коренные перемены в ориентации церкви, следует изменить только тактику, с тем чтобы ограничить те стороны ее деятельности, которые вызывают наибольшее возмущение народа, и ослабить классовые противоречия. Остерегаясь вскрывать истинные причины отсталости и зависимости стран Латинской Америки, ассамблея уделила все свое внимание «политике развития», которую она трактовала как преодоление экономической отсталости путем неотложных, но «осторожных» перемен.

Обращение к христианскому реформизму является не простым маневром империалистических кругов, а следствием объективных процессов, причины которых сознает верхушка католической церкви. Во-первых, это растущая решимость народных масс Латинской Америки к борьбе за структурные изменения, что заставляет господствующие классы идти на некоторые второстепенные преобразования «по-хорошему» во избежание того, чтобы народные массы добились своего «по-плохому». Во-вторых, наличие обширной социальной базы из буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, составляющих основную часть латиноамериканских католиков. Приведенные в смятение кризисом и крахом их старых концепций, но неспособные согласиться с руководящей ролью рабочего класса и его партии, эти слои стремятся, в свою очередь, возглавить процесс «перемен», направить его так, чтобы оставались незатронутыми их классовые интересы. Все это облегчает задачу латиноамериканского клерикализма, обновляющего старую средневековую теоретическую базу, приспособлявая ее к интересам новых господствующих классов, с которыми он связал свою судьбу. Церковь отстаивает концепции иерархизированного общества, божественного происхождения государственной власти, «естественного права» на частную собственность. И эта ее функция успешно используется империалистами, их приспешниками.

На одном из коллоквиумов, проводившемся в иезуитском университете Нотр-Дам (США) и финансирувавшемся фондом Рокфеллера, на котором присутствовали представители духовенства, социологов и политических кругов Америки, профессор Пайк, один из

организаторов встречи, заявил: «Учитывая нарастающую волну требований коренных социальных перемен в Латинской Америке, настало время задать себе вопрос, какую роль будет выполнять в этом религия», так как «разочарование масс может привести к тому, что они станут прислушиваться к посулам безбожного коммунизма». Коллоквиум рекомендовал новые методы борьбы с коммунизмом, предусматривающие «позитивную» альтернативу, а не простое предание его «анафеме», выступил в пользу «демократической и христианской революций» в противовес революции кубинской. В этой связи подчеркивалось, что в отличие от коммунистов «христианские реформисты сохраняют по крайней мере место для частной собственности и частного предпринимательства».

Основываясь на священной неприкосновенности капиталистических отношений, многие представители католической верхушки в Латинской Америке сосредоточили свои главные усилия на поисках «третьего пути» преодоления социальных противоречий. Например, бразильский философ-католик Тристан де Атайде призывает найти путь, способный «объединить три силы: реакционно-правые, революционно-левые и даже марксистские и силы центра...». Стремление «очистить и направить растущую волну революции в соответствии с принципами евангелия» проявилось в «альтернативистских» концепциях прелатов и священников, стало приобретать силу доктрины в ряде клерикальных учреждений.

Среди них следует отметить Центр исследования и социального действия иезуитов, на который возложена задача противостоять распространению атеизма, а точнее, влиянию марксизма в народных массах с помощью социальной католической доктрины.

Не отстают от учеников Лойолы и его старые соперники — доминиканские монахи, проводящие в последнее время большую работу в странах «третьего мира». Наиболее выдающейся фигурой этого социологического направления, пользующейся влиянием среди латиноамериканских университетских католиков, был отец Лебре (умер в 1966 г.). Он посетил ряд стран Латинской Америки по приглашению правительств и духовных учреждений, заинтересованных в его концепции «гибкой модели», допускающей сочетание «гу-

манной экономики» и «подлинного развития» без революционных преобразований. По мнению отца Лебре, достичь этого можно моральным перевоспитанием «высших классов», используя «способность народа к самоограничению». Он считает, что «христианская элита должна заменить старые рецепты милосердия для обездоленных средствами социальной помощи».

Вице-президент Международного католического союза социальной помощи М. Эскурра заявил, что «метод социальной помощи является великим инструментом, который применяется в настоящее время по всей Латинской Америке» в борьбе с «происходящей социальной революцией».

Этому с удовольствием содействуют ОАГ и ее учреждения, проводя с помощью фондов Межамериканского банка развития и обычно под руководством специалистов-католиков различные планы, отвечающие целям империализма. Авторы этих планов, по словам последователя Лебре, директора Института политических исследований для Латинской Америки отца Рамлота, нацелились на «формирование сознания вне перспектив классовой борьбы».

Для навязывания такого «сознания» используются разные концепции, в том числе и коммунитарная доктрина, провозглашенная в программе латиноамериканских социал-христианских партий. Следует заметить, что четкого определения коммунитаризма не существует; различные клерикальные течения в соответствии со своей социальной и политической позицией вкладывают в это понятие разное содержание. Так, для правых проимпериалистически настроенных католиков община (основанная в соответствии с церковными взглядами на схоластическом понятии Общего Добра, которое Властелин должен обеспечить своим подданным в неизменном иерархическом порядке) выражается в «общности интересов» классов внутри страны и в «западном и христианском сообществе» в международном плане. Для левых демохристиан, считающих, что существующий капиталистический строй основан на несправедливости, община (исчезнувшая с распадом средневековых братств в результате капиталистического развития) остается идеалом.

«Коммунитарный социализм» некоторых левых демохристиан прокликает капитализм, но неспособен

отказаться от буржуазных методов; он — за изменение общества, но не посредством классовой борьбы, а с помощью «любви к ближнему», что позволит, мол, изгнать Зло (социальный конфликт) и возвести на трон Добро (согласие между людьми). Предполагаются и другие «модели» перестройки общества, в том числе посредством «самоуправления» свободных и обеспечивающих себя производителей в автономных общинах (по подобию производительных ассоциаций Прудона или объединения «свободных ассоциаций» Бакунина).

Возврат к экономическому романтизму (о котором говорили Маркс, Энгельс и Ленин, когда критиковали, например, «сисмондизм», «социалитаризм» Дюринга или русское народничество) проявляется в тоске по более счастливым временам. Но поиски исторических аналогий и увлекательных моделей в прошлом человеческого общества, которые уводили бы от социальной поляризации посредством какого-то «нового пути, не индивидуалистического и не коллективного», представляют собой идеологическую мешанину, утопию. А политическая утопия является результатом мечтаний определенных слоев. Как указывал Ленин, эти слои ведут борьбу против старого порядка, но «не занимают самостоятельного положения в этой борьбе. Утопия, мечтания есть порождения этой несамостоятельности, этой *слабости*. Мечтательность — удел *слабых*»¹.

Эта основная идеологическая слабость социал-христианства проявляется как в его внутренних противоречиях, так и в неиссякающих иллюзиях относительно возможности убедить правящие классы осуществить реформистские проекты. Именно в этом заключается суть компромисса социал-христианства. Его политическое и религиозное влияние используется в своих целях реакцией. Так, например, Латиноамериканская конфедерация христианских профсоюзов (ЛАКХП), появившаяся на свет в 1954 г., пыталась изобразить себя глашатаем «третьего пути», противоположного политике классового единства трудящихся, которую защищают коммунисты. В течение многих лет в конфедерации преобладал антикоммунизм. Ее лидеры

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 118.

придерживались реформистских взглядов, возлагали большие надежды на программу США «Союз ради прогресса». Общая ориентация конфедерации всегда была подчинена альтернативе «христианство или коммунизм», борьбе против революционного движения. Вместе с тем генеральный секретарь ЛАКХП Е. Масперо заявил, что эта организация будет поощрять политику, способную объединить «всех трудящихся-демократов и тех, кого вдохновляет христианство». Это тоже свидетельствует о значительных изменениях, происшедших в социал-христианском движении в результате краха реформистских иллюзий и в особенности благодаря подъему борьбы трудящихся, развитию тенденций в пользу объединения антиимпериалистических сил.

Требования выработать новую линию церкви приняли особенно бурный характер перед 2-й латиноамериканской епископальной конференцией, состоявшейся в Медельине (Колумбия) в конце 1968 г. Конференция в Медельине в драматической форме отразила насущную потребность церкви в новой ориентации, ибо она оказалась как бы между реакционной накопальной и молотом — носителем нового. Конференция была вынуждена принять во внимание требования разных сторон, что нашло отражение в принятых документах, представляющих разнородную комбинацию как довольно прогрессивных положений, так и множества догматических наставлений и практических советов. Так, в документе «О мире» разоблачаются «внутренний неокOLONиализм» и «финансовая зависимость от международного империализма». В нем выдвигается требование смелых преобразований и соответствующей мобилизации народа для борьбы за них. В документе «О справедливости» говорится о необходимости постепенных реформ, однако руководящая роль в этом процессе отводится предпринимателям. «Пастырское послание элиты» в свою очередь указывает, что обязанностью церкви является формирование «основных движущих сил социальных перемен».

Таким образом, конференция в Медельине не ликвидировала внутренние противоречия в латиноамериканской церкви, а явилась ярким подтверждением борьбы «двух церквей». Она не удовлетворила никого:

ни правые круги, стоящие во главе клерикальных организаций на большей части континента, сумевшие оставить свой след в документах конференции, а затем и вовсе перечеркнуть их; ни сторонников новых веяний в церкви, которых при попытке проведения в жизнь того или иного позитивного решения конференции объявляли «коммунистами». Некоторых служителей церкви заставили замолчать и вынудили к бездействию, как, например, монсеньера Эльдера Камару за его смелое разоблачение преступлений бразильской диктатуры, а кое-кого лишили сана и изолировали, как, например, монсеньеров Девото и Невареса в Аргентине. С более прогрессивными священниками обошлись еще хуже.

В церкви ряда латиноамериканских стран происходит смена руководства, при этом курия правых кооперируется с центром в ущерб прогрессивным епископам и реформистам, выступающим в пользу интересов католических низов. Церковь пытается использовать в своих интересах кризис, который переживают и различные буржуазные силы, стремится показать, что сможет защитить интересы крупного капитала, оказавшиеся в опасности в результате роста революционного движения на континенте. И крупная буржуазия в определенной степени уповает на поддержку церкви. Например, французская газета «Комба» призывала церковь «вновь завоевать ибероамериканское общество и прийти на смену могуществу США прежде, чем они завершат свой стратегический отход». Бывший вице-президент США Г. Хэмфри не так давно предсказывал следующее: «В ближайшее десятилетие, когда революционные изменения встанут на повестку дня во многих странах, наступит момент, когда будет необходимо затормозить вмешательство государства, чтобы спасти социальный плюрализм и индивидуальную политическую свободу. В Латинской Америке эту функцию должна будет выполнить церковь».

Североамериканский империализм пустил глубокие корни в латиноамериканской церкви и ее организациях, навязывая им свои идеи и методы. В этой связи монсеньер И. Иллич (преследуемый инквизицией за его «экстремистские» взгляды) выступил с разоблачением, заявив, что с помощью денег, идеологии и пропагандистов США «церковь Латинской Америки была

втянута на путь превращения в сателлита Северной Америки в области политики и культуры».

В устранении «подрывных» очагов внутри церкви активное участие принимают ФБР, ЦРУ. Об этом свидетельствует положение в Бразилии. Епископы, священники и монахи, проявившие солидарность с трудящимися и студентами, подвергаются пыткам, преследованиям. И эти репрессии поддерживают карательные службы США. В Аргентине церковная верхушка, правые католики и антикоммунистические группировки, финансируемые ЦРУ, развернули под прямым давлением правителей «*de facto*» и империалистической военщины ожесточенную клеветническую кампанию против ряда священников и прогрессивных католиков-прихожан. Эта кампания сопровождалась отлучением от церкви и смещением «*a divinis*» известных священников за их активную, решительную деятельность.

Союз высшего духовенства с империализмом и применяемые ими репрессивные меры свидетельствуют об их страхе перед лицом непрерывного развития все новых христианских течений, пользующихся сочувствием и поддержкой широких масс верующих. Эти течения ведут борьбу против реакции, господствующей в церкви и в обществе, требуют прогрессивных изменений и сближаются с рабочим классом. Так, 1-й идеологический конгресс перуанской христианской демократии настаивал на «повороте влево, к революции»; Социальная пастырская встреча в Уругвае выступила с требованием «общества без эксплуататоров и эксплуатируемых», группа священников из Голконды (Колумбия) проповедует «единство действий и солидарность, которые приведут к созданию революционного фронта»; 1-й конгресс священников Эквадора высказался против капитализма; 1-й Латиноамериканский теологический конгресс по вопросам веры и развития, проходивший в Мексике, призывал к «солидарности с борьбой угнетенных».

Радикализация христианской церкви, которая объективно соответствует социальному положению на континенте, во многом связана с большой, чуткой и последовательной работой латиноамериканских коммунистов. Они понимают, что присоединение католических организаций и масс католиков к общему фрон-

ту борьбы является одним из основных требований, необходимых, чтобы рабочий класс и его союзники смогли совершить антиолигархическую и антиимпериалистическую революцию, обеспечить подлинно демократическую власть, создать условия для перехода к социализму.

Коммунисты все с большей решительностью и смелостью, не скрывая своего партийного лица, своих позиций и целей, обращаются к епископам и священникам, к руководителям и членам католических движений. Они открыто обсуждают с ними главные проблемы, волнующие народ, приглашают их принять участие в различных движениях, пробуждающих чувства солидарности в общей борьбе за решение этих проблем в пользу мира, национальной независимости и социального прогресса.

Латиноамериканские коммунистические партии издают специальную литературу и ведут интенсивную идеологическую работу по разъяснению процессов, происходящих в христианской церкви, против антиунитарных предрассудков и способствуют укреплению единства действий всех слоев населения. Непрерывно возрастающий объем этой работы побудил Центральные Комитеты некоторых компартий выделить специальные кадры. Их главная задача — содействовать сближению членов партии и партийных организаций с католическими массами, с их организациями и духовенством, налаживать с ними дружеские связи и укреплять контакты.

Это не простая задача. Нужно сломить сопротивление инквизиторского духовенства, клеветнического и репрессивного аппарата господствующих классов, которые любой ценой пытаются не допустить сближения масс католиков и духовенства с коммунистами. Необходимо также преодолеть сектантство, еще проявляющееся в некоторых слоях рабочего и народного движения (даже среди части коммунистов), которые еще не избавились от буржуазного и мелкобуржуазного антиклерикализма.

Самым страшным для клерикальной верхушки является, как она сама об этом заявляет, «заражение марксизмом» духовенства и мирян. Священников из Голконды наказывают, по словам монсеньера Муньоса Дуке, за то, что «они не чувствуют границы между

христианским сознанием и сознанием марксистским»; представителей бразильского духовенства пытаются, по выражению главарей политической полиции Бразилии, за то, что церковь превращается якобы «в рынок коррупции на службе международного коммунизма».

Несмотря на то что в некоторых католических кругах, считающих себя прогрессивными, порой проявляются сектантские, оппортунистические и антикоммунистические тенденции, тревога представителей правого духовенства не уменьшается. Они понимают, что и при наличии ошибочных взглядов движение этих оппозиционных кругов отражает глубокие и далеко идущие стремления католических масс, вытекающие из практики их социальной и политической борьбы. В результате такой борьбы широкие массы католиков порывают с ограничениями, накладываемыми церковью, и занимают последовательно передовые позиции.

Церковь вынуждена принимать во внимание стремление католических масс выйти за рамки обычной консервативной ориентации или социал-христианского реформизма. Однако, используя религиозное давление и узость взглядов, обусловленных различными предрассудками, она пытается посеять иллюзию о новых «христианских путях», чтобы увести католическое движение от единства с народными массами, превратить его в раскольническую силу.

Поиск христианских «моделей», отвечающих современности, является ныне основной задачей многочисленных теологов и социологов латиноамериканской церкви. Например, монсеньер Саспе, архиепископ из Санта-Фе, подчеркивал, что, учитывая угрозу, таящуюся в марксистской идеологии, которая стала для католиков «опасной и притягательной силой», необходимо безотлагательно «разработать революционную модель... для христиан». Пытаясь свести на нет бесспорное влияние достижений мировой социалистической системы на католические массы населения капиталистических стран, клерикализм развязал шумную кампанию с целью оклеветать коммунизм, дискредитировать пролетарский гуманизм, грубо извратить действительное отношение социалистического государства к религии.

Ссылаясь на то, что Латинская Америка является преимущественно «христианским» континентом, клерикализм отрицает как общие законы революции, так и то, что ленинизм может дать что-либо положительное верующим латиноамериканских стран.

Правые представители духовенства стараются усугубить основную слабость прогрессивного католического движения: отсутствие научного подхода в анализе классового общества и недостаточную связь с коммунистами и народным движением в области социальной борьбы. Неоклерикализм не только прибегает к инквизиторским репрессиям против представителей новых христианских течений, но также стремится использовать их отрицательные черты, которые с большей силой проявляются в тот момент, когда католицизм переживает глубокий идеологический кризис и выискивает пути автономного приобщения к грандиозным историческим преобразованиям нашей эпохи.

В прогрессивном христианском движении мелкобуржуазные иллюзии выражаются своеобразно и сложно. Причина этого — идеалистическое отношение к действительности, отсутствие классового подхода к явлениям, непонимание роли рабочего класса и законов исторического развития. Вместе с тем многие сторонники оппозиционного христианского движения благодаря участию в борьбе масс продвинулись к позициям, которые занимают коммунисты, вплоть до признания их программы и выдающейся роли марксистско-ленинского учения (не отказываясь при этом, однако, от своих философских разногласий с этим учением и даже от попыток «окрестить марксизм»). В то же время значительная часть участников передового христианского движения, следуя традиции соперничества с коммунистами и оспаривая их ведущую роль в массах, не отошла от клерикального утопизма, от пустых мечтаний о «других путях», стоящих в стороне от классовой борьбы, единства действий масс и основывающихся либо на «благотворительности» буржуазных лидеров, либо на анархистских действиях мелкобуржуазных групп. Некоторые сторонники этих утопических взглядов полагают, что, достигнув христианской «сознательности» и спонтанного взрыва любви — пусть даже жестокого, — можно будет «переделать» всех людей и, как в новую «Землю обетованную»,

войти в общество «подлинного социализма». Под ним понимаются скорее новые моральные устои, чем власть нового типа. Такой «социализм» основывается на «справедливом распределении», уничтожении «излишнего», на всеобщем аскетизме, черты которого можно проследить в примитивных общинах, упоминаемых в евангелии, в средневековых монастырях и даже в домарксовом социализме Вейтлинга или Кабе.

Хаотическое развитие и разнородность прогрессивных течений в рамках католицизма объясняются теоретической незрелостью их участников и отсутствием конкретной программы действий. Это приводит иногда такие течения к смыканию с буржуазным национализмом либо к ультралевой деятельности, к отходу некоторых групп католиков от борьбы народных масс, руководимой рабочим классом — единственной силой, способной обеспечить социальное обновление общества.

В то же время факты показывают, что политика, рассчитанная на теоретическую незрелость и предрассудки, которые еще господствуют среди верующих, систематически терпит поражение в обстановке острой идеологической и политической борьбы, сотрясающей Латинскую Америку. Конечно, католические движения за преобразование общества не являются полностью революционными. Но за религиозной ограниченностью и утопическими мечтаниями проглядывают черты нового. Они будут проявляться все отчетливее по мере развития политического протеста со стороны тех слоев католиков, с которыми пролетариат должен идти вместе в борьбе против империалистов и крупных землевладельцев, за лучшее будущее, за социализм.

Печатается по журналу «Проблемы мира и социализма», 1971, № 2, стр. 82—87.

АЛЬВАРО ДЕЛЬГАДО

МЯТЕЖНЫЕ ПАДРЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

При решении проблем единства демократических сил в борьбе против империализма и реакции, за демократию и социализм немалое значение имеет опре-

деление позиции компартий по отношению к церкви и массам верующих. Особенно важно это для стран Латинской Америки, где 90 проц. населения — католики. В предлагаемой статье я попытаюсь рассказать о некоторых положительных сдвигах в позиции латиноамериканского духовенства, о возможностях вовлечения его передовой части в революционную борьбу.

ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН

Четыре с лишним года назад в колумбийском городе Медельин состоялась 2-я конференция латиноамериканских епископов (СЕЛАМ II). Принятые на этой встрече документы были основаны на обновленческих тезисах II Ватиканского собора¹ и энциклике Павла VI «Прогресс народов»². С тех пор процесс перемен в лоне католической церкви Латинской Америки развивается в основном по двум направлениям: во-первых, предпринимаются попытки приспособить церковную идеологию к требованиям социальной действительности и, во-вторых, усиливаются выступления за претворение в жизнь концепций Ватиканского собора и папской энциклики.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что некоторая часть церковников не только активно включается в освободительную борьбу, но и становится в ряды тех, кто выступает за построение социализма. Что же произошло? Почему церковь, которая, казалось бы, совсем недавно была надежным оплотом реакции, начинает поднимать голос против власть имущих, выступать с требованиями перемен в положении народа?

Изменения в позиции латиноамериканской церкви связаны со многими сложными обстоятельствами, и в первую очередь с сохранением вопиющего социального неравенства в наших странах, с кризисом буржуазных институтов, ростом выступлений народа, борьбой пролетариата.

II Ватиканский собор (1962—1965 гг.) был созван для приспособления католической церкви к изменившимся в мире условиям. Наряду с проповедью буржуазного реформизма в документах собора содержится признание необходимости диалога с марксистами, осуждение войны и гонки вооружений.

² В этой папской энциклике (1967 г.) критиковались отдельные стороны современного капитализма.

Так называемый «кризис доверия», переживаемый церковью во всем мире, обладает на нашем континенте важной особенностью: простые люди — паства католицизма, извечный источник его силы — все больше убеждаются, что «десница божья» не протянется в ответ на их зов, не поможет решить их нужды. Среди задавленных нищетой народных масс не только рождаются сомнения в истинности христианской доктрины, но и усиливаются тревога, отчаяние, ненависть к угнетателям. Все это не может не учитывать церковь.

Большое влияние на духовенство оказывает своими успехами мир социализма. Несмотря на агрессию и блокаду со стороны империалистов, Куба совершила то, чего не смогла достичь еще ни одна страна континента: уничтожила эксплуатацию, завоевала полный суверенитет, передала землю тем, кто ее обрабатывает, ликвидировала неграмотность. Широкое одобрение вызывают достижения Советского Союза и других социалистических стран во всех отраслях человеческой деятельности. Служители церкви с интересом всматриваются в новый мир, где уничтожена эксплуатация, исчезла классовая ненависть и установлено всеобщее равенство. А ведь они сами вещают о справедливости с амвонов, но ее так и нет во многих странах.

С благословения папы Пия XII¹ коммунизм долгое время ассоциировался у латиноамериканских священников с «разрушительной ордой». Но враждебный, антикоммунистический пыл воителей Христа иссяк. Пий XII забыт всеми, а его преемник Иоанн XXIII² живет в сердцах католиков, ибо он отказался крепить союз церкви с милитаристской политикой империализма. Пойдя по пути защиты мира, самого благородного дела нашего времени, священники невольно обратили свои взоры к социализму, стали все чаще говорить о

¹ Пий XII — папа римский с 1939 по 1958 г., стоявший на позициях воинствующего антикоммунизма и призывавший к крестовому походу против СССР. Попустительствовал преступлениям фашизма. После войны приветствовал создание агрессивного блока НАТО, содействовал «холодной войне» против стран социализма.

² Иоанн XXIII занимал папский престол с 1958 по 1963 г. Начал пересмотр политики Ватикана с позиций клерикального пацифизма, более реалистического подхода к социалистическим странам. Эволюция доктрины католической церкви нашла отражение в ряде его энциклик.

необходимости диалога с коммунистами. Родилось движение за обновление церкви.

Сегодня мы с полным правом можем отнести к Латинской Америке вывод участников международного Совещания коммунистических и рабочих партий, что «в некоторых странах развиваются сотрудничество и совместные действия коммунистов с широкими демократическими массами католиков... приобрел большую актуальность диалог между ними по таким проблемам, как война и мир, капитализм и социализм, неоколониализм и развивающиеся страны; совместные действия против империализма, за демократию и социализм являются весьма актуальными»¹.

КТО ТАКИЕ ОБНОВИТЕЛИ?

Так называют у нас представителей «молодой церкви», выступающих за обновление католицизма. Это главным образом приходские священники, преподаватели католических учебных заведений — наиболее демократический слой духовенства. Многообразна их деятельность. Они основывают в своих приходах общества взаимопомощи, проводят санитарно-гигиенические мероприятия, создают школы, защищают бездомных, организуют массовые выступления трудящихся. Велико влияние обновителей в кварталах, где живет беднота, в школах, семинариях и университетах. Народ поддерживает их, протестует, когда за свою деятельность они лишаются прихода или изгоняются из страны.

Обновители часто становятся на сторону пролетариата, его борьбы за экономические и политические требования. К поддержке священников одобрительно относятся в рабочих организациях. В особенности если она помогает их сплоченности.

Весьма поучителен опыт католической группы «Голконда» (Колумбия). В 1968 г. она выступила с заявлением о поддержке народной борьбы за национальное освобождение и социализм. Но при этом руководители группы придерживались антикоммунистических взглядов. Они недооценивали роль рабочего клас-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва. 1969». Прага, 1969, стр. 27—28.

са и его политического авангарда и в результате утратили связь с массами.

Необходимо подчеркнуть, что обновители сплошь и рядом не понимают (и в этом их серьезная ошибка) опасности, которую представляют собой раскольники: маоисты, левацкие экстремисты и неотроцкисты. Играя на антикоммунистических предрассудках, эти элементы, нередко связанные с реакцией, вовлекают мятежных падре в разного рода авантюры, изолируют их от рабочего класса. Отсюда важность диалога коммунистов с католиками, борьбы с антикоммунизмом, разоблачения псевдореволюционной идеологии.

Движение за обновление церкви в Латинской Америке крайне неоднородно с идеологической точки зрения и находится в состоянии непрерывного развития. В нем все меньше группировок, откликающихся на примитивный зов откровенных антикоммунистов. Происходят положительные сдвиги в сознании сторонников так называемого «третьего пути», выступающих и против капитализма, и против коммунизма. Все отчетливее выкристаллизовываются течения, требующие «поворота к марксизму».

Политическая деятельность обновителей включает и неподчинение скомпрометировавшей себя церковной верхушке, и открытые выступления против деспотических режимов, и совместные действия с революционными силами, и прямое участие вместе с ними в борьбе за социализм.

Не выиграв еще ни одного сражения, «молодая церковь» уже принесла в жертву самое ценное — жизни. Примером последовательности в политической борьбе стал колумбийский священник Камило Торрес. Он показал, что убежденные католики могут сражаться на стороне революционных рабочих и крестьян. Ни один латиноамериканский священник не высказывался до него с такой определенностью, что революция не является чьей-либо привилегией и что католические падре могут и должны стать союзниками коммунистов.

«ТЕОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ»

Сегодня драма зависимости и отсталости Латинской Америки стала предметом жарких споров среди церковников. Многие из них уже не вещают об «опас-

ности» коммунизма, а сходятся в утверждении, что наиболее серьезной проблемой для Латинской Америки является вопиющее социальное неравенство и отсталость. Об этом говорят даже представители церковной иерархии.

Широкую известность в католическом мире завоевал епископ Мануэль Ларраин¹. Предвосхищая идеи энциклики «Прогресс народов», он сказал: «Ежегодно в результате слаборазвитости наших стран погибает столько же людей, сколько унесли с собой пять лет мировой войны. Трудно представить себе более страшное смертоубийство».

Основной документ, принятый СЕЛАМ II, с упоминания о которой начинается эта статья, дает довольно яркую картину положения в наших странах, пребывающих «в зависимости от центра экономической власти»². Зачастую они «не вправе распоряжаться своими богатствами и принимать решения в сфере экономики». В сочетании с такими факторами, как гонка вооружений и ярый национализм, эта зависимость превращается в «отрицание мира, которого не может быть там, где существует несправедливое неравенство людей и наций». Подавление народа группами, стоящими у власти, является «источником постоянных и неизбежных восстаний и войн». Нельзя «злоупотреблять терпением народа, который долгие годы живет в условиях, неприемлемых для людей, хорошо сознающих свои права».

Идеи Ватиканского собора, папской энциклики и СЕЛАМ II легли в основу «теологии освобождения», появление которой в Латинской Америке свидетельствует о кризисе социальной доктрины церкви и поисках новой ориентации. Обновители стремятся избежать противоречия между принципами христианства и интересами народа, перспективами исторического развития наших стран. Верующие Латинской Америки, говорят они, нуждаются в учении, которое преломлялось бы в социальной сфере и было связано с борьбой

¹ Основатель СЕЛАМ. Сначала был ее вице-председателем, а с 1964 г. — председателем. Умер в 1966 г.

² Документы СЕЛАМ II явились ответом церковной иерархии на требования обновителей выработать новую линию церкви. По своей сути они являются буржуазно-реформистскими.

народа за освобождение, понимаемой как борьба за освобождение человека и церкви.

Вопреки традиционному мнению, что удел церкви — это пророчество, созерцание и «духовное освобождение», обновители считают религию одной из разновидностей социальной деятельности с определенной политической перспективой. «Новая церковь» утверждает, что вечное блаженство достижимо не только на «том», но и «на этом свете». И не завтра, а сегодня же, сейчас. Все, что раньше религия обещала людям в потустороннем мире, должно быть осуществлено в обычной жизни, которая сама по себе является чудом. Люди равны не только после смерти, говорят обновители. Равенство требуется при жизни, ибо мертвых уже ничто не интересует. Труд священника — это служение обществу. Проповедь слова божьего равнозначна утверждению человеческого достоинства. Богатства ничто по сравнению с опасностью отречения масс от веры. Необходимо, подчеркивают они, объединиться с обездоленными против кучки тех, кто владеет всем. Обновители не стремятся к выгодам. Они хотят прийти к счастью вместе с победоносной армией народа.

Обновителям нельзя отказать в широте мышления. Они думают о будущем, модернизируют методы своей деятельности, привлекают специалистов и прогнозистов, используют последние достижения науки и техники в целях лучшего понимания мира и укрепления позиций церкви в обществе.

Столкновение обновителей с передовой социальной наукой ведет к пониманию того, что знание истины отнюдь не монополия церкви, что прислушиваться надо и к другим голосам. Накануне своего изгнания из Колумбии падре Доминго Лайн заявил, что «марксизм дает нам методологию и делает более эффективной христианскую любовь. Мои убеждения отличаются от взглядов тех людей, которые считают, что бедняки должны вечно нести бремя эксплуатации и несправедливости».

Разумеется, было бы крайним преувеличением считать, что обновители «прониклись» идеями марксизма. Речь идет не об усвоении ими передовой общественной науки, а об их стремлении приспособить ее к нуждам церкви с целью завоевать симпатии эксплуатируемых.

И хотя латиноамериканские обновители не являются марксистами, коммунистами, это не избавляет их от нападков реакционеров, которые называют «марксизмом» даже новую технику и методологию преподавания в католических учебных центрах.

Во время одной из разнузданных кампаний против «молодой церкви» в Колумбии преподавательницы католического колледжа Маримоунт (Богота) были обвинены в «насаждении марксизма» среди отпрысков состоятельных семей, обучавшихся в этом учебном заведении. Отвечая представителям печати, монахини иронически заметили, что «если марксизм — суть доктрины современной церкви, изложенной в заявлениях Иоанна XXIII, II Ватиканского собора и энциклике «Прогресс народов» его святейшества Павла VI, то мы смиренно принимаем эту ношу».

Социальная область — основное поле деятельности «молодой церкви» в Латинской Америке. Критика обновителями пороков буржуазного общества, антинародной политики правящих классов приобретает большое общественно-политическое значение, объективно содействует радикализации масс верующих. Поэтому конфликт между консерваторами и обновителями выходит за рамки чисто церковных дел.

КРАХ ВЕКОВОГО СОЮЗА

Вскоре после окончания СЕЛАМ II континентальная реакция предприняла наступление против новых веяний в церковной среде.

Институционный акт № 5, принятый бразильской диктатурой в декабре 1968 г., ликвидировал в стране остатки буржуазно-демократических свобод. Поднялась волна репрессий, захлестнувшая и прогрессивно настроенное духовенство.

В Колумбии репрессии со стороны светских и церковных властей привели к временному прекращению деятельности обновителей, в частности из группы «Голконда». Мятежных священников лишили приходов и католического сана. Жестокие репрессии обрушились на церковников Мексики, где различные клерикальные группы, возникшие после Ватиканского собора, ведут ожесточенную полемику с замкнутой церковной верхушкой.

Террор со стороны реакционных режимов, поддерживаемых ультраправыми элементами церкви, вызывает глубокое возмущение среди священнослужителей и верующих масс.

В августе 1968 г. боливийский епископат опубликовал пастырское послание, выдержанное в духе энциклики «Прогресс народов». В Бразилии после принятия институционального акта № 5 конференция епископов, собравшихся в Сан-Паулу, высказалась за демократизацию и проведение структурных реформ в стране. В прошлом году чрезвычайная ассамблея епископата Парагвая выступила в защиту прав человека.

Конференция перуанского епископата в начале 1969 г. потребовала осудить преобладающий в Латинской Америке социально-экономический строй, выступила за демократизацию образования и за солидарность с борьбой рабочих организаций.

Вековой союз церкви и олигархии в Латинской Америке рушится. Все более широкие круги духовенства вовлекаются в революционный процесс.

КОММУНИСТЫ И ДУХОВЕНСТВО

Рассмотренные нами примеры говорят о глубоком кризисе церкви, одного из институтов архаичной структуры латиноамериканского общества. Разумеется, трудно согласиться с теми, кто считает, что церковь исчезнет в результате этого кризиса. С другой стороны, было бы ошибочным утверждать, как это делают некоторые, что наблюдающиеся в лоне церкви изменения не несут в себе возможности союза ее прогрессивных слоев с демократическими силами для участия в освободительной борьбе.

Оценивая новые явления в латиноамериканской церкви с точки зрения возможности совместных выступлений против империализма, за мир, демократию и социализм, коммунисты не должны забывать, что изменения в позиции духовенства — это прежде всего попытка приспособиться к новым условиям политической борьбы и что наряду с прогрессивно настроенными элементами в католической церкви существуют весьма влиятельные реакционные круги, выступающие в поддержку правящей олигархии и ее покровителей — североамериканских монополий. Однако рас-

пространение среди духовенства демократических настроений ведет к тому, что пролетариат находит и в этой среде своих классовых союзников. А ведь за ними (что особенно важно для нас) стоят массы трудящихся-католиков.

В своей работе среди непролетарских слоев населения, к которым относится и духовенство, мы, колумбийские коммунисты, руководствуемся марксистско-ленинской теорией классовых союзов. Оценивая сдвиги, происходящие в латиноамериканской церкви, XI съезд нашей партии подчеркивал, что близкие к народу круги духовенства выступают за новую церковь, которая учитывала бы чаяния масс, против высшей иерархии, служащей интересам эксплуататоров, и начинают включаться в революционную борьбу. Таким образом, открывается перспектива единства католиков и марксистов в борьбе за национальную независимость и социализм.

*Печатается по журналу «Проблемы
мира и социализма», 1973, № 3,
стр. 52—56.*

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ

«ЗАКАТ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА»

УПАДОК РЕЛИГИИ

Одним из глубоких процессов, совершающихся на протяжении последних десятилетий, является быстрый упадок религии. Это тесно связано с прогрессирующим загниванием мировой капиталистической системы. Для первобытного человека источником религии были еще незрелые попытки понять мир, найти объяснение собственному существованию и выработать для самого себя кодекс нравственности. На эти важные вопросы религия отвечала ему вымышленными метафизическими объяснениями. Однако с расширением знаний человека, постепенно переросших в науку, его потребность в религии с ее «чудесами» и «откровениями» последовательно уменьшалась. Поэтому боги и дьяволы, рай и ад постепенно отступали в психологическую даль, хотя и не без сильнейшего сопротивления. Эти религиозные представления все быстрее и быстрее стали тонуть в море туманного, абстрактного и отдаленного. Развитие религии прошло несколько основных этапов: сначала этап суеверий, когда при глубоком невежестве человека религия была существенным элементом его повседневной жизни; затем этап мифологии, когда перед лицом расширяющихся знаний человека боги стали спасаться на горные вершины (или же их туда загоняли); и теперь, в наш век науки, когда человек пролагает себе путь освобождения от христианства, его божества выглядят еще неопределеннее, чем раньше, и непрерывно становятся все более туманными и неосязаемыми. Со временем в своем интеллектуальном развитии человек вступит в мир социализма, полностью опирающийся на науку; в этом мире человек будет обладать широкими, практически полезными знаниями о вселенной и о самом себе, и тогда он окончательно разделается со своими богами и их воображаемыми вечными наградами и наказаниями.

Это историческое отступление мистики и суеверия перед наступающей наукой, охарактеризованное Дрэй-

пером ¹ как конфликт между наукой и религией, происходило особенно быстро в течение последних 400 лет. Этот период ознаменовался промышленной революцией, а с ней — возрождением науки, ростом капиталистического государства и развитием марксистского диалектического материализма. Все эти взаимно связанные явления нанесли тяжелый удар в самое сердце религии. Они привели к постепенному раскрытию многих великих тайн природы и человека, дав им материалистическое толкование. Соответственно сузилась сфера религии, которая раньше давала человеку собственные метафизические ответы на все непонятные для него вопросы, причем эти ответы не подлежали сомнению. Таким образом, наука, наряду с развитием промышленности и государства, рационально объясняла человеку окружающий мир и его собственную природу. Наука дала человеку возможность понимать то, что было для него раньше глубокой тайной: строение звездного неба, положение Земли во вселенной, грозные землетрясения, затмения Солнца и Луны, сильные бури, опустошительные эпидемии, капризы погоды, «чудеса» воспроизводства и роста растений и животных, строение и функции человеческого тела и бесчисленное множество других явлений, которые на протяжении несчетных столетий беспокоили ум человека и по поводу которых религия, начиная с первобытных суеверий и до наших дней, всегда догматически давала собственные фантастические, а зачастую и ужасные теории и решения. В результате непрерывно усиливающегося вторжения науки в области, в которых когда-то безраздельно господствовала религия, боги и дьяволы, рай и ад в значительной мере превратились в представления человека из грубых реальностей, какими они когда-то были, в чисто моральные категории, далекие и лишенные всякой реальной физической субстанции.

Жизнь в современном промышленном обществе, в том числе и капиталистическом, действует на религию разрушительно. Сравните, например, жизнь при современном строе с жизнью при феодализме тысячу лет назад. В то время народные массы, занимавшиеся пре-

¹ *Дрэйпер Джон Уильям* (1811—1882) — американский буржуазный естествоиспытатель и историк культуры. В книге «История конфликта между религией и наукой» (1875 г.) он резко выступил против реакционной политики Ватикана.

имущественно земледелием, жили в мире, полном непонятных чудес и ужасов, где за каждым углом их поджидали бог или дьявол. Люди были почти неграмотны и добывали средства к жизни благодаря действию сил природы — земли, воздуха, дождя, солнца и т. д., причем силы эти казались им в высшей степени таинственными и объяснить их можно было, очевидно, только с помощью религии, как дело рук божьих. Далее, эти земледельцы, якобы по воле неба, подвергались двойному жестокому угнетению — политическому и религиозному. Ими правили короли, заявлявшие, что властвуют по воле бога, и папы, говорившие, что они — прямые представители бога на земле. Неудивительно поэтому, что в те давние времена средневековья, справедливо названные мрачными, массы населения были глубоко религиозны. Религия почти полностью властвовала над мышлением человека, а голос науки раздавался слабо и невнятно.

Насколько изменилось положение в наш век, век индустриализации! Тайны природы, которые тысячу лет тому назад ставили невежественных людей в тупик и будили в них естественное стремление к религии, теперь в значительной мере раскрыты, или частично раскрыты, наукой. Кроме того, в настоящее время огромные массы людей живут в обществе, постоянно испытывая на себе вездесущее влияние развития промышленности, которое научило их понимать, хотя бы в общих чертах, различные силы природы, влияющие на их жизнь и на производство средств к существованию. Это относится прежде всего к советскому народу. Помимо этого, теперь люди в значительной мере сами, пользуясь средствами техники, контролируют и приводят в действие эти мощные силы, вместо того чтобы молиться о благосклонном вмешательстве определенных богов или демонов с целью добиться желательного результата. В индустриальных странах люди в общем достигли такого уровня, что способны дать научное, нерелигиозное объяснение такому явлению, как, например, вспышка эпидемии, землетрясение, солнечное затмение. Люди, естественно, ищут ответов на свои вопросы с помощью науки, а не религии. Кроме того, что бы они ни думали о своих политических и религиозных руководителях, очень немногие верят в их божественные полномочия: с претензиями королей и пап соглашаются теперь не

так легко, как раньше. Вместе с тем национальное государство дает людям образование и кодексы нравственности, которые прежде им давала церковь. Некоторое исключение представляют люди, живущие в изолированных земледельческих районах, куда наука и промышленность проникли еще недостаточно. Такие отдаленные местности, где образование находится на самом низком уровне, являются естественным оплотом религии.

В результате всех этих процессов народы индустриальных стран, в отличие от крестьян прежних веков, мало нуждаются в религии или вовсе не нуждаются в ней для объяснения важнейших фактов повседневной жизни. Что касается перспектив загробной жизни, то, хотя большинство людей еще предается этой иллюзии, с течением времени вера масс заметно слабеет. Поэтому, как бы религия ни старалась приспособиться к достижениям науки и индустриализации, против которых она ожесточенно, но безуспешно боролась в течение веков, в индустриальных странах она постепенно разлагается в корне. Это разложение религии происходит во всех капиталистических странах, даже в тех, где правящий капиталистический класс в эксплуататорских целях настойчиво использует все возможные средства культивирования и сохранения религиозности трудящихся масс. Особенно же быстро оно происходит при социализме.

За сравнительно короткий период — в течение моей жизни — этот исторический процесс разрушения основ религии заметно продолжался, и притом все более быстрыми темпами. Упадок религии проявляется, между прочим, и в падении веры народа в религиозные догматы. Я беру на себя смелость утверждать, что в настоящее время средний житель Соединенных Штатов, особенно горожанин, не верит в бога, в дьявола, в рай и в ад так буквально, как верили хотя бы тогда, когда я родился. Вопросы вероучения, к которым простые люди когда-то проявляли острый интерес, теперь мало трогают их, за исключением, может быть, самых отсталых земледельческих районов. Еще семьдесят лет назад в церквях произносились проповеди, в которых живописно изображались рай и ад и делался особенный упор на вопросы вероучения. Но нынешняя паства, со своими туманными представлениями о религии вообще, не по-

терпела бы таких проповедей. Она отчаянно скучала бы, слушая эти сухие, узкие и неинтересные рассуждения, оскорбляющие их чувство реального. В настоящее время городских прихожан, как правило, приходится развлекать проповедями на политические темы и всяческими интересными мероприятиями общественного характера, иначе они перестают ходить в церковь. Проявлявшийся различными протестантскими сектами еще 50—60 лет тому назад фанатический дух религиозного возрождения и евангелизма теперь явно и значительно ослабел. Несмотря на более жестокую дисциплину и более сильное влияние на своих приверженцев, католическая церковь также страдает от этого общего падения религиозного рвения масс. Правда, теперь многие проповедники и священники выступают по радио и в последнее время завербовали немало последователей, но их пропаганда носит большей частью политический и моральный характер, а не старомодный характер изложения принципов вероучения.

Более или менее быстрый упадок религии происходит не только в США, но и в других капиталистических странах. Например, в фашистской Германии Гитлер никак не мог бы так бесцеремонно расправляться с христианскими церквями, вплоть до создания полуофициальной языческой политической религии, если бы религиозные убеждения масс не были уже ослаблены раньше вездесущим и тонким влиянием науки, индустриализации и государства. Еще несколько поколений назад такое наступление на церковь вызвало бы мощное сопротивление и фанатики ожесточенно защищали бы свою религию. Еще всего лишь 70 лет назад «железный канцлер» Бисмарк потерпел в Германии полное политическое поражение из-за того, что напал на религию, хотя он делал это в гораздо более мягкой форме, чем Гитлер.

Такие великие движения протеста, как протестантская реформация и революции в Англии, Америке, Франции, Латинской Америке и России, различными путями и различным образом ускорили упадок религии. Эти широчайшие движения породили глубокие идеологические течения, непосредственно угрожавшие религиозным догмам.

Возникновение классовой борьбы и развитие революционного движения рабочих, руководимого диалек-

тическим материализмом Маркса, ослабили власть религии над умами людей.

Всеобщее скептическое отношение к религии зашло так далеко, что образованные люди в промышленных странах уже не находят возможным принимать многочисленные религиозные догмы, в которые люди фанатически верили на протяжении многих столетий. В наше время люди не удовлетворяются, как прежде, заявлениями духовных пастырей, что та или иная религиозная концепция недоступна для человеческого разума, а поэтому ее следует принимать на веру и не подвергать испытанию разумом. В числе религиозных догм, которые совершенно чужды современному разуму, можно упомянуть историю сотворения мира в книге Бытия; библейский образ мстительного бога; представление о блаженстве рая и об ужасных вечных мучениях в аду; учение о первородном грехе и вечном проклятии; тезис о непогрешимости папы; многочисленные чудеса, о которых говорится как в протестантском, так и в католическом вероучении; представление, будто одна какая-нибудь секта или одна религия из множества существующих обладает монополией на истину, а все прочие люди в мире, не по своей вине, обречены на вечное проклятие, и еще бесчисленное множество подобных древних и невероятных фантазий.

Эти устарелые религиозные концепции когда-то охотно принимались всеми, стихийно порожденные человечеством и ожесточенно защищавшиеся им; в современных промышленных странах они теперь совершенно чужды человеческому разуму. В них уже не верят так глубоко, искренне и слепо, как верили когда-то. На практике эти концепции чаще всего игнорируют, истолковывают так, как находят наиболее удобным, и отодвигают в сознании на задний план; так поступают даже люди, которые еще придерживаются религиозных представлений более общего характера.

Руководители церкви понимают все значение этого ослабления веры. Вот почему в последнее время они не настаивают на устарелых догмах, избегают сектантских дискуссий и выдвигают на первый план те области религии, и особенно морали и политики, которые доступны разуму современного человека. Конечно, существует много исключений из этого правила. Во многих странах религия еще владеет умами народных

масс. Еще сильны, например, настроения фундаментализма¹, но хотя это движение обладает заметной силой, оно терпит поражение во всех значительных христианских сектах. И это же можно сказать о религиозных настроениях вообще. Современное промышленное общество, в отличие от первобытного земледельческого, не порождает религии, а, наоборот, ослабляет и в конечном счете уничтожает ее.

Ослабление основ христианства под воздействием науки, индустриализации и светского государства находит отчетливое выражение в отмирании догматических споров между многочисленными сектами. Еще несколько десятков лет тому назад в США достаточно было незначительного расхождения во мнениях, чтобы разные секты вцеплялись друг другу в горло в ожесточенных спорах. Но теперь такие догматические споры происходят сравнительно редко и в мягкой форме. Вместо ожесточенной борьбы друг с другом многие из 256 американских протестантских сект постепенно приближаются к созданию общего церковного союза, и в их среде наблюдается явная тенденция к объединению. Замечается даже рост веротерпимости и сотрудничества между протестантской, католической и иудейской церквями.

Хотя это сильное и непреодолимое воздействие науки, индустриализации и национального государства, несомненно, существует и направлено на подрыв самих основ религиозных верований, существуют и противодействующие, более слабые силы, способствующие укреплению религии. Так, например, известно, что капиталисты, которым религия очень нужна для подрыва классовой сознательности и решительного боевого духа рабочих, систематически культивируют религию, оказывая ей сильную финансовую и иную поддержку.

Дело не всегда обстояло так. В начальный период существования капитализма, когда эта система вела революционную борьбу против феодализма, она считала нужным нападать на католическую церковь, которая, как крупный землевладелец, была тесно связана с феодальными помещиками. В борьбе против католи-

¹ *Фундаментализм* — консервативное, ортодоксальное течение в современном американском протестантизме. Приверженцы фундаментализма требуют беспрекословно принимать в качестве основы, фундамента веры все «священное писание», отвергают возможность критического отношения к любой его части.

ческой церкви первые идеологи капитализма заходили слишком далеко и часто резко нападали на саму религию. Этим объясняется широкое распространение агностицизма и атеизма в среде ученых, писателей и политических деятелей в период молодости капитализма. Эти течения проявлялись особенно наглядно во время английской (1642 г.), американской (1776 г.) и французской (1789 г.) революций. Вот почему отцы американской революции совершенно не упомянули о боге в нашей конституции и выступали за правительственный, а не церковный контроль над образованием. Великий американский патриот Том Пейн в своей знаменитой книге «Век разума» очень ярко выразил антирелигиозные настроения той эпохи.

Однако капитализм скоро отделался от этого раннего «левачества» некоторых из его пылких поборников. Капиталисты быстро поняли, что им, как и феодалам, тоже необходима религия, но только собственного образца, чтобы по возможности умиротворять своих постоянно восстающих рабочих. Поэтому они ввели железный закон, по которому все их идеологи и политические лидеры обязаны принимать религию, — иначе они подвергаются остракизму и превращаются в изговы. С течением времени эта тенденция усиливалась, и теперь в капиталистической среде вряд ли найдется такой смелый писатель или политический деятель, который рискнет произнести хоть слово против религии или даже подойти к ней рационалистически. Теперь у нас нет буржуазных пейнов и ингерсоллов¹.

Один из самых грозных примеров этого удушения всякой разумной дискуссии по вопросам религии мы видим в научном мире. Приученные требованиями своей профессии к весьма тщательной проверке и перепроверке всех фактов и теорий, относящихся к науке, ученые тем не менее спокойно, не моргнув глазом, принимают по указанию капиталистов все невероятные

¹ *Пейн Томас* (1737—1809) — американский просветитель-демократ; активный участник буржуазной революции XVIII века в Северной Америке и Франции. Он был деистом, то есть признавал бога как первопричину мира. Клерикалы запрещали верующим читать его произведения.

Ингерсолл Роберт Грин (1833—1899) — американский буржуазный атеист, критиковал религию с позиции естественнонаучного материализма. В невежестве видел главный источник религии. В то же время оценивал религию как орудие эксплуататоров.

мифы и легенды христианства без всякого научного исследования и без единого слова протеста. Нарушая элементарные требования научного подхода, они принимают без размышления все рассказы о «чудесах», не требуя ни тени доказательств и не делая ни малейших попыток научного исследования. При господстве капитализма задачей ученых является доказывать «гармонию между наукой и религией». Таким образом, они пытаются подчинить науку религии. Такое путаное мышление и моральная трусость современных ученых в капиталистических странах могут заставить Галилея, Коперника, Бруно, Дарвина и других смелых пионеров науки перевернуться в гробу. Ведь все эти ученые были, по существу, материалистами и осмеливались ставить под сомнение многие религиозные догмы. Попытки осуществить неосуществимое единство между материалистической наукой и метафизической религией являются самым разительным и вредным примером из множества примеров унификации и упадка мысли при капиталистической системе.

Но как бы капитализм ни старался, он не может оживить и омолодить религию своими нынешними попытками подчинить ей науку, возобновлением религиозного обучения в школе, щедрым финансированием церкви, установлением такого порядка, когда формальное исповедание религии является необходимым условием почетного положения в обществе, успеха в деловой жизни, в политике и научной деятельности. Хотя такие приемы в некоторой степени укрепляют и поддерживают религию, они не могут вдохнуть новую жизнь в умирающие религиозные догмы, в устарелые концепции, совершенно чуждые нашей эпохе. Такими искусственными средствами нельзя преодолеть основные антирелигиозные силы науки, индустриализации и светского государства. Даже при капиталистическом строе эти силы продолжают действовать с невиданной до сих пор быстротой и неотразимостью. На протяжении всей истории капитализма религия постепенно приходила в упадок, и этот упадок ускоряется развалом самой капиталистической системы.

Некоторые церковные деятели, вопреки этому, верят и утверждают, что вследствие экономических и политических потрясений, связанных с развалом мировой капиталистической системы, происходит возрождение

религии. В этом есть зерно истины. Многие, особенно в среде буржуазии и мелкой буржуазии, несомненно, напуганы и дезориентированы массовыми убийствами, угнетением и обнищанием, экономическими кризисами, фашистской тиранией, войнами и революциями, сопутствующими закату мирового капитализма, и в отчаянии обращают взоры к религии. Такие люди, подобно своим духовным учителям, не сознают, что капитализм гибнет, и склонны обращаться к религии за утешением и помощью. Поэтому многие церковные деятели говорят о великом духовном возрождении масс.

Однако такие религиозные устремления носят лишь временный и ограниченный характер. Страх перед атомной войной и перед парализующими жизнь экономическими катастрофами не может оживить религию по существу. Развал капитализма, сопутствующая этому борьба масс и растущая перспектива социализма вселяют в огромное большинство людей не массовый страх и не религиозный мистицизм, а, наоборот, бодрость, надежду и новое, материалистическое отношение к жизни. Теперь, в период наступления социализма, все более широкие массы населения земного шара начинают наконец понимать, где выход из тех дебрей насилия, угнетения и голода, в которые их уже десятки лет загоняет разлагающаяся капиталистическая система. По мере укрепления мирового социалистического движения эта положительная тенденция в идеологии будет усиливаться. Таким образом, развал капиталистической системы не продлит существования религии, как надеются клерикалы, а лишь ускорит темп ее распада. Упадок религии идет рука об руку с упадком капитализма.

Упадку религии не может помешать и та активная и агрессивная роль, которую играет большинство христианских организаций в борьбе за спасение обреченной капиталистической системы...

Коммунисты не останавливаются перед активной борьбой против реакционной экономической и политической деятельности католической церковной иерархии, но в то же время они определенно считают вопрос о религиозных верованиях личным делом каждого. Мощь коммунистического движения во Франции, Италии, Польше, Чехословакии, Венгрии и других странах, где и католическая церковь пользуется большим влия-

нием на массы, доказывает правильность и успешность этой политики товарищеского сотрудничества всех групп рабочих и прочих трудящихся, независимо от пола, национальности или религиозных убеждений, в деле защиты их общих коренных интересов.

Одним из важнейших знамений нашей революционной эпохи является то, что все великие религии мира — включая даже буддизм, индуизм, магометанство и прочие религии Востока — в большей или меньшей степени переживают кризис, причем по одним и тем же основным причинам: распространение образования, индустриализация и рост влияния светского государства подрывают основу религиозных верований. Христианская религия, и прежде всего католическая церковь, ощущает этот углубляющийся кризис религии острее, чем все остальные, именно потому, что она непосредственно и сильнее испытывает давление тех сил, которые так неумолимо подрывают религию. Что касается самой католической церкви, то она переживает величайшие трудности во всей своей истории, не исключая даже критической эпохи протестантской реформации. Этот кризис католической церкви носит финансовый, политический, но главным образом религиозный характер...

Впрочем, общий кризис христианской религии развивается не по прямой нисходящей линии, а скорее по зигзагообразной. Церкви явно обладают еще большим влиянием. Об этом свидетельствует та важная роль, которую католическая церковь играет теперь в политике и религии как в Европе, так и в США. Немаловажным показателем силы религиозного влияния католической церкви является состояние американского профсоюзного движения... Кроме того, церковь, несомненно, способна еще переживать неоднократные периоды общего оживления и широкой деятельности в области своих общих задач. Тем не менее, по указанным выше причинам, основной и неумолимой тенденцией является упадок церквей, ослабление их основной базы в результате падения элементарного религиозного чувства народа. С углублением общего кризиса капитализма этот процесс будет неизбежно происходить ускоренными темпами.

Однако опыт последнего поколения показал, что религия не обязательно отомрет сразу же вместе с капи-

талистической системой. Большинство важнейших религий, если не все, включая различные христианские вероисповедания, весьма вероятно, перейдет и в социализм. Крушение капитализма значительно ослабит, но не уничтожит их сразу. Это уже показал опыт церкви в социалистическом Советском Союзе, а теперь вновь доказывает опыт стран новой демократии Центральной и Восточной Европы, идущих к социализму. При таких обстоятельствах церкви проявляют некоторую способность приспособливаться к социалистическим условиям. Православная церковь проявила такую способность в СССР, а некоторые церкви в странах новой демократии обнаруживают аналогичные тенденции к приспособлению. Наименьшую склонность приспособиться к новым социальным условиям пока проявляет католическая церковь, хотя в Венгрии и в других странах рядовое духовенство теперь открыто требует, чтобы эта церковь отказалась от своего непримиримого отношения к социализму... В течение многих столетий и в различных частях света христианская церковь существовала при рабовладельческом строе, феодализме и капитализме (включая фашизм) и приспособлялась к ним. Ясно, что она может существовать и при социализме, но для этого ей придется перестать поддерживать капитализм и примириться с реальным фактом существования новой, социалистической экономической и политической системы. При социализме религия должна перестать быть орудием политической реакции, иначе она испытает на себе гнев народа.

Хотя при социализме существует гораздо большая свобода совести, чем когда-либо существовала или может существовать при капитализме, все же общая социальная обстановка будет тогда для религии менее благоприятной, чем при капитализме (а ведь капитализм отнюдь не создавал блестящих условий для процветания религии). Причины этой менее благоприятной для религии обстановки при социализме заключаются в том, что при социалистическом строе наступает невиданный расцвет науки и развитие индустриализации, а государство строго отделяет себя от церкви. Особенно важно то, что при социализме нет господствующего класса, которому требовалась бы религия как орудие господства эксплуататоров над рабочими. Кроме того, при социализме люди, освободившись от эксплуатации

и пользуясь плодами своего труда, не будут нуждаться в мечтах о мифическом рае. С развитием и распространением марксистско-ленинского материалистического взгляда на жизнь и смерть массы при социализме получают такую этику и такой кодекс нравственности, которые вполне удовлетворяют их интеллектуальные и социальные потребности и полностью вытесняют устаревшие религиозные мифы, легенды, суеверия и рабские нравы. Все те силы, которые, как мы уже видели, в условиях капитализма подрывают основу религии, при социализме действуют с еще небывалой мощью и эффективностью, а к ним прибавляются еще и новые, созидательные идеологические силы. Хотя при социалистическом строе религии предоставляется полная свобода, тем не менее она неизбежно становится убывающей величиной.

Подобно капитализму религия была неизбежным этапом прогресса человечества. Хотя на протяжении веков эксплуататоры без зазрения совести использовали религию для ограбления и угнетения масс, использовали ее, по выражению Маркса, как «опиум для народа», все же в первобытные времена религия давала человеку какие-то — пусть фантастические — ответы на многие загадочные для него вопросы — ответы, единственно возможные в тогдашних условиях, когда наука еще не получила развития. Но эти времена незнания жизни и мира прошли навсегда. Много веков тому назад наука полностью отняла у религии те необходимые функции объяснения явлений природы, которые когда-то принадлежали последней в обществе первобытных людей, и с тех пор религия стала тормозом человеческого прогресса. Религиозной мистике и метафизике нет места в нынешнюю эпоху роста науки и индустриализации и развития марксистского диалектического материализма. Мы уже давно вступили в период реализма во всех областях жизни, когда религия потеряла свою жизненность. Пройдет еще немного времени, и человек, сознание которого полностью освободится от суеверия во всех его формах, будет дивиться тому, что человечество на протяжении стольких веков принимало и терпело неприемлемые для разума нелепости религии.

Печатается по книге Уильям З. Фостер. Закат мирового капитализма. М., 1959, стр. 108—123.

ЭНЦИКЛИКА «ПОПУЛОРУМ ПРОГРЕССИО»

Энциклика «Популорум прогрессиио» («Прогресс народов»), обнародованная папой Павлом VI 28 марта¹, несомненно, вносит не только уточнения, но и существенно новые положения в «социальную доктрину» католицизма.

Было бы нелишне предварительно вспомнить по этому поводу высказывания Грамши (в заметках о Макиавелли) о *необязательности* для католиков политической программы, которую можно логически вывести из «социальной мысли» церкви. Следует также добавить, что разработка подобных вопросов до сих пор играла второстепенную роль в деятельности римских пап, хотя при последних папах — особенно при Пие XII, Иоанне XXIII и Павле VI — «современная» и «светская» проблематика занимала в том или ином виде достаточно большое место. Но нужно подчеркнуть, что новый документ отражает глубокую озабоченность, которую переживает весь католический мир и которая нашла свое подчас драматическое выражение во время II Ватиканского Вселенского собора. С другой стороны, энциклика Павла VI является отражением нашей эпохи в целом. Несмотря на «типично посреднические» позиции нынешнего главы католической церкви, она по-новому и в плане, представляющем несомненный интерес, ставит, в частности, вопрос об отношениях между верующими и современным миром прежде всего в той его части, которая основана на капиталистических структурах.

Нынешней «социальной» энциклике предшествовали три другие. Опубликованные в разной обстановке на протяжении последних восьми десятилетий они создали основу для «социальной доктрины» католицизма. Это — «Рерум новарум» Льва XIII от 15 мая 1891 г., «Квадрагезимо анно» Пия XI от 15 мая 1931 г. и «Матер эт магистра» Иоанна XXIII от 14 июля 1961 г. (На протяжении многих лет предпринимались попытки превратить 15 мая в праздник трудящихся-католиков — в противовес 1 Мая. Эта затея имела весьма незначи-

¹ Энциклика обнародована 28 марта 1967 г.

тельный успех, и вот уже несколько лет трудящиеся-католики празднуют 1 Мая вместе со всеми.)

Как признают сами католики, римская церковь с опозданием начала заниматься «социальным вопросом», или, говоря словами энциклики «Рерум новарум», «рабочим вопросом». Эксплуатируемых в Ватикане заметили лишь тогда, когда они уже превратились в силу, которая заняла свое место в истории. В 1848 г. Маркс и Энгельс опубликовали «Коммунистический манифест». Весной 1867 г. Маркс закончил рукопись первого тома «Капитала». В 1871 г. парижский пролетариат приобрел первый славный опыт пребывания у власти. Римская курия, поглощенная событиями итальянского Рисорджименто, краха светской власти папы и кризиса, последовавшего за провозглашением непогрешимости (I Ватиканский Вселенский собор, прерванный в июле 1870 г.), лишь частично учла то, что предпринималось в социальной области внутри католического лагеря в странах с наиболее развитым промышленным производством. В течение нескольких лет с относительной самостоятельностью действовали рабочие-католики Бельгии; во Франции отмена закона Ле Шапелье способствовала созданию легального профсоюзного движения; в 1864 г. епископ Майнца Кеттелер написал книгу «Рабочий вопрос и христианство», и в 1880 г. возникла религиозная организация «Арбайтерволь» («Благо рабочих»). В Италии энциклика «Рерум новарум» появилась за несколько месяцев до создания социалистической партии.

В документе Льва XIII — наряду с традиционным призывом к совместному использованию созданных благ — имеются, конечно, признания относительно суровой действительности «рабочего вопроса». В нем ведется полемика против буржуазных и либеральных новшеств, чувствуется тоска по старым ремесленным корпорациям. Но главное острие полемики направлено против социализма.

База, на которой основывалась «новая доктрина», заключается в утверждении «права собственности» как незыблемого естественного права. Это право, говорится в энциклике «Рерум новарум», отличает человека от животного, оно освящено человеческими и божественными законами. Уничтожение социального неравенства — вещь невозможная, и поэтому то, что пытаются

сделать социалисты,— дело бесполезное и противоестественное. Труд — искупление первородного греха, а страдание — удел человека. Вознаграждение за труд должно быть таким, чтобы позволить рабочему вести скромную жизнь; нужно искоренить злоупотребления и обман, с тем чтобы обеспечить сотрудничество классов, но государство должно в первую очередь *держаться в повиновении чернь*, «потому что, хотя справедливость и признает, что она стремится к улучшению своего удела, однако ни справедливость, ни интересы общего блага не могут позволить нанести ущерб имуществу других и под предлогом неизвестно какого равенства захватывать чужое».

В конечном итоге энциклика «Рерум новарум», несмотря на некоторые смягчающие оттенки, проникнута *«собственническими»* взглядами на общественный строй. «Право частной собственности,— утверждается в ней,— вытекает не из человеческих, а из естественных законов, государство не может его уничтожить, оно может лишь смягчить его использование и привести его в соответствие с общим благом; требовать от частных собственников под видом налогов больше положенного — значит проявлять несправедливость и бесчеловечность».

Прошли годы. Силы трудящихся все больше утвердились в общественной и политической жизни народов. 1917 год становится свидетелем рождения первого государства, основанного на принципах коллективной собственности на средства производства и выдержавшего контрнаступление национальной и мировой буржуазии. В 1929 г. сильнейший кризис охватывает капиталистический мир. Движение недоверия к существующему строю распространяется на широкие слои общественного мнения, в то время как Советский Союз приступает к осуществлению первого пятилетнего плана.

В такой обстановке разрабатывается (говорили, даже с участием Салазара) вторая социальная энциклика католицизма — «Квадрагезимо анно» (обнародованная к сорокалетию энциклики «Рерум новарум»). Это документ во многих отношениях более четкий и детальный, чем предыдущий. В нем есть антилиберальная полемика, но главным образом заостряется антисоциалистическая и антикоммунистическая полемика, причем с возвратом к теме классового «сотрудниче-

ва» корпоративного типа. В нем содержится откровенное признание системы принуждения, уже навязанной Италии фашистским режимом путем законодательства 1926—1927 гг. С еще большей экзальтацией восхваляется запрещение права на забастовку и отрицаются любые формы «единого фронта» трудящихся-католиков не только с коммунистами, но и с «умеренными» социалистами и «просветителями», отцом которых, утверждает Пий XI, является либерализм, но наследником будет большевизм!

Превалирующим моментом аргументации по-прежнему остается естественное право частной собственности и передачи имущества по наследству. Это право, говорится в энциклике, «необходимо сохранить в нерушимости и неприкосновенности». Но затем следуют и некоторые различия, касающиеся права собственности и использования собственности, ее индивидуального и коллективного характера. Роль государства не ограничивается лишь «жандармскими» функциями. Видно, что сделаны некоторые выводы из происшедших событий. Оценка роли труда выглядит более значительной и соответствующей духу времени. Это нашло свое двусмысленное, но многозначительное выражение в словах «кто не работает, тот не ест», заимствованных из известного письма святого Павла Тарсийского. Проблема заработной платы выводится за рамки примитивного контекста необходимости обеспечения существования (согласно энциклике «Рерум новарум») и отныне связывается с производительностью, с техническим прогрессом и — в более широком плане — с экономической системой, равновесием цен, безработицей.

Третьим важным документом социальной доктрины католицизма является энциклика «Матер эт магистра», обнародованная Иоанном XXIII в начале 60-х годов. В ее детальной разработке принимали участие десятки католических экспертов, теологов, экономистов. Энциклика исходит из общей картины мира, которая стала существенно иной: на историческую арену вышли народы, недавно получившие независимость; во многих странах радикально изменилось соотношение между промышленностью и сельским хозяйством; в повестку дня встали такие проблемы, как неравномерное развитие, зоны голода, эмиграция, урбанизация, рост народонаселения. Появилось стремление замаскировать —

но не отрицать — тезис «Рерум новарум» о праве собственности как естественном праве. Трактовка этой идеи в новой энциклике становится более гибкой, замалчиваются некоторые изжившие себя положения «Рерум новарум» и «Квадрагезимо анно». Возникает новое положение, характеризующее анализ смешанной экономики. Употребляется, и даже слишком часто, термин «социализация», понимаемый в смысле расширения и развития социальных отношений с точки зрения многообразия форм жизни, коллективной деятельности, юридических институтов.

В свете подобного развития доктрины, а главное, с учетом современного положения вещей в мире можно понять *новый* характер энциклики Павла VI «Популо-рум прогрессию». Разумеется, она не порывает с традиционными установками. Но в ней проступает явное стремление по-новому трактовать «социальный вопрос», связать рассмотрение проблем с общими более новыми концепциями Иоанна XXIII и прогрессивного крыла Вселенского собора.

В этом плане следует отметить вклад таких ученых и священников, как доминиканцы Лебре и Шеню, иезуит де Любак и отчасти Маритэн. Некоторым из них в прошлом приходилось туго из-за преследований «Святой канцелярии»¹.

Для понимания сути этого документа весьма показателен также комментарий, опубликованный иезуитом Жоржем Жарло на страницах авторитетного журнала «Чивильта каттолика». «Когда энциклика «Матер эт магистра» объявила в июле 1961 г., что, пожалуй, главной проблемой современной эпохи является проблема отношений между политическими сообществами экономически развитыми и политическими сообществами развивающимися, многих это удивило и даже ошеломило. Разве наиболее неотложной проблемой не является коммунистическая угроза Западу и христианской цивилизации? Россия обладала атомным оружием. Она готовилась догнать и превзойти США в завоевании космоса. Китай с его неисчислимым людским потенциалом вступал в соревнование в области техники. Защита Запада отныне становилась защитой христианства!

¹ То есть инквизиции.

Можно было бы ответить,—продолжает Жорж Жарло,— как это позднее сделал Павел VI, что *развитие — это новое название мира в мире*. Энциклика «Пацием ин террис» со своей стороны напомнила, что если в данный момент мир может основываться на равновесии страха, то тем не менее это равновесие опасно и должно быть преодолено».

Таким образом, политика крестового похода, безумные гипотезы атомной катастрофы, теория «отбрасывания» Даллеса и Пия XII, Аденуэра и Де Гаспери неприемлемы более для религиозного сообщества, которое не хочет утратить контакта с современным миром, подавленным атомным кошмаром и ужасными диспропорциями развития, обрекающими 60 процентов людей на недоедание и голод. Правда, та же «Чивильта каттолика» в предыдущем номере опубликовала статью Мессинео — сторонника политики папы Пия XII, в которой он заклеил мирное сосуществование как укрепление и фактическое узаконение социалистических режимов, возникших в результате антифашистской войны и революционной борьбы народов. Но все же изменение характера энциклики Павла VI — весьма важный факт.

Отправной констатацией энциклики «Популорум прогрессию», высказанной в духе позиции Иоанна XXIII и дискуссии на Вселенском соборе, является то, что социальный вопрос приобрел мировой масштаб. Соответственно этому анализ исходит из условий, в которых сегодня живут люди, условий, которые делают иллюзорным законное стремление избавиться от нищеты, утвердить собственное достоинство, получить лучшее образование, иметь блага и рассчитывать на большее. Такое положение существует прежде всего в странах, недавно освободившихся от колониализма.

За этими утверждениями следует ужасающая картина, которую три года назад нарисовал на Вселенском соборе светский католик американец Норрис на основе данных, опубликованных ФАО¹ и другими международными организациями. Группа стран, формально христианских, расположенных на берегах Северной Атлантики и имеющих 16 проц. населения мира, конт-

¹ ФАО — продовольственная и сельскохозяйственная комиссия ООН.

ролирует 70 проц. всех мировых богатств. И если сегодня средний годовой доход в США превышает 3000 долларов на душу населения, то в Индии он не достигает и 90 долларов, а в Бурунди составляет 50 долларов. Каждый год 35 млн. человек умирает от недоедания. Средняя продолжительность жизни в США превышает 70 лет, а в Индии она меньше 35 лет. В Латинской Америке латифундистам, составляющим 1,5 проц. населения, принадлежит более половины обрабатываемых земель. В Южной Африке коренные жители, составляющие 70 проц. населения, располагают менее 4 проц. обрабатываемой земли.

В главной части энциклики Павла VI, исходя из этого положения, отмечается, что предоставленное самому себе развитие в большинстве недавно освободившихся стран — и не только в них — ведет не к ослаблению, а к усилению разрыва в жизненном уровне: богатые народы быстро прогрессируют, в то время как бедные развиваются медленно. Диспропорции растут. К примеру, с одной стороны, имеются излишки продуктов питания, а с другой — их ужасная нехватка.

Но от этой характеристики положения в «третьем мире» энциклика переходит, наконец, к корням этого положения. Результатом не мог не явиться существенный пересмотр взгляда на самый институт собственности, который на протяжении почти целого века социальная доктрина католицизма считала нерушимым и главным естественным правом, стержнем всякого общественного устройства. Правда, время от времени эта «догматизация» права собственности критиковалась и в самом лагере католицизма: достаточно напомнить горькую и страстную полемику Эмануэля Мунье или недавние тезисы архиепископа Болонского кардинала Леркаро относительно того, что «право собственности как естественное право» скорее проистекает из римского права, нежели из библейских текстов. Но, как мы пытались показать, положения энциклики «Рерум новарум» относительно частной собственности до сих пор не были подвергнуты критике даже в энциклике Иоанна XXIII, посвященной социальным вопросам.

Сегодня Павел VI вынужден сказать, ссылаясь на слова святого Амвросия, что «земля дана всем, а не только богатым», а это означает, что «частная собственность ни для кого не является безусловным и абсо-

лютым правом» и «там, где возникает конфликт между приобретенными частными правами и первостепенными потребностями общества, задача государственной власти принять меры для его разрешения, с активным участием лиц и групп». И далее: «Общее благо иногда требует, следовательно, экспроприации, если некоторые владения являются — вследствие их размера и частичного или полного неиспользования и вследствие протекающей из этого нищеты населения и значительного ущерба, причиняемого интересам страны, — препятствием для коллективного процветания».

Да и сама традиционная и противоречивая антилиберальная полемика приобретает здесь отчетливый и конкретный характер, и, несмотря на компромиссы, как старые, так и недавние, провозглашается отход от той системы взглядов, «которая рассматривала прибыль как основную движущую силу экономического развития, конкуренцию — как высший закон экономики, частную собственность на средства производства — как абсолютное право, без всяких ограничений и соответствующих социальных обязательств».

Реакция печати монополий на это была столь яростной и угрожающей, что орган Ватикана в статье без подписи, озаглавленной «Перечитайте энциклику», вынужден был отметить: «Энциклика не выступает против индустриализма как такового. Она признает его неоспоримый вклад в развитие и не осуждает прибыль, свободу торговли, накопления или свободную инициативу. Она осуждает злоупотребления нынешней системы, которая понимает эти вещи и эти блага как абсолютные ценности или создает неограниченные права, препятствующие развитию социального прогресса наряду с развитием экономики, что приводит к нарушению гармонии сосуществования людей и народов со всеми вытекающими отсюда бурными реакциями» («Оссерваторе романо». 5 апреля 1967 г.). Однако в народном понимании смысл энциклики совпадает с критикой капитализма, который передовое рабочее движение разоблачало еще со времен «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса.

Другой интересный, умеренно новаторский элемент энциклики касается традиционной католической кон-

цепции семьи¹ и в связи с этим драматического демографического взрыва. Последствия этого демографического взрыва не только вызывают серьезные разногласия среди духовенства и епископата в странах, где сильна конкуренция протестантства, или в странах с высокой рождаемостью, но и приводят к глубоким противоречиям среди верующих и способствуют бесчисленным случаям «молчаливого отхода от церкви». Достаточно сослаться в связи с этим на весьма известный труд иезуита Т. Д. Робертса, бывшего архиепископа Бомбея, опубликованный с большим шумом в Лондоне в 1964 г. в сборнике «Возражения католицизму» и стоивший автору смещения с поста.

В энциклике «Матер эт магистра» Иоанн XXIII затронул проблему роста народонаселения, но в общем дал традиционный ответ: «Нельзя использовать средства и методы, которые допустимы в передаче жизнедеятельности среди растений и животных».

В результате разногласий на Вселенском соборе старая формулировка была несколько смягчена, и Павел VI непосредственно занялся проблемой допустимости противозачаточных средств, обещая опубликовать документ, который решит этот вопрос. «Популюрум прогрессио» не дает окончательного ответа, но содержит два момента уступки, которые вызовут продолжение дискуссии. Роль семьи со всеми хорошо известными атрибутами, затрагивающими ее структуру, проблемы воспитания детей, отношения между супругами, участие женщины в производственной деятельности и т. д., подтверждается как основная, но при этом допускается, что в зависимости от места и времени эта роль может оказаться чрезмерной, если ей приносятся в жертву основные свободы личности. С другой стороны, ускоренное и хаотичное увеличение народонаселения признается одной из причин трудностей на пути развития, а поэтому считается оправданным вмешательство государственных органов с целью «распространения соответствующей информации и принятия надлежащих мер» при уважении подлинной свободы супружеской четы. И, наконец,

¹ Это концепция о том, что цель брака сводится в основном к продолжению рода, что было даже провозглашено кардиналом Руффини на Вселенском соборе как единственное моральное оправдание института брака.

делается призыв к ответственному и рациональному решению супругов в отношении числа детей.

Во второй части своей энциклики Павел VI переходит к перечислению мер, которые он считает необходимыми для «развития солидарности человечества». Речь идет в первую очередь о «срочных» предложениях, касающихся деятельности международных организаций, созданных для борьбы с голодом. В то же время вновь выдвигается идея о создании «мирового фонда» за счет отчислений из военных бюджетов всех стран мира, а также о взносах на оказание помощи наиболее нуждающимся, как об этом уже упоминалось в речи, произнесенной в Бомбее. Двусторонние и многосторонние соглашения об экономической помощи могут в настоящее время принести пользу, добавляет Павел VI, но план помощи «в рамках программы мирового сотрудничества» был бы вне всякого подозрения: те, кому оказывается помощь, имели бы меньше оснований для недоверия по поводу денежных средств и видов технической помощи, под прикрытием которых весьма часто скрывается возврат к колониалистской политике.

Другой аспект «срочного» вмешательства относится к торговым соглашениям между «богатыми» странами и «бедными» странами, недавно ставшими независимыми. Традиционные теории «свободного обмена», примененные к сторонам, находящимся в слишком неравных условиях, приводят к ухудшению положения слабой стороны. «Свобода обмена,— говорится в энциклике,— не является справедливой, если она не подчинена интересам социальной справедливости...» Цены, которые «свободно» формируются на рынке, могут привести к несправедливым результатам.

Когда Павел VI от конкретных предложений переходит к общим и широким решениям, предварительно констатируя, что слишком большое неравенство в экономическом, социальном и культурном плане порождает напряженность и разногласия и создает угрозу миру, энциклика выглядит значительно бледнее, содержит расплывчатые формулировки решений, граничащие с утопией и вступающие в противоречие с исторической действительностью. В ней чувствуется влияние идей одного из любимых авторов папы, французского неомомиста Жака Маритэна, с их типично пру-

доновскими оттенками, которые буквально выступают наружу в отдельных местах «Популорум прогрессию».

Миф о «действенной мировой власти» — это миф из «Человека и государства» Маритэна, отголосок всеобщего «идеального общества», в значительной степени навеянного идеями средневековья, это попытка свести сложную и многообразную историю народов и классов к надуманной и нежизненной идее наднациональности, которая уже дала пищу многим печальным иллюзиям в период между двумя мировыми войнами в Лиге наций и других местах.

Нельзя не заметить в связи с этим резкого отхода энциклики Павла VI от более реалистичной доминирующей идеи «Пацем ин террис» Иоанна XXIII. Энциклика Иоанна XXIII исходит из четкого признания многообразия мира, созданного действиями народов и уже поэтому закономерного и положительного, независимо от идеологического содержания крупных политических движений, действующих в наши дни. Это говорит о последовательном и объективном признании реальной действительности, о признании того, что человечество, прежде чем добиться коренного решения проблем мира и справедливости, должно пройти трудный, неизведанный и отнюдь не прямолинейный путь, не лишенный жертв, ошибок и суровых испытаний.

Что касается энциклики Павла VI, то чувствуется, что в ней превалирует типично «католическое» стремление собрать под единым всемирным кровом, сотканным из отеческой «святости», присущей ностальгии Маритэна, все глубокие социальные, политические и исторические явления. Посредничество, теоретически встающее *над* конкретной обыденной действительностью сегодняшнего дня — пусть даже во имя идеалов, принятых всеми, — рискует привести к новому, еще более враждебному отрицанию всего того, чего добился и что создал рабочий класс своей активной борьбой. В практическом и широком смысле оно может выродиться в иллюзию, весьма далекую от того, чтобы распутать драматические пути, сковывающие жизнь и будущее человека, и способную лишь запутать и усложнить проблему.

Сама суть идеи мирного сосуществования и соревнования неизбежно оказалась бы искаженной во имя

некоего «общего знаменателя», закрепляющего отход от позиций, уже сегодня завоеванных третью человечества не только с целью «исправления» или осуждения «злоупотреблений», но ради уничтожения системы эксплуатации человека человеком, являющейся подлинной причиной диспропорций, голодания двух третей человеческого рода, страшной угрозы атомного уничтожения.

И все же энциклика «Популорум прогрессио» Павла VI — это не только документ, констатирующий актуальные проблемы, и рабочая «гипотеза», разработанная авторитетным органом, формально непричастным к основным политическим и социальным группировкам. Она приобретает отнюдь не второстепенное значение «манифеста», адресованного всем людям доброй воли с целью поставить реальные проблемы, касающиеся всех. В этом плане предстает как корыстная и неуклюжая тенденция усмотреть в энциклике грубое противопоставление «третьего мира» промышленно развитым странам независимо от их внутреннего общественного строя и свести тем самым весь комплекс вопросов к милосердию в широком масштабе путем предоставления «излишков» и льготных кредитов.

Сам факт появления социальной энциклики Павла VI, ее знаменательные попытки приблизиться к духу времени, определение — наконец-то и со стороны церкви — некоторых проблем, имеющих важное значение для прогресса человечества, отклики, которые вызывает этот документ в католическом мире, и новые силы, появлению которых он будет способствовать внутри этого мира, позволяют расширить диалог, уже происходящий между реальными силами, играющими отнюдь не последнюю роль прежде всего в Европе и Латинской Америке, с тем чтобы из этого диалога возникли совместные решительные и конкретные действия.

Эти совпадающие действия, проводимые по многим проблемам в различных капиталистических странах уже сегодня, могут привести, если исходить из содержания этой энциклики и даже ее противоречий, к единым действиям более глубокого характера и значимости. Разумеется, коммунисты не могут останавливаться на констатации того, что социальная проблема при-

обрела всемирный масштаб. Они знают, что классовая борьба также имеет всемирный масштаб. Из этого следует, что нельзя делить мир на «богатые» и «бедные» народы, которые общались бы между собой только путем обмена. Если бы дело обстояло таким образом, то достаточно было бы заменить обмен, основанный на грабеже и эксплуатации, благотворительной помощью «богатых» «бедным», чтобы создать благосостояние и равенство во всем мире.

Однако проблема заключается в ином: какую альтернативу надо противопоставить дальнейшему ухудшению условий человеческого бытия в капиталистических странах и какой тип развития, отличный от других и самостоятельный, должны избрать развивающиеся страны? Это две стороны одной и той же проблемы, которая поставлена перед всем угнетенным человечеством в капиталистических и развивающихся странах одним и тем же механизмом политического, экономического и технологического господства.

Именно на этот вопрос энциклика Павла VI дает ответ в двусмысленной форме. Этот ответ, на наш взгляд, породит в католическом мире отклики в двух противоположных направлениях — революционном и неокатолическом. Потому что как прогрессивные католики, так и реакционные католики находят в одной и той же энциклике оправдание для своих соответствующих позиций. Сторонники того, что богатые страны должны извне оказать помощь бедным странам, с одной стороны, и сторонники уничтожения системы эксплуатации и некапиталистического пути развития для слаборазвитых стран — с другой, будут вынуждены размежеваться в практическом отношении, в конкретных политических действиях.

Есть также еще одно противоречие. В «Популорум прогрессию» говорится, что «технократия завтрашнего дня может стать источником не менее страшных зол, чем вчерашний либерализм», потому что «экономика и техника имеют смысл лишь тогда, когда они находятся на службе у человека». Это и есть как раз осуждение неокатолической технократии, в подпевал и ревностных защитников которой превратились демохристианские правители Италии.

Прогрессивное крыло католиков еще раз оказывается вынужденным высказаться относительно иного

пути развития для капиталистического Запада, что составляет к тому же условие экономического развития «третьего мира». Это — проблема исторической важности и огромной сложности. Сам факт трудностей, с которыми встречается в этом районе международное коммунистическое движение, являющееся силой, которая, несмотря на временные расхождения и вопреки им, должна найти решение проблем, указывает на серьезность и глубину этих проблем.

Именно на этой почве коммунисты и католики должны проявлять взаимный интерес, встречаться друг с другом, сопоставлять свои взгляды. И именно на этой почве неизбежно столкновение внутри самого католического мира между прогрессистами и реакционерами, ибо здесь энциклика содержит очевидное противоречие. В самом деле, самостоятельное развитие слаборазвитых стран может быть обеспечено лишь с помощью планируемой экономической и социальной политики. Конечно, эта политика не должна заменять традиционные методы жизни и труда капиталистическим руководством в области экономики и технологии, но должна ориентироваться на внутреннее развитие производственных традиций этих стран при устранении сил угнетения и эксплуатации. Одним словом, производители в этих странах должны иметь возможность создать условия своего прогресса, определить его темпы и направление.

Эта проблема находит в «Популорум прогрессиио» два возможных, но противоположных решения. С одной стороны, в энциклике поддерживается тезис о том, что капиталистическое развитие в этих странах не должно повториться, ибо «развивающиеся народы должны уметь делать выбор: критиковать и устранять ложные блага, которые принесли бы с собой принижение человеческого идеала». С другой стороны, вновь выдвигается старая католическая доктрина «излишка», который богатые страны должны передать бедным странам, а это противоречит предыдущему тезису. Все это подтверждает, что именно в плане конкретных решений выступает непоследовательность католической доктрины сотрудничества классов.

Если печать крупных монополий, как отмечено выше, выступила с резкой критикой некоторых положений энциклики, нынешние руководители христи-

анской демократии пытаются со своей стороны принизить значение энциклики, сводя ее к простому осуждению капитализма на фазе конкуренции и к восхвалению планового неокapиTaлизма и благотворительной помощи слаборазвитым странам. Однако миллионы честных трудящихся-католиков, которые на собственном повседневном опыте узнали современные проблемы, должны решить: есть ли энциклика лишь свод общих мест, как это хотят изобразить христианско-демократические руководители? Но тогда она не соответствует провозглашенным ею же самой универсальным намерениям, в которых заключается смысл ее появления, и теряет всякий политический, моральный и культурный интерес. Либо она носит активный характер в силу того действительно нового, что в ней содержится, и тогда впервые в истории католический активист может вполне сознательно преодолеть ограниченность общества, где царит эксплуатация человека человеком, отказаться от классового сотрудничества, чтобы оказаться рядом с коммунистами в классовой борьбе.

*Печатается по журналу «Проблемы
мира и социализма», 1967, № 6,
стр. 71—76.*

АТТИЛА АГ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ И БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ

Вопрос о будущем религии, то есть о перспективе ее преодоления,— один из важных актуальных вопросов марксистской теории общества. Уже молодой Маркс особо выделял то, как «может быть преодолена превратная действительность, теорией которой является религия». Он писал: «...религия сама по себе бессодержательна, она живет не за счет небес, а за счет земли».

Однако тезис о преодолении религии как итоге атеистической программы не принадлежит целиком

и только марксизму. Не вдаваясь в историко-философские исследования, мы должны отметить, что идеи античного и нового буржуазного просвещения служат в этом отношении непосредственной предпосылкой марксистской теории. Просветители разработали теорию, которую можно было бы назвать «научной утопией» преодоления религии. Воспринимая историю человечества как прогресс человеческого разума и просвещенности, можно было сказать, что религия как результат человеческого незнания, непросвещенности или преднамеренного введения в заблуждение постепенно отступает назад, уступает свое влияние наукам и устраняется затем при достижении всеобщей просвещенности. Сущность концепции просветителей состоит, таким образом, в том, что в конфликте научной и религиозной картины мира последняя с необходимостью становится побежденной; отмирание религии связывается с распространением наук и образованности.

«Научная утопия» преодоления религии абстрагируется от общественных условий и поэтому, по существу, чужда марксизму, несмотря на то, что в ней содержатся и правильные положения относительно переделки сознания. В период, следовавший за социалистическими революциями, распространилась противоположная по направлению «общественная утопия» преодоления религии, то есть представление о том, что с социалистическим преобразованием общества более или менее автоматически — или по крайней мере за короткий период — исчезнут и социальные причины существования религии и тогда для полного преодоления религии достаточно будет убеждения, перевоспитания верующих и административного ограничения религии. В противовес упрощенным представлениям такого рода нередко стали возрождаться моменты «научной утопии» преодоления религии, концепция просветителей оживлялась в рамках марксизма.

Своеобразное опровержение этих представлений было дано самой социальной действительностью, в частности после второй мировой войны. Известно влияние военных потерь и потрясений на личность. Можно указать также на явления сектантства или на то, как приводили к противоположным желаемому результатам неправильные административные меры и т. д. Этот комплекс общественных явлений уже сам по себе

обращает наше внимание на то, что и в условиях социалистического общества мы должны считаться с определенными «земными основами» религии, причем наряду с вышеупомянутыми преходящими факторами необходимо признать воздействие других, более существенных факторов, влияние которых распространяется на более длительный период. К социалистическому обществу мы не можем подходить абстрактно, как не можем абстрактно воспринимать происходящие в нем процессы. Мы не можем трактовать его как некое «гомогенное поле», однозначно действующее в направлении преодоления религии, в результате чего вопрос о будущем религии редуцируется просто до преобразования, преодоления «неразумной» религиозной формы сознания.

Вопрос «что же представляет собой будущее религии?», естественно, тождествен для нас с вопросом «как можно воздействовать на религию в направлении ее ликвидации?». Указывая на необходимое преобразование общественных отношений, на первичность этого процесса, мы вовсе не ставим под сомнение роль общественной активности,— то есть тот факт, что преодоление религии осуществляется как сознательная практика социалистического человека. Вопрос именно в том, какие изменения в сознании следуют за изменением объективных условий бытия и как можно вмешиваться сознательно в формирование общественного сознания. Однако ответ на этот вопрос может быть дан только на основании анализа сущности религии и ее общественной функции.

I

Просветительская концепция религии исходит из готовых, уже функционирующих религиозных форм, взглядов, организаций и т. д., показывая их неразумность. Анализ происходит «сверху вниз», то есть содержание готовых идеологических форм представители этой концепции стремятся вскрыть путем анализа того, какие разумные моменты общественных отношений, познания были искажены в религиозной трансценденции. Если «спускаться» с «высших этажей» надстройки к базису, то можно показать основу и образец небесной семьи в земной семье, можно дать относительно глубокий анализ явлений религии и даже на

определенном уровне связать этот анализ с проблемами общественного интереса, поставив вопрос об общественных детерминантах, классовой определенности религиозной «неразумности», религиозного искажения. Исторически такой подход играл позитивную роль, достигнув своей вершины, классической формулировки в концепции Фейербаха. Фейербах впервые сделал предметом тщательного исследования механизм генезиса религиозных форм, дав вместе с тем абстрактную модель общего генезиса отчуждения, но не сумев в вопросе о земной основе религии выйти за рамки абстрактно понятой человеческой сущности, что представляет собой конечную, общую ограниченность всякой просветительской позиции.

Просветительский метод анализа «сверху вниз», как бы ни стремились его представители к общественной конкретизации, по нашему мнению, не может быть настоящим марксистским методом. Последний сформулирован Марксом: «...всякая история религии, абстрагирующаяся от этого материального базиса,— не критична. Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод»¹. Следовательно, по мнению Маркса, просветительский метод анализа «сверху вниз» легче и потому он с необходимостью исторически более ранний метод, некритический и в конечном счете ненаучный. Ненаучный потому, что с его помощью нельзя дойти до конечной детерминанты, до материального базиса; анализ остается в пределах осмысления и критики консервативных и традиционных религиозных форм и исходит не из исторической динамики материального базиса и изменения его потребностей. Просветительский подход с необходимостью становится поэтому неисторичным. Не случайно, что критику просветительской критики религии Маркс расширяет далее до критики «отвлеченно естественнонаучного материализма», общим методом которого и является некритичность и неисторичность.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 23, стр. 383.

В противоположность этому марксов метод критики религии можно было бы охарактеризовать как метод анализа «снизу вверх». Действительные жизненные отношения первичны по отношению к формам религии не только объективно, но и методологически. А следовательно, и исходить нужно не из готовых религиозных форм, а из материального базиса общества и его исторически складывающихся потребностей, вслед за которыми формируются и осуществляются общественные функции. Сложившиеся реальные религиозные формы, взгляды, организации являются, таким образом, специфическими результатами определенных общественных потребностей. В генезисе религии и ее развитии конкретизируются определенные возможности через ступени общественной необходимости, при посредстве случайных моментов на уровне конкретных форм. Новые религиозные формы, организации и т. д. всегда разворачиваются из унаследованного идейно-организационного материала, с его переинтерпретацией и перестройкой, в этом основа их постепенности и консервативности. Если, однако, мы почувствуем необходимость выйти за рамки движения религиозной формы, то нам придется исследовать, какие потребности, общественные противоречия и коллизии привели к формированию религии вообще и ее исторически-конкретных разновидностей.

Таким образом, нашим исходным пунктом будет изучение исторического пути отчуждения, то есть противоречивого исторического развития в «предыстории» человечества, но, конечно, наше изложение ограничивается «религиозными» аспектами этой проблематики. В рамках этого анализа станет ясно, во-первых, что в период возникновения и ранней истории общества внутренние соотношения, связующие силы, организованность общностей еще неразвиты, остаются в непосредственно естественных границах и осознаются превратно. Поэтому религия проявляется на уровне самого общественного бытия, как форма организации общности, её отождествления с самой собой. Религия, таким образом, обладает в первую очередь *организационной* функцией.

Во-вторых, поскольку человечество в своей предыстории еще не располагает реальным господством над своими собственными силами, не контролирует процес-

сы материального производства и т. д. и т. п., возникает фиктивное регулирование, управление, то есть отсутствие реальной власти над производством и общественной организованностью вызывает к жизни потребность их фиктивного присвоения. В первобытных обществах и докапиталистических классовых формациях эту роль фиктивного регулирования общества играет преимущественно религия, поэтому, по нашему мнению, нам должно говорить и о ее *регулирующей* функции. Если в своей организационной функции религия выступает как своеобразная трансцендентная общность, то в функции регулирования она существует как трансцендентное освоение собственных сил общества на уровне всеобщности. А именно: первобытному уровню соответствуют, по словам Маркса, «старые естественные религии», прямо отражавшие в своих конкретных формах зависимость коллектива от природы, слабость человеческих производительных сил. Функция организации непосредственно сливалась с функцией регулирования, поскольку совпадало воспроизводство условий существования общности и индивидуума. Функция регулирования стала самостоятельной только с формированием классовых обществ — лишь тогда в «новых естественных религиях» проявилась ее сущность в чистом виде. Речь идет о косвенном регулировании жизни общества, в котором общественные установления, нормы и т. п. представляются — по их источнику — как потусторонние, а затем эти потусторонние отношения (в превращенном сознании людей выступающие как первичные) определяют общественное движение. В потустороннем мире, в трансцендентном регулировании отражается уже косвенным образом зависимость, подчиненность человека природе и одновременно отыскиваются средства для преодоления общественных конфликтов.

Так, религия и через научную, художественную, философскую формы сознания ориентирует людей, стремящихся осмыслить свои проблемы, возникающие на почве столкновения общественных интересов, утверждая соответствие существующего общественного строя желаемому, освещая его небесным отблеском, то есть санкционирует, оправдывает имеющиеся противоречия. Но в то же время религия дает возможность фиктивно преодолеть их, обращая внимание людей на

потусторонний мир, где эти противоречия уничтожаются и осуществляется настоящая жизнь людей.

В-третьих, речь идет о специфической форме исторического движения отчуждения — об отчуждении индивидуума и рода, индивидуума и общности. Индивидуум во все большей мере отрывается от развития человечества, ибо это развитие исторически осуществляется во вред ему. Продукт его собственного труда от него отчуждается, становится трансцендентным по отношению к нему, сомнительными становятся смысл его жизни, место в обществе, мотивация поведения и т. д. В этой системе отчуждения необходима *коммуникативная* функция религии, значение которой состоит в фиктивном разрешении противоречия между общностью и индивидуумом, в осуществлении (в трансцендентно-потусторонней форме) принципа первичности развития общественности в ущерб развитию индивидуума. В то же время религия идеологически и морально мотивирует место индивидуума в обществе, его роль, смысл его жизни. Все идеологическое движение общественного сознания в его организационной и регулирующей функциях религия переводит на язык повседневного мышления, вкладывает в его схемы и потому может быть названа «логикой в популярной форме». Религия делает индивидуума фиктивно полноценным членом общества, ставит его в прямую, субъективную, индивидуальную связь с трансцендентно понятой общностью, богом (провидение — молитва), позволяет переосмыслить вселенную со всем ее устройством соответственно условиям бытия своей собственной исторической эпохи, поскольку мир становится антропоморфным и доступным всеобщему пониманию.

Исходным пунктом коммуникативной функции религии, исторически во всяком случае, является непосредственность обыденного мышления. Функция регуляции с необходимостью означает его преодоление, построение научного и философского содержания, которое, несмотря на общность и антропоморфность, не может быть доведено непосредственно до каждого члена общества. Это «удвоение» всех людей на посвященных и непосвященных, на священнослужителей и «мир» начинается уже в «старых естественных религиях» и восполняется в классовых обществах. Созданная таким образом картина мира разлагается на по-

нения повседневного мышления, чтобы через коммуникативную систему и язык сделать возможной организацию в с е х членов общества и регулировать их действия в рамках соответствующей специфическим историческим обстоятельствам общности.

Упомянутые функции религии в определенном смысле независимы друг от друга, но каждое историческое состояние, каждую общественную форму характеризует их специфическая совокупность, внутренняя взаимосвязь. Они вместе создают единую систему на основе достигнутого уровня общественно-производительной практики, исторической ступени развития общественного познания. Практику, служащую общей основой религиозных явлений данной эпохи, можно было бы назвать *содержанием религии*, тогда как всю систему организационных и культовых форм, взглядов и верований, совокупность которых составляет конкретное бытие религиозных явлений, можно было бы считать *формами религии*. Одно и то же содержание религии может принимать различные формы вследствие несходных традиций, но различное содержание религии может выражаться в тождественных или подобных религиозных формах вследствие консервативного характера последних. По нашему мнению, задача истории религии состоит в анализе этой специфической совокупности функций религии, ее содержания. Это историческое деление может быть основой существенной классификации, типизации религий в противоположность привычным — формальным или территориальным — делениям.

Истории религии мы можем здесь лишь коснуться, упомянув, что с капитализмом в истории религии наступает основополагающий поворот. Заканчивается период «новых естественных религий», эпоха докапиталистических религий, в которых отражалась в опосредованных формах зависимость человека от природы. Нам хотелось бы указать лишь на то, что имеющийся в скрытой форме в христианстве момент — проявление общих свойств производящего товар индивидуума как отвлеченного человека — в докапиталистических обществах впредельно фиксированную иерархию общественных слоев, получив свою полную реализацию только при капитализме.

Христианство, отмечает во многих местах Маркс,—

своеобразная религия капиталистического общества, но его специфическое содержание осуществляется при капитализме таким образом, что прекращает свое существование в прямой форме. С капитализмом начинается период «светской религии», светской идеологии; религия становится светской в двойном смысле — и в отношении новых «религий», и в отношении подхода верующих к традиционным религиям.

В капиталистическом обществе организационная функция религии, ее способность к созданию общности оттесняется на задний план и перестает существовать в непосредственной форме. Сохраняются, однако, учреждения религии — как второстепенные, потерявшие свое непосредственное влияние, существующие преимущественно как придатки религиозной формы сознания. Поэтому можно сказать, что религия исторически не является только формой сознания, как выше уже указывалось, но *становится* ею: с развитием капитализма обнаруживается тенденция — хотя не прямолинейная — ограничения религии формой сознания, роль ее сводится почти исключительно к выполнению регулирующей и коммуникативной функций. В развитом капиталистическом обществе функцию регуляции перенимают специфические идеологические системы (товарный фетишизм, фетишизм капитала, политическая идеология) отдельных, ставших самостоятельными общественных сфер (производство, государственность) — в качестве как бы «светских религий». Другие формы сознания — наука, искусство, философия — освобождаются от непосредственной власти религии, складывается и приобретает решающее влияние естественно-научная картина мира, исключающая или ставящая в скобки бытие бога. Но означает ли это, что прекращает свое существование религия в смысле ее традиционных форм? Ни в коем случае. Сказанное нами означает лишь доминирование светской регуляции, которая становится почти исключительной в исторический момент победы капитализма, но с необходимостью дополняется регуляцией религиозной трансценденции в сложившемся, терзаемом основополагающим классовым антагонизмом капитализме. В той мере, в какой исчезает реальная, светская перспектива перед капиталистическим развитием и в какой усиливается рабочее движение, вновь завоевывает свои позиции религия

в традиционных формах, наполненных новым содержанием. В империалистический период капитализма наряду с дегуманизированной и дезантропоморфизированной, позитивистской картиной мира на более высокой ступени возрождается религиозная картина мира, так что формируется характерная для развитого капиталистического общества двойственная регуляция.

«Возрождение» религии, естественно, требует существенной модернизации, и прежде всего в отношении к наукам. Общественный базис этого изменения воплощается в «средних слоях», уставших от «технического отчуждения». Общественная потребность, однако, не едина, не гомогенна в кругах верующих. Напротив, коммуникативная функция религии демонстрирует складывание как бы двух религий на развалинах традиционной религии. Капитализм не прекращает, а, наоборот, еще более обостряет противоречие рода и индивидуума, увеличивает дистанцию между ними. Новые, светские фикции отчасти смягчают это противоречие (свобода, равенство, возможности производящих товары индивидуумов, граждан государства и т. д.); однако очевидные факты неустойчивого положения (банкротства, коллизии общественного неравенства), общественные потрясения (кризисы, войны) показывают фиктивность светских форм, вызывают потребность в традиционной форме фиктивного единства рода и индивидуума. Особенность развития религии состоит в том, что буржуазная интеллигенция — общественный слой, повседневное мышление которого исходит из науки и связывается с нею, — создает свою религию, и эта последняя в определенном смысле отделяется от религии среднего верующего. Обыденная религия и религия интеллигенции выражаются в существенно различных формах. Первая сохраняет свою связь с объективированно-учрежденными формами, догмами, придерживается внешних проявлений, ее антропоцентризм более наивен, самостоятельность и индивидуальность в отношении к религиозному сознанию в ней гораздо слабее, форма светскости — безразлична. В последней же доминирует скорее личная вера, мотивация индивидуальной субъективности, слабее привязанность к учрежденной форме и догмам, внешним проявлениям, ее антропоцентризм более осмыслен, в нем наблюдаются индивиду-

альные варианты в рамках одной, деистически-пантеистической картины мира. Своеобразно объединяет в себе оба варианта одна из модернистских форм христианства — тейярдизм, который в некоторых странах Западной Европы стал приемлемым для обоих слоев именно вследствие противоречивости своей системы, противоположности теистического и деистически-пантеистического моментов на основе синтеза веры и науки.

II

На основе сказанного можно было бы начать анализ отношения религии и социализма, если бы мы располагали достаточным систематизированным социологическим материалом в этом вопросе. За недостатком этого конкретного социологического материала мы можем лишь обрисовать главные контуры, отметить важнейшие моменты существования религии в социалистическом обществе на основе указанной системы функций религии. Как уже говорилось, здесь выявлялись временные, преходящие факторы в развитии религии, связанные прежде всего с результатами второй мировой войны. Закономерно, что после войны, в результате военных потерь и страданий, религия временно усиливала свои позиции — до новой стабилизации жизни. Однако процессы народно-демократической революции тоже относятся к послевоенному периоду, и влияние войны и общественных изменений на судьбы религии «сливается». Само собой разумеется, что такие огромные общественные перевороты, как социалистическая революция, коренным образом изменяют общественное положение, условия жизни людей и вызывают беспокойство, тревогу в «средних слоях», ведут их в значительной мере к религии. Первые и неизбежно жесткие мероприятия молодой пролетарской диктатуры тоже могут оказать такое воздействие на мещанство, а также — позднее — социалистическое преобразование сельского хозяйства — на крестьянство. Любопытно, что в некоторой степени в своеобразных формах ведет к усилению религии и свобода религии, гарантированная социалистическими государствами Восточной Европы. В довоенных капиталистических странах этого района только большие, официальные церкви пользовались правами, даже получали мате-

риальную и политическую поддержку государства, но они ограничивали, более того, угнетали, преследовали с помощью государства маленькие церкви и прежде всего секты. Социалистическое же государство предоставило равные права всем верующим. Поэтому «встречное» усиление религии в этот период происходило в первую очередь в форме распространения сектантства как на селе, так и в городах. Но эти временные факторы уже прекратили действие, с тех пор тенденция усиления религии проявляется очень редко, лишь во время активизации антисоциалистических сил.

Действуют, однако, и более устойчивые факторы, связанные с историческим путем, социальной структурой, степенью развития этих стран. Среди них надо упомянуть на первом месте более позднее преодоление остатков феодализма в этих странах. Социалистические страны, по существу, не знали длительного развития классического капитализма. Как вообще, так и в области религии народно-демократической революции надо было осуществить и задачи буржуазно-демократической революции, то есть секуляризацию общественной жизни во всех ее аспектах (экономических, политических и культурных).

Социалистическая революция ликвидировала многочисленные остатки феодализма. Социалистическое государство должно было осуществить отделение церкви от государства, а также лишить церковь ее материального базиса в капитализированной форме. Это было радикальным, коренным поворотом; за исключением отдельных случаев, церковные учреждения стали незначительными, церковь потеряла светскую власть, что не означает, однако, потери ее влияния вообще, хотя тем самым религия утратила остатки своей организационной функции. Чрезвычайно важной была ликвидация культурной монополии церкви, вследствие чего резко упало ее влияние среди всех слоев общества. Если же рассматривать регулирующую роль религии, то следует отметить, что возникло следующее своеобразное противоречие: религия, поскольку она выполняет роль регулятора в существующей системе общественных противоречий, делает это не в соответствии с господствующей общественной идеологией; она не может непосредственно одобрять существующий общественный строй, но в то же время и не располагает

возможностью противостоять ему. Таким образом, в своей регулирующей роли религия стала нейтральной, отвлеченной, бездейственной, исключая случаи, когда она обладает постоянной самостоятельной политической экзистенцией, как, например, в Польше или — временно — в отдельные периоды развития социалистических обществ. Ослабление и оттеснение на задний план религиозной регуляции исходят не столько из зрелости саморегулируемого механизма социалистического общества, сколько из того, что религиозный механизм теряет свою социальную почву. Там, где в регуляционном механизме социалистического общества возникают затруднения, речь идет о действии не столько религии, сколько прежде всего светски-гражданских идеологий.

Что касается коммуникативной функции, остатки феодализма, признаки малоразвитости проявились в этом аспекте сильнейшим образом. Изолированность провинции, высокий процент крестьянства в населении, наличие многих видов малоквалифицированного труда, даже традиционный уклад семейной (личной) жизни в городах, как признаки недавно преодоленного полufeодального капиталистического строя, означают одновременно слабость реальной коммуникации в обществе, недостаток социального общения; люди в своей относительно изолированной, оторванной от общестvenности жизни нуждались в фиктивной коммуникации (общении) — в «популярной логике» религии. Этим объясняется традиционное господство религиозной морали в частной жизни, преобладающие формы религиозных праздников, сопровождение религиозными обрядами важнейших событий в жизни (рождение, свадьба, смерть) и т. д. Поэтому с точки зрения коммуникативной функции религия в довольно серьезной мере сохранила свою роль и после социалистической революции: ведь ее вышеупомянутая «земная основа» преодолевается не одними лишь политическими и культурными мероприятиями, но также — и прежде всего — на основе глубоких социально-экономических преобразований.

Развитие религии в странах Восточной Европы имело свои особенности. Здесь не было «классического» расцвета буржуазного атеизма в XVIII—XIX веках и возрождения и модернизации религии в XX веке. Ее

исторический путь был более прямолинейным, беспрпятственным, влияние церкви — более сильным и продолжительным, чем в Западной Европе. Религия приходила в упадок, по существу, только с переходом к социалистическим преобразованиям, хотя этот процесс и шел с тех пор бурными темпами. Особенностью исторического развития религии поэтому явился глубокий социально-психологический перелом в сознании масс: сам процесс секуляризации, происходящий вполне стихийно и потому выглядящий как само собой разумеющийся в Западной Европе, в том числе и для верующих, в странах Восточной Европы означал для религиозных масс нечто поразительное, необыкновенное. Этим объясняется сильная политическая напряженность, сопровождающая процессы секуляризации, чрезвычайная близость церкви в первые годы социализма к антисоциалистическим и даже антидемократическим силам. В этот период вопрос о религии неизбежно был в первую очередь политическим, однако сохранение этого политического аспекта, как преобладающего, и соответствующее применение административных мероприятий в дальнейшем развитии социалистического общества оказались излишними и даже вредными для распространения атеизма. При этом бывшее «отставание» этих стран в области борьбы с религией имело и свои положительные стороны, а именно: религия, прежде располагавшая монополией в области духовной жизни, не привыкла к дискуссии с атеизмом, государственная поддержка религии в прошлом, по сути дела, исключала атеистическое просвещение и пропаганду, тогда как в Западной Европе в многовековой борьбе с рационализмом и атеизмом религия уже была достаточно вооружена против них. Таким образом, стали возможны первые, быстрые и блестящие успехи атеизма, достигнутые в значительной мере за счет развития просвещения и «просветительной» пропаганды; отсюда-то и проистекает нередкая еще абсолютизация этого просветительского метода, о теоретических следствиях которого мы говорили в начале статьи.

Сам тот факт, что социализм «наследовал» от предыдущих периодов значительную массу религиозных людей, не «затронутых» ни буржуазным атеизмом, ни современной модернизацией веры, определял контуры

отношения социализма и религии. Вера в своей традиционной форме и сама сохраняется традицией. Стало быть, было бы легкомысленно говорить, будто существование религии в странах Восточной Европы является лишь вопросом смены поколений, то есть просто утверждать, что если старое поколение воспитывалось религиозным в условиях довоенных режимов, то молодое поколение в нашем обществе «само собой» станет атеистическим. Правда, условия жизни нового поколения коренным образом изменились, но все-таки как при этом объяснить наличие молодых верующих? По форме это наследственность между поколениями (религиозные родители воспитывают религиозных детей; вне семьи, вне непосредственно родственных связей вера передается значительно реже). Но по содержанию нам надо видеть причины этого в малоразвитости отдельных сторон структуры социалистического общества: унаследованные черты общественной отсталости, данная и все еще не ликвидированная непропорциональность производственной структуры, традиционная, не вполне еще преодоленная мелкобуржуазная жизнь провинции и т. д.— все это воспроизводит общественную потребность религии, хотя и в чрезвычайно узких границах. В определенном смысле это и проблема поколений, но лишь постольку, поскольку формы их деятельности и уровни образованности репродуцируются во все меньшей и меньшей степени. Там, где вследствие изолированности и ограниченности индивидуума воспроизводятся прежняя дистанция между индивидуумом и обществом и противоречия между ними, возникает и потребность в религии как потребность в фиктивном объединении. Из унаследованной классовой структуры при отсутствии буржуазии вытекает то, что религия существует в нашем обществе в первую очередь в обыденных формах, в коммуникативной функции. В определенном смысле можно сказать, что в социалистическом обществе религия оттеснена в сферу частной жизни, моральной мотивации, где ее существование обусловлено известными недостатками социалистической морали, точнее, недостаточным ее усвоением теми или иными слоями и лицами.

В этом сохранении коммуникативной функции религии, по нашему мнению, внешние факторы, то есть политическое и идеологическое влияние капитализма, не

играют решающей роли именно в силу традиционности ее социально-психологических корней, ее связанности с относительной изолированностью индивидов внутри общества. Это влияние капитализма более чувствуется в светских идеологических формах, хотя состояние «холодной войны», угроза новой мировой войны как косвенные факторы также консервируют религиозное сознание людей. Что касается непосредственных форм внешнего влияния, это в большинстве случаев модернизированные формы религии, но — как уже говорилось — в результате исторических особенностей этот интеллигентский, с наукой связанный вариант играет у нас гораздо меньшую роль. Однако это не означает, что образованность и вера при социализме исключают друг друга, хотя в первые годы социализма эта мысль формулировалась, потому что устранение религии шло параллельно с увеличением образованности, с повышением культурного уровня масс. Этот период уже прошел, в наши дни атеистическая пропаганда стала более сложным делом, и нам надо признать, что мы еще недостаточно исследовали, в какой мере влияет религия на образованных людей, насколько возможно превращение традиционных форм в модернизированные, то есть может ли более или менее широко внедряться этот интеллигентский вариант религии при социализме вместо ее обыденной формы и наряду с ней.

* * *

Повторяем, в настоящее время полную картину положения религии и состояния религиозности могло бы дать лишь широкое социологическое исследование. В нашем теоретическом рассуждении мы наметили только главные тенденции и не хотели ни забегать вперед, делая излишним такое исследование, ни предписывать ему обязательные установки. Некоторые проблемы такого исследования уже видны. Так, необходимо конкретно определить мотивацию религии, связанную с общественной структурой и структурой поколений, направленную на внешние формы (заключение брака, обряд похорон и т. д.) и субъективное, личное удовлетворение. При этом, можно надеяться, будет возможен дальнейший значительный шаг вперед в этой области. В нашем анализе мы стремились продемонстрировать лишь, насколько модифицировались рели-

гнозные потребности и функции, насколько она была потеснена в условиях социалистического общества; мы пришли к выводу, что религия еще сохраняет свои позиции — хотя и с меньшей яркостью, но с тем большим упорством — прежде всего в осуществлении коммуникативной функции.

В связи со всем этим можно сказать, что по сравнению с задачами борьбы против буржуазной идеологии во всех ее видах и формах проблема религии при социализме вообще имеет второстепенное значение и приобретает первостепенную важность лишь тогда, когда в религии ищут опору антисоциалистические силы.

Мы не можем дать прогноз относительно конкретных условий и времени преодоления религии. В сфере обыденного мышления и частной жизни религия все еще упорно защищает свои позиции, стремясь укрепиться и в социалистическом обществе. Именно поэтому нам кажется, что в историческом процессе преодоления религии при социализме центральная роль принадлежит не столько конфронтации с религиозной идеологией и диалогу с верующими людьми, сколько массовому осознанию изменившихся условий жизни, популяризации знаний (прежде всего об обществе). Это стратегическая программа преобразования сознания на длительный период времени; тактической же программой может и должна быть для марксистов их дискуссия с представителями христианства, сотрудничество с ними в разрешении определенных вопросов общественного развития, например в борьбе за мир и т. д.

Осознание наших задач на длительный период времени не может мешать осознанию непосредственно стоящих перед нами задач и последовательному их осуществлению. Однако нам необходимо понять и то, что борьба со светскими вариантами буржуазной и мелкобуржуазной идеологии обладает бóльшим значением в наши дни и будет обладать им в течение длительного исторического периода. Религия же представляет собой более ограниченную форму отчуждения и потому в процессе исторического развития будет во все большей и большей степени оттесняться на задний план по сравнению с другими, более развитыми формами.

Итак, из всего сказанного вытекает предположение, что религия как традиционное, в ранних исторических периодах преобладающее, в наши дни уже во многом устаревшее выражение отчуждения все больше будет переходить в область только сознания, становится «чисто религиозной» идеологией, и, по всей вероятности, исчезновение религии произойдет раньше исчезновения других, более развитых, светских идеологических форм превращенного сознания в мировом историческом процессе преодоления отчуждения. Нашу деятельность мы должны приспособлять к этой исторической перспективе, должным образом освещая наши непосредственные задачи, связанные с вопросом о будущем религии.

Печатается по журналу «Вопросы философии», 1969, № 2, стр. 97—106.

ЯН ГУРАНОВСКИЙ

«ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЕЛОВЕК»

«Четвертый человек» был открыт и описан католическим священником Робертом Давези в книге «Улица в церкви», изданной после бурного парижского мая 1968 г.¹ Таким образом, типология христианских позиций, предложенная взбунтовавшимся иезуитом Франсуа Рустаном, оказывается обогащенной и усовершенствованной. «Четвертый человек» — это христианин, стремящийся произвести революцию в церкви, маленький коммунист в церковной ризнице (*petite communiste de la sacristie*), как его язвительно определил ультраконсервативный кардинал Оттавиани.

Появление на исторической арене «четвертого человека» не было для иерархической церкви чем-то сверхнеожиданным. Это новое бедствие уже давно предчувствовали наиболее вдумчивые писатели и наиболее прозорливые сановники церкви.

Сам Павел VI, еще будучи епископом Милана, отмечал с беспокойством в одном из своих папских

¹ *Robert Davézies. Mai 1968. La rue dans l'Eglise. Paris, 1968.*

посланий: «Вера представляется поколебленной не только в результате происшедших с течением времени радикальных перемен в понимании жизни у нашего народа, ведущих к другой жизненной концепции, которая может быть охарактеризована лишь при помощи двусмысленного термина «прогрессизм», а следовательно, концепции, которая уже не является христианской и католической»¹. Некоторое время спустя в другом своем выступлении Павел VI с неменьшей пронизательностью определил, что существенная причина этих перемен заключается в специфической роли рабочего класса в современном мире, в том числе и в Италии. «Мир труда,—подчеркивал Павел VI,—оказывает сегодня решающее влияние на судьбы страны, на жизнь христианского народа. И дело формирования (современного сознания рабочего.—*Авт.*) стало очень трудным, а порой необычайно трудным для церкви»².

Корифеи современной христианской мысли, видные философы, также высказываются в том же духе, обнаруживая угрожающие для самого существования церкви последствия перемены, происходящих в поведении и сознании масс.

Жак Маритэн, напуганный всеобщим слепым увлечением действием, техникой, организацией научных исследований, движением масс³, цитирует святого Петра: «Ибо придет время, когда отвернутся от здорового учения»,—и повторяет вслед за евангелистом Иоанном: «Мир дурной, я ручаюсь, что он дурной». Почтенный Габриэль Марсель пишет к одному из руководящих деятелей фашизирующихся ультраклерикальных правых кругов: «Боюсь, как бы не случилось так, что церковь трибунов будет стремиться противопоставить себя церкви святых... Многие уважаемые люди, которые помимо всего прочего являются еще и христианами и которые в результате известной пропаганды пошли по дурному пути, воображают, что то, что я называю церковью трибунов, на самом деле является церковью нищих, иначе говоря, христовой

¹ Message du 11 août 1963. «Documentation Catholique», septembre 1963.

² Allocution de SS Paul VI à des aumôniers des ACLI. «Documentation Catholique», août 1963.

³ Jacques Maritain. Le paysan de la Garonne; un vieux laïc s'interroge à propos du temps présent. Paris, 1966, p. 338.

церковью. В связи с этим доходят до утверждений, что церковь была продажной, что она была гигантским обманом, из которого извлекали пользу господствующие классы, и что сегодня надеются положить этому обману конец. Вот почему все, как по команде, начинают по-марксистски перечитывать историю, и — что просто кажется невероятным — многие священники считают возможным подписываться под подобной интерпретацией»¹.

Теологи, напуганные вторжением невежественного безбожья в сферу священного, селятся дать интерпретацию «истины веры» при помощи современного языка, чтобы таким образом примирить в сознании христиан радикальные нити рефлексии с конформизмом в отношении соответствующих институтов и идеологии. Попытки преодоления кризиса порождают теологию кризисного периода, получающую нередко поразительно изощренное выражение. Целые штабы специалистов развивают ажурные построения «теологии земных действительностей», стремясь интерпретировать в христианском духе, а следовательно, «освятить» и тем самым уберечь от «деструктивного» атеистического воздействия секуляризационные процессы, революционную эмансипацию человека и, наконец, саму революцию².

Все это, однако, если верить заключению недавно скончавшегося иезуитского публициста Роберта Рукетта, дает в окончательном итоге очень посредственные результаты. Всяческие попытки перевести традиционные истины веры на язык, доступный современному способу мышления, писал он в одном из своих

¹ Письмо Габриэля Марселя к Жану Мадрану (редактору фашизирующих ультраклерикальных «Itinéraires») от 28 апреля 1965 г. цитируется по работе: *Michel de Saint Pierre. Ces prêtres qui souffrent*. Paris, 1966, p. 69—71.

² Из огромной теологической литературы, предпринимающей такого рода попытки, я назову лишь два источника: 1) *Gustave Thiels. Christianisme sans religion*. Paris, 1968. (Автор, католический теолог, является одним из пионеров самой концепции «теологии земных действительностей». Его участие в редактировании соборного документа о католической церкви в современном мире должно было быть особенно существенным именно в тех разделах соборной конституции, которые затрагивают эту наиболее деликатную и щекотливую для римско-католической церкви проблематику). 2) *Helmut Gollwitzer. Die marxistische Religionskritik und die christliche Glaube*. Motz Verlag, 1962, (протестант).

известных комментариев, посвященных занимавшей его проблеме кризиса религии, чреватой опасностью изменения самой сути этих истин, что впоследствии может привести к подрыву прочной веры у священнослужителей и даже у некоторых епископов¹.

* * *

«Первый человек»-христианин должен был быть вполне удовлетворенным традиционализмом церковных структур и анахроническими стереотипами церковного «учения». На пороге седьмого десятилетия нашего века следы «первого человека» приходится искать в инертной массе отсталых представителей так называемого социологического католицизма. Революционные перемены на территории Европы, некогда представлявшей для традиционного «опиума народа» неисчерпаемый резервуар сил в лице темного и забитого крестьянства; национально-освободительные движения, приведшие к подлинному расцвету нового национального, социального по содержанию, сознания народов Латинской Америки, Африки, Азии и создавшие катастрофический для христианства вакуум вокруг его миссии; наконец, грубое и неумолимое выталкивание процессами урбанизации беднейших масс крестьянства из традиционных очагов примитивной веры в Европе, таких, как Южная Италия или Испания, предопределяют окончательное и неотвратимое крушение этой консервативной формации.

Таким образом «первый человек» становится реликтом прошлого. Это уже настолько очевидно, что сами светила современной церкви не делают из этого секрета: серьезные публицисты и теологи говорят сегодня об агонии церкви, а сам папа заявляет об ее распаде. Да, действительно, католицизм распадается, говоря словами святого отца Буера, «и в солнце эволюции и революции *iam foetet*»². Комментатор като-

¹ *Robert Rouquette. Une Eglise réformatrice, le premier Synode episcopal. «Etudes», décembre 1967.*

² «*Lumière et vie*», май — июнь 1969 г. Эти слова взяты из редакционного предисловия, предпосланного этому номеру и посвященного в целом проблеме кризиса религии и церкви в современном мире. Выражение *iam foetet* (уже разлагается) заимствовано из памфлета французского проповедника Буера под названием «*La décomposition du catholicisme*» и относится к послесоборной церкви.

лического издания «*Signes du temps*» выражает даже убеждение в том, что похороны традиционной католической церкви являются свершившимся фактом, и, провожая в могилу заслуженный институт, никто из христиан не скажет ему «до свидания», так как знает, что единственным, соответствующим ситуации словом является уже только «прощай»¹.

«Второй человек» появляется, следовательно, в католической церкви, пораженной коррозией. «Напрасно произносятся слова «мир божий», когда не видно даже человеческого мира, а есть только случайно собранные, друг другу чуждые люди. Кризис церкви выражается здесь в отсутствии органического единства, всякой активности, всякой общности действия... Вспоминаются эти группки изгнанников, которые собираются в определенные сроки для общего повторения литургических выражений, и лишь иногда раздается там слово, напоминающее об утраченной отчизне и оживляющее надежды на ее обретение»².

«Второй человек» связывал свои чаяния с результатами II Ватиканского собора. Он надеялся, что церковь сможет приспособить свои «учения» к духовным и другим потребностям нового времени. Но по мере того, как ход событий все более противоречил его надеждам, он все громче и настойчивее высказывал свои пожелания такого рода изменений, и его охватывало все большее беспокойство. В конце 60-х годов директор католического журнала «*Lettre*» с горечью подытожил эти обманутые надежды. Трагедией современного католицизма, по его мнению, является то, что он внушает веру в миссию католической церкви как средства спасения мира и орудия освобождения человека, тогда как в своей конкретной действительности она представляется людям карикатурой. В состоянии ли вообще церковь вести разговор и прежде всего сумеет ли она достигнуть чего-нибудь существенного, пока пропасть между нею и современным человеком не станет непреодолимой? Не следует ли скорее согласиться с мнением, что суть проблемы коренится не столько в самом факте кризиса католической

¹ Z. Serrand. Adieux à une Eglise. «*Signes du temps*», 1969, № 5.

² См. высказывание Жана Мари Доменаха, директора католического издания «*Esprit*», в «*Lumière et vie*», цит. номер.

церкви, сколько в объективной невозможности преодолеть этот кризис?

За этими беспокойными вопросами «второго человека» кроется социальная проблематика современного мира. Что касается самой церкви, то она «представляется широким массам одним из существенных пунктов опоры социальной несправедливости. Сам кризис церкви можно рассматривать, впрочем, как следствие противоречий, возникших в ее лоне. Ибо эти противоречия выходят далеко за пределы узаконенной разнородности одной и той же веры, они являются выражением радикально отличных по существу концепций человека и общества. Вопрос о том, может ли церковь выйти из подтачивающего ее основы кризиса, отождествляется сегодня с вопросом, может ли быть преодолена та страшная сила инертности, которая связывает церковь с собственниками»¹.

«Третий человек» дал косвенный ответ на вопрос, что он думает о данной проблеме. Он просто покидает ряды общности, которая перестала быть общностью, в которой он чувствует себя отчужденным, наказы и наставления которой представляются ему лишены смысла, парализующими его активность и обедняющими его духовную жизнь. «Третий человек» уже ничего не ждет от институциональной церкви и ни на что не надеется. Традиционалистское упорство порождает у него отвращение, но и реформистские добрые намерения вызывают у него лишь снисходительную улыбку. Если даже в нем еще и сохранились какие-то христианские чувства, то он не захочет быть христианином иначе, как лишь живя за свой счет и на свою ответственность.

Иное дело — «четвертый человек». Как пишет о нем священник Давези, он остается в церкви, чтобы совершить в ней революцию, ибо церковь в ее нынешнем виде представляется ему до такой степени прогнившим институтом, что самое лучшее, что можно ей пожелать, — это смерти².

В религиозном воображении этот «четвертый человек» может предстать как новое воплощение человека

¹ См высказывание Жака Шатанье, директора католического издания «Lettre», в «Lumière et vie», цит. номер.

² *Ivon le Vaillant. La mort de l'Eglise. «Le Nouvel Observateur», 1969, № 240.*

sola fide, который не хочет уже далее терпеть гнетущее ярмо современных структур коррумпированной церковной системы. Старая антиномия, которая несколько веков тому назад разжигала оппозиционную ревностность молодого Мартина Лютера, во второй половине XX века как будто опять раздирает мистифицированную общность римско-католической церкви. «Четвертый человек» перестает считаться с иерархическими авторитетами. Он сумеет организовать забастовку в церкви, когда консервативный епископ решит перевести в другой приход слишком, по его мнению, радикального священника или викария. Он осмелится прервать окриками протеста проповедь проповедника-обскуранта, если тот оскорбляет его нравственное чувство или гражданские убеждения. Если «четвертый человек» является теологом, то он не побоится высказать публично мнение, что папа поступил бы более разумно, если бы отказался от произвольных решений и в таких случаях, как провозглашение новой энциклики, испрашивал бы предварительно совета и мнения епископов¹. Если «четвертый человек» является епископом — это кажется неправдоподобным, но уже и такое порою случается, — то он не скроет своего мнения, что, на его взгляд, нет надобности в существовании в дальнейшем крупных суперструктур иерархической католической церкви, хотя он признает без энтузиазма, что, видимо, какого-то минимума структур трудно было бы избежать...²

Что же удивительного в том, что «четвертый человек» не имеет желания ждать, пока высокие духовные авторитеты, штабы «исторических вероисповеданий» придут когда-нибудь к решению — если они вообще к нему придут — об объединении христианских церквей в одну «Христову церковь». Как грибы после дождя, по всей Западной Европе возникают товарищества взбунтовавшихся, такие, например, как голландская община «Шалом». Католики и протестанты, светские и духовные лица, игнорируя предостережения и наставления церковных авторитетов, собираются на совместные сходки по образцу раннехристианских «агап», на которых делятся друг с другом освященным

¹ Hans Küng. Portrait d'un Pape. «Le monde», 12.V 1969.

² Из интервью монсеньера Эрнста, епископа Бреди (Голландия), данного журналу «Témoignage Chrétien» (16.I 1969).

хлебом¹. Сам папа Павел VI и многие римские епископы усматривают в этом явлении грозное свидетельство недостатка дисциплины и надлежащего послушания церковным властям. Они неоднократно, хотя и безрезультатно, обсуждали такую практику. Накануне приезда папы Павла VI в Женеву католическому церковному руководству по этому вопросу была дана демонстративная отповедь. Как сообщала пресса, швейцарские католические молодежные деятели одни за другими публично заявляли о своем отказе от выполняемых ими функций в знак протеста против ригоризма римско-католической церкви, запрещающей им «единение с отлученными братьями».

Впрочем, это только одно из проявлений более широкого процесса, который был убедительно интерпретирован публицистом одного из французских еженедельников как постепенное разложение церкви. «Постепенно,— писал он о христианах 1969 г.,— они доходят до игнорирования папы и иерархии. По-видимому,— добавлял он,— такое отношение к церкви еще не есть всеобщее явление, но с каждым годом оно ширится»².

И действительно, процесс организационного распада католицизма прогрессирует. Новое с этой точки зрения явление представляют собой религиозные общины католиков, протестующих против иерархической власти. Католические священники, лишенные своим руководством права доступа к алтарю, отправляют церковную службу в частных домах за столами, покрытыми скатертью, пользуясь обычным хлебом и простыми кружками. Нередко случается, что те из так называемых священников-рабочих, которые нарушили заветы Ватикана, оказались по отношению к нему в «нерегулярном» положении, служат обедню за своим рабочим станком в рабочих комбинезонах, заменяя церковное вино фруктовым соком. Названный выше публицист определяет явление возникновения малых

¹ Среди многих такого рода групп, существующих на Западе, мы выделяем группу «Шалом», имеющую с января 1965 г. свое издание под этим же названием, в котором она излагает свою программу. Это издание возникло из соединения трех голландских изданий: двух протестантских («Jeugt en Evangelie» и «Vergaard mit alle Streken») и католического («Plein»).

² *Nicolas Boulte*. Les chrétiens de 1969. «Le Nouvel Observateur», 1968, № 215.

независимых религиозных общин как новую, невиданную ранее церковь. В Соединенных Штатах «Underground Church» является действительностью, с которой вынужден считаться епископат этой страны. В Италии в 1969 г. таких общин уже было свыше тысячи. Во Франции оппозиционное движение священников под названием «Echange et Dialogue» призывает низшее католическое духовенство положить конец тому положению клира и тем противоречиям, в какие их ввергло нынешнее состояние церкви.

Демократизация церкви, выборность верующими своих священников и епископов, ликвидация профессии священника, целибата — вот некоторые из требований этого движения. Оппозиционное движение священников включается в борьбу по вопросам, касающимся Всеобщей церкви. Оно выступает против папского главенства, против единовластия наместника святого Петра, домогается коллегиальной организации высшей власти в католической церкви и, больше того, отказа папы от всякой внешней пышности и от полномочий верховной власти. Приняв за чистую монету демагогию официальной католической церкви, объявляющей себя «церковью нищих», но, как известно, не стремящейся в целом к отказу от привилегий богатства сильных мира сего, «оппозиционеры» ратуют за возвращение католической церковной общины к организации и принципам евангельского христианства.

Аналогичные внутрицерковные требования выдвигают подобные организации взбунтовавшихся католических священников и в других странах, как, например, SOG в Австрии, Gogortasuna в Испании, Septuagint в Голландии, группы действия священников в ФРГ, группы подземной церкви в США. Эти движения и группы выделяют из своей среды штабы и согласовывают свои действия, выступая сообща на международной арене. Возникает Международное объединение священников, протестующих против структуры и идеологии иерархической церкви¹.

С теологической точки зрения это движение таит в себе зародыш грозного духовного мятежа. Его авторитетами являются не признанные доктора церкви,

¹ *Ivon de Vaillant*, цит. статья.

а современные протестантские теологи: Бонхёффер, Бультман, радикальная американская теология, известная под названием «теологии смерти бога». Бультмановский лозунг демифологизации христианской веры и бонхёфферовская дилемма: чем должно быть христианство в новую, безрелигиозную эпоху человеческой истории? ¹ — являются отправной точкой для новых размышлений, которые сам папа Павел VI вынужден был неоднократно публично осуждать как двусмысленные положения теологии современного неверия — постхристианизма и своеобразного морального нигилизма ².

Вполне понятны беспокойство и тревога папы. Эта «абсурдная теология» провозглашает смерть фундаментальных истин, на которых зиждется здание учения римско-католической церкви. Противопоставление религии и веры, заимствованное от Барта, но включенное в радикальные контексты субъективизированной до крайних пределов концепции отношения между человеком и богом, не оставляет никакого места для авторитета посредника в этом отношении, делая тем самым излишней всю «учительскую миссию» и институт римско-католической церкви. Бультмановская демифологизация, со своей стороны, приводит к неизбежному выводу об узурпаторских притязаниях церковного авторитета на исключительное право разъяснения «воли бога» людям и на роль земного орудия осуществления этой воли. Требование демифологичного прочтения священных писаний лишает иерархическую церковь текстуальной опоры для этих притязаний, нанося смертельный удар ортодоксальной экзегетике. Наконец, бонхёфферовский постулат об отказе от христианства потусторонних миров с раскрытием действительного положения современного мира, который уже не нуждается в боге ³, составляет опорный пункт

¹ См. Собрание писем Бонхёффера, изданное в томе под названием «Соппротивление и подчинение» (*D. Bonhoeffer. Widerstand und Ergebung. München, 1951*). Бонхёффер формулирует приведенную выше дилемму в теологическом стиле: как Христос может стать владыкой нерелигиозных людей.

² «Le Dieu est mort» — выступление Павла VI от 13 ноября 1968 г. излагаю по «Documentation Catholique», 1968, № 1929.

³ «Становясь взрослыми, мы тем самым обязаны признать наше действительное положение перед богом. Бог наказывает нас, чтобы мы знали, что мы должны жить как люди, которые

этой опустошающей христианские умы концепции, которая, правда, не осмеливается утверждать, что бог, как таковой, умер, но свидетельствует о том, что он умер в умах, психике и потребностях людей¹.

Эта нонконформистская теология усовершенствует и венчает нонконформизм в практической сфере. Указания церковной иерархии ставятся под сомнение так же, как и принцип ее самодовлеющего авторитета. Ригоризму традиционных структур и рутине традиционно понимаемого долга христианина противопоставляется субъективистский «профетизм». С его точки зрения оцениваются и осуждаются оппортунизм иерархической церкви и компрометирующие ее связи с миром власти и денег, высокомерие «единственных хранителей правды божьей», «единственной истинно Христовой церкви».

Критика с позиций «четвертого человека» выворачивает наизнанку традиционную форму миссии церкви: церковь, которая хотела бы «обращать» мир, сама прежде должна стать «обращенной» к этому миру.

Один из радикальных американских теологов якобы сказал, что если бы кто-нибудь пожелал информировать общественное мнение о симптомах смерти бога в современной культуре, он должен был бы выпускать бюллетень каждые три минуты. Проявления бунта в римско-католической церкви не достигли еще, правда, такой частоты. Тем не менее этому древнему институту наносится удар за ударом рукою «четвертого человека»: от созыва, наперекор иерархии, оппозиционного международного съезда священников до оппозиционного «антисинода» в Риме, от взбунтовавшегося прихода Изолотто до взбунтовавшейся голландской церкви, от неуважительного обращения «ты» в письмах к папе протестующих католических священников до забрасывания камнями автомашины наместника

доходят до того, что живут без бога. Бог, который есть с нами, является тем самым богом, который нас покидает (Марк, XV, 34). Бог, который позволяет нам жить в мире, не чувствующем гипотезы бога, является тем самым богом, перед лицом которого мы находимся. В лице бога и вместе с богом мы живем без бога». Цит. по французскому изданию указанного выше Собрания писем Д. Бонхёффера «Résistance et soumission». Lettres de capitivité. Genève, 1963, p. 118.

¹ См. выступление Павла VI от 13 ноября 1968 г. в «Documentation Catholique», цит. номер.

бога возмущенными христианами в Сардинии — такая сегодняшняя действительность католической церкви в мире.

Печатается по журналу «Вопросы философии», 1971, № 1, стр. 120—124.

НИКОЛАЙ МИЗОВ

ПРОЦЕСС ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕЛИГИИ И УПРАВЛЕНИЕ ИМ

Марксистско-ленинское религиоведение выполняет свою историческую миссию в борьбе за социальный прогресс, не только объясняя исследуемые им объекты, но и способствуя осуществлению научного руководства управлением социальными процессами. Это относится и к процессу преодоления, отмирания религии и религиозности людей.

Критика религии, которая не исходит из принципов марксизма-ленинизма, не имеет полноценного научного обоснования, не охватывает глобально религиозный феномен. Поэтому и вытекающие из нее атеистические результаты имели и имеют ограниченный, частный характер. Подлинно научная критика религии и особенно *научное* управление процессом ее преодоления и отмирания начинаются с появления и утверждения марксизма и разворачиваются с огромной силой с победой социалистической революции, в процессе построения нового общества. Коммунистическая партия, рабочий класс и социализм являются первыми общественными силами в истории человечества, которые не нуждаются ни в полном, ни в частичном религиозном обосновании, защите и регуляции. Марксистско-ленинскому религиоведению выпала историческая задача разработать цельную и завершенную теорию религии, а также социального управления процессом ее преодоления и отмирания.

Теорию управления процессом преодоления и отмирания религии можно рассматривать как часть теории социального управления, то есть управления социальными системами. Вместе с тем общие законы и принципы управления социальными системами нуждаются

в конкретизации, когда речь идет о разработке относительно самостоятельных, более частных теорий социального управления, каковыми являются, например, теория управления экономикой¹, теория управления военным делом² и др.

Религиозный феномен не является основным структурным компонентом социальной системы и не сопутствует всей ее истории. Более того, по мере его преодоления, отмирания социальная система получает новые относительно оптимальные возможности для эффективного функционирования и развития. Вот почему потребность создания научной теории управления процессом ее преодоления становится очевидной. При этом методологические требования общей теории социального управления предполагают разработку относительно самостоятельной религиоведческой теории управления процессом преодоления и отмирания религии.

* * *

Религия есть сложная динамическая система, обладающая способностью по-своему и своими средствами реагировать в определенных параметрах на изменения социальной среды, в которой она формируется, существует и развивается. И хотя религия социально обусловлена, все же, появившись и начав функционировать, она формируется и утверждается как относительно самостоятельная система в общественной жизни людей, способная к самонастройке, саморегулированию и своего рода «самоуправлению». В то же время религия должна быть исследована и как объект социального управления, которое имеет совсем иной характер, сущность и последствия по сравнению с ее «самоуправлением».

Управление религией в разных общественных условиях может быть направлено (по крайней мере главным образом) и на *сохранение религии в относительно твердо установленных параметрах*, к которым стремятся в принципе служители религиозного культа и богословы-традиционалисты,— таково, как правило, отно-

¹ См., например, Р. Янакиев. Характер и съдържание на теорията на социалистическото стопанско управление. «Икономическа мисъл», 1969, бр. 6.

² См. например, В. А. Бокарев. Кибернетика и военное дело. М., 1969.

шение к религии феодального государства (и большей частью буржуазных государств домонополистического периода). Оно может преследовать также цель известного *усовершенствования, модернизации религиозной системы*, когда последняя претерпевает определенную модификацию,— таково отношение к религии в современных буржуазных странах, обосновываемое в трудах богословов-модернистов и ряда буржуазных религиоведов — явных или завуалированных идеологов и апологетов религии в наше время.

Марксистско-ленинское религиоведение исследует не только явления религии, но и те возможности управления социальными процессами, которые способствуют преодолению и отмиранию религии, а вместе с тем — формированию и утверждению нового (научно-атеистического) мировоззрения, новых быта и морали, сознания и поведения трудящихся.

Религия не имеет абсолютно самостоятельной истории. Ее зарождение, существование, развитие, преодоление и отмирание обусловлены определенным кругом социальных факторов и причин, отмечает К. Маркс, когда пишет, что «ее истоки (религии.— Авт.) находятся не на небе, а на земле, и с уничтожением той извращенной реальности, *теорией* которой она является, она гибнет сама собой»¹.

Социальная обусловленность религии в каждый определенный отрезок истории общества позволяет выявить факторы и причины, которые ее порождают, поддерживают и развивают и устранение которых из общественной жизни ведет к ее преодолению и отмиранию. Управление этим процессом есть *социологическое управление процессом преодоления и отмирания религии*.

Конкретно речь идет о следующем. Существование, развитие и преодоление религиозного феномена определяются диалектическим единством двух линий детерминации — внешней по отношению к религии (взятой самой по себе) и внутренней. Вследствие этого структура и соответствующие специфические закономерности развития религии и религиозности людей имеют двупорядковую обусловленность и зависимость. Внешняя обусловленность и зависимость обладают

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 252.

определяющей ролью, поскольку без них вообще невозможно ни появление, ни существование какой бы то ни было религии. Следовательно, религию можно и нужно изучать, исследовать и определять в двух относительно самостоятельных аспектах — в социологическом и в специфически религиоведческом.

Социологическое исследование религии состоит в анализе ее связей с другими феноменами общественной жизни людей — с экономикой, политикой, моралью, бытом, культурой и т. п., а также и обратного влияния религии на эти феномены. Соответственно управление социальным развитием, изменение и усовершенствование различных компонентов социальной системы, в результате чего усиливается процесс преодоления религии и религиозности людей, можно определить как социологическое управление религией. Оно осуществляется посредством управления экономикой, политикой, моралью, искусством, бытом, культурой и т. д. «Атеистический эффект» достигается посредством изменений в материальной и духовной жизни людей, устранения социальных факторов и причин, поддерживающих существование религии.

Социологическое управление процессом преодоления и отмирания религии можно рассматривать как относительно самостоятельную систему, ориентированную на решение разных задач в различные исторические периоды развития общества, в связи с чем она пользуется различными способами и средствами и достигает различных результатов.

После победы социалистической революции, в ходе строительства новой общественно-экономической формации социологическое управление процессом преодоления и отмирания религии предполагает решение сложных и многосторонних задач — не только классово-политических, но и социально-экономических, организационных, нравственных, эстетических и т. д.

Ликвидировав частную собственность на средства производства и развивая высокопроизводительную технику в промышленности и сельском хозяйстве, новое общество преодолевает прежнюю зависимость людей от природы и особенно от общественных сил и стихий, которая порождает и поддерживает религию. Ликвидация основных социальных корней религии превращает ее в «дерево без корней», которое начи-

нает сохнуть и гнить. Постоянный рост материального и культурного благосостояния позволяет трудящимся уделять больше времени повышению образования и просвещения, культурному досугу и т. п., что способствует повышению их сознательности и ведет их к освобождению от всех и всяких (в том числе и религиозных) суеверий и предрассудков.

Разумеется, роль социологических законов и закономерностей в процессе преодоления и отмирания религии не следует абсолютизировать. Они функционируют именно как общие тенденции, однако их воздействие на сознание и поведение каждого отдельного религиозного лица, отдельной религиозной группы может быть различным. И это еще раз подчеркивает огромную роль субъективного фактора в реализации действия этих закономерностей, в достижении оптимального атеистического эффекта на основе социальных изменений в жизни трудящихся социалистического общества.

В связи с этим становится ясно, что социологическое управление не исчерпывает всех проблем разветвляющегося процесса преодоления и отмирания религии.

* * *

Известная относительная самостоятельность религии, ее способность существовать и развиваться — до известной степени и в определенных границах — по внутренне присущим именно ей как особому социальному явлению закономерностям служат основанием для вывода о необходимости формирования *специфического управления процессом преодоления и отмирания религии*, которое составляет особую часть социологического управления этим процессом, но имеет и свои дополнительные характеристики. Его задачи определяются конкретной системой и сущностью самой религии и религиозности людей, а также конкретной степенью развития и совершенства научного познания вообще, уровня познания религиозного феномена в частности. Цель этого специфического управления — дать тотальную критику религии, достигнуть сознательного отхода от религии ее последователей.

Задачи специфического управления процессом преодоления религии конкретизируются, например, в зависимости от *конфессиональных* характеристик, по-

сколько существует не религия вообще, а ее конкретные формы (вероисповедания, конфессии). Исследования показывают, что в Болгарии число последователей восточно-православного вероисповедания уменьшается как абсолютно, так относительно, тогда как абсолютное количество католиков и мусульман уменьшается при возрастании их доли среди верующих, а среди протестантов временно отмечается и абсолютный и относительный рост¹.

В определенной степени очерченные тенденции могут характеризоваться как относительно неизбежные, естественные. Православие является главным, самым массовым исповеданием в стране, наиболее весомым тормозом революционных преобразований в жизни и сознании масс. Поэтому вполне естественно, что атеистическая (теоретическая и практическая) деятельность велась раньше и до сих пор ведется прежде всего среди его последователей, и поэтому именно здесь достигнуты наибольшие результаты.

После православия по численности и социальной значимости в общественной жизни населения Болгарии стоит ислам, а затем католицизм. Отсюда и более слабая атеистическая (теоретическая и практическая) работа против них, а следовательно, и более ограниченные успехи атеизма среди мусульман и католиков. Однако тот факт, что число протестантов растет и абсолютно и относительно, требует особого объяснения. Среди его причин важное место занимает известная теоретическая и практическая небрежность в нашей борьбе против протестантизма.

Специфическое управление процессом преодоления и отмирания религии конкретизируется и по отношению к отдельным (основным и неосновным) структурным компонентам религии и религиозности людей. К сожалению, это вопросы, на которые до сих пор не обращается достаточного внимания в теории и практике атеизма. Дело же состоит в том, что религия как относительно самостоятельная система состоит из определенного комплекса структурных компонентов, взаимодействующих по горизонтали и вертикали².

¹ См. более подробно: *Николай Мизов*. Адвентистите у нас. София, 1972, стр. 4 и сл.

² См. более подробно: *Николай Мизов*. Методологически проблеми на атеизма. София, БАН, 1970, част трета.

В силу ряда исторически сложившихся обстоятельств, однако, конкретные формы *религии* и религиозности людей располагают различной функциональной нагрузкой своих структурных компонентов, и этот факт имеет существенное значение для конкретного содержания и направленности специфического управления процессом преодоления и отмирания религии.

Так, например, в православной религии у нас традиционно акцентировался и практически все еще акцентируется прежде всего ее культово-обрядовый компонент, в то время как ее концептуально-догматический компонент в большинстве случаев не получил значительного развития, не определяет содержания сознания верующих. Иначе обстоит дело в протестантизме. В нем очень сильно развит концептуально-догматический компонент, и этот факт обуславливает относительно высокую религиозно-идейную убежденность верующих протестантов.

Наличие этих существенных различий неизбежно требует развития более специализированного, то есть специфического, управления, учитывающего конфессиональные особенности и тем самым способствующего достижению оптимальной эффективности.

При этом надо иметь в виду и то, что основные структурные компоненты религии и религиозности людей являются также сложно структурированными, и их особенности в различных религиях во многом служат причиной того, что преодоление и отмирание религиозных явлений не протекает плавно, равномерно и с одинаковой эффективностью; к сожалению, этот факт не получил достаточного и систематизированного исследования и учета в теоретической и практической атеистической деятельности. Обычно, исходя из общих соображений, главное внимание обращают на идеологическую сторону и отчасти на концептуально-догматический компонент религии, оставляя в тени естественнонаучную критику и отрицание религиозной «теории».

Естественно, наличие подобных «белых пятен» в системе атеистической деятельности у нас снижает ее эффективность, не позволяет максимально использовать атеистические достижения современного естествознания и т. д.

Социологическое и специфическое управление есть две стороны общей системы управления процессом преодоления религии. Между ними устанавливаются, существуют и функционируют сложные диалектические связи и взаимозависимости.

Поскольку религия является прежде всего социально обусловленным явлением в общественной жизни, то естественно, социологическое управление занимает главное и определяющее место в общей системе управления процессом преодоления и отмирания религии. Это обстоятельство объясняет, почему Болгарская коммунистическая партия всегда акцентировала и акцентирует внимание прежде всего на общей борьбе за подъем материальной и духовной жизни трудящихся, резко критикует все и всякие попытки абсолютизировать борьбу против религии и религиозности людей.

В то же время социологическое управление само по себе не может обеспечить автоматического и полного преодоления и отмирания религии еще и потому, что изменения в общественном бытии не обуславливают автоматически изменений в общественном и индивидуальном сознании людей, включая и его религиозный аспект.

Обрисованное выше специфическое управление должно обеспечивать оптимальную реализацию тех возможностей преодоления религии, которые создает развитие социалистического общества, его материальной и духовной жизни. Оно способствует выявлению существующих «белых пятен» в системе социологического управления, поскольку полученные в его сфере результаты позволяют уточнить, в каких областях и в каком направлении нужно совершенствовать управление развитием социалистического общества в данном плане. Кроме того, специфическое управление приводит все большее число людей к освобождению от религиозных заблуждений, сознательному и активному участию в строительстве социализма, придает новые силы и ускоряет темпы развития и совершенствования нового общества.

Следовательно, когда изучается, исследуется и определяется диалектика социологического и специфического управления, нельзя надеяться только на установление определяющей роли первого, нужно раскры-

вать и роль специфического управления в развитии и усовершенствовании социологического управления процессом преодоления и отмирания религии и религиозности людей.

Более того, внимательное рассмотрение диалектики этих двух типов управления приводит к необходимости обеспечить определенную синхронизацию их функционирования, то есть к необходимости их оптимального развития на различных уровнях, по мере того как управление все более полно строится на научном познании социального развития вообще, религиозных явлений в частности.

До недавнего времени социологическое управление во многом опиралось на интуицию, на содержание общих планов социально-экономического развития страны, без достаточного учета специфических потребностей стимулирования процесса преодоления религии.

Так, например, территориальное размещение производительных сил исходило почти исключительно из экономических показателей, которые не всегда учитывали специфические с точки зрения нашей темы потребности социального развития. Поэтому некоторые географические районы страны с относительно массовой и сильной религиозностью (например, отдельные районы в Родопях и Северо-Восточная Болгария), хотя и требуют особых забот, развиваются недостаточно быстрыми темпами, особенно в промышленном отношении.

Естественно, эти и подобные им упущения и слабости были замечены партией и правительством, наметившими соответствующие меры для их преодоления. Не случайно новая программа БКП ясно требует осуществлять территориальное расположение производительных сил у нас с учетом «создания условий повышения эффективности экономики и достижения *гармоничного социально-экономического и культурного развития отдельных районов*»¹.

Отсутствие достаточной синхронизации между социологическим и специфическим управлением имеется и в других сферах нашей жизни. Здесь мы хотим отметить еще недостаточную синхронизацию между по-

¹ Програма на Българската комунистическата партия. София, 1971, стр. 51. (Курсив мой.— Н. М.)

строением материальной базы, подготовкой кадров, развитием соответствующих элементов духовной культуры и др. и необходимостью усилить систему атеистическо-бытовой деятельности с учетом создания социалистической обрядности и праздников, которые успешно заменят и разрушат религиозную обрядность и праздники, по линии которых религия и церковь имеют относительно широкие контакты и воздействие на определенные слои населения страны.

Решения ряда пленумов последних лет и особенно решения X съезда Болгарской коммунистической партии определяют исходные позиции научного обоснования и оптимально эффективного решения управленческих (социологических и специфических) проблем в области атеистической деятельности на нашей социалистической родине.

В период построения развитого социалистического общества в Болгарии управленческие проблемы приобретают все большую актуальность и социальную значимость.

Естественно предположить, что потенциальные возможности зрелого социалистического общества в деле постепенного освобождения от религии всех болгарских граждан будут успешно реализованы на основе систематической, упорной и творческой работы в области теории и практики управления процессом преодоления и отмирания религии параллельно с процессом формирования нового человека в социалистической Болгарии.

Печатается по журналу «Вопросы философии», 1973, № 7, стр. 77—82.

ОЛОФ КЛОР

ТЕНДЕНЦИИ ОТМИРАНИЯ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В ГДР

Процесс отмирания религии и церкви при социализме есть закономерное следствие общественного развития в целом — созревания производительных сил и производственных отношений, социальных и политических отношений, прогресса науки и культуры. Это, следовательно, не самодовлеющий, не изолиро-

ванный процесс; его протекание зависит в значительной степени от развития социалистического сознания вообще, от распространения научного мировоззрения, идей марксизма-ленинизма в особенности, что повышает требования к целенаправленному марксистско-ленинскому образованию.

Отмирание религии и церкви — длительный процесс. В новом обществе, по существу, ликвидированы основные социальные корни религии и церкви. Социализм для своего функционирования не нуждается ни в религиозной идеологии, ни в церкви. Но только с переходом к коммунизму религия и церковь отомрут окончательно. Следовательно, это постепенный процесс, временные рамки которого зависят от тех или иных исторических предпосылок в отдельных социалистических странах. Можно говорить лишь об относительной стихийности этого процесса, поэтому мировоззренческо-атеистическое образование и воспитание есть существенный элемент марксистско-ленинского образования и воспитания.

В настоящее время мы можем констатировать, что сознание и поведение людей в социалистическом обществе во все большей степени определяются реальными общественными условиями и потребностями, а также научным осознанием действительности — марксистско-ленинским мировоззрением; религиозность среди населения падает и одновременно качественно изменяется, испытывая влияние социалистического сознания; ослабляются связи людей с религиозными общинами (церковными приходами); уменьшается число людей, участвующих в церковной жизни, отправляющих церковные обряды.

Эти изменения в идейной и организационной областях приводят к тому, что религия и церковь оказывают все меньшее влияние на общественную жизнь, играют все меньшую роль в жизни людей.

Научный анализ процесса отмирания религии и церкви и обоснованные им задачи мировоззренческо-атеистического образования и воспитания в ГДР выдвигают в настоящее время перед исследователями ряд вопросов.

Как следует оценивать состояние и тенденции развития атеистического и религиозного сознания (особенно среди молодежи)? Существует ли непрерывный

рост атеистического и непрерывное падение религиозного сознания?

Каковы причины сохранения религиозности? Какую роль играют при этом изменившееся содержание и формы деятельности церкви и теологии?

Какие основные религиозные течения должна иметь в виду марксистская критика религии?

Какими должны быть сегодня содержание, форма, интенсивность научно-атеистической пропаганды?

Каково ныне соотношение сотрудничества марксистов и верующих, с одной стороны, и атеистической пропаганды — с другой? Против каких клерикально-политических течений, стремящихся препятствовать сотрудничеству, должна быть в первую очередь направлена марксистская критика?

Высказанные ниже соображения не могут дать, разумеется, полного решения этих проблем, но они могут помочь выяснению некоторых из них.

Если мы будем исходить из определяющей роли производственных, классовых отношений в процессе преодоления влияния религии и церкви, то мы вынуждены будем признать, что существенно различные социально-экономические структуры и классово-политические отношения в социалистических и капиталистических странах в течение последних десятилетий неизбежно должны были найти свое отражение не только в общественном сознании вообще, но также и в мировоззренческих позициях индивидов, в том числе и в отношении к религии и церкви.

Такой вывод недвусмысленно подтверждается эмпирическими данными. Процесс отхода от церкви проявляется, например, в ГДР и ФРГ совершенно по-разному:

	Неверующие		
	1946	1964	1972
ГДР	5,5%	31,3%	40—45%
	1950	1967	1972
ФРГ	3,6%	3,5%	менее чем 6,5%

Склонность к атеизму и отходу от религии, следовательно, в ГДР, во всяком случае, гораздо более значительна, чем в Западной Германии. Среди молодого поколения, которое в ГДР с самого начала воспитывалось в новых общественных условиях — условиях социализма, это различие проявляется еще отчетливее: если число молодых неверующих в Западной Германии соответствует их доле среди всего населения, то в ГДР уже к 1964 г. численность неверующих юношей и подростков возросла до 41,6%, а в крупных городах даже превысила 60%.

Однако в полной мере этот совершенно различный ход ослабления роли религии и церкви в ГДР и ФРГ станет ясным только тогда, когда будут проанализированы основные мировоззренческие позиции и само развитие мировоззренческо-атеистических и, соответственно, религиозных позиций.

В ГДР, по нашим оценкам, около 70—75% всего населения настроены нерелигиозно (это еще не значит, что они стоят на научно-атеистических позициях) и около 25—30% — религиозно. В ФРГ, наоборот, около 10% настроены нерелигиозно и около 90% верят в бога, в высшее существо¹. Отсюда следует вывод, что не нищета и невежество являются главными источниками религии, как это полагали домарксистские атеисты, и что марксово определение религии по-прежнему выделяет самое существенное: религия — это «вздых угнетенной твари», «опиум народа». Очевидно, что в условиях капитализма эксплуатация и угнетение, ненадежность существования, страх перед завтрашним днем, бесперспективность капиталистического общества, неясное общественное положение составляют причины того, что люди ищут духовной поддержки в религии.

Эти факты с весьма своеобразной стороны подтверждают, что общественное развитие в ГДР опережает действительность Западной Германии на целую эпоху. Поэтому нельзя прямолинейно сравнивать (ни

¹ «Was glauben die Deutschen?», München, 1968, S. 62—93. Процесс секуляризации в капиталистических странах состоит прежде всего в отходе от активного участия в церковной жизни и в возвращении веры к традиционному церковно-религиозному учению, а не в исчезновении религиозно-идеалистических установок вообще.

качественно, ни количественно) процесс относительной секуляризации, совершающейся в ФРГ, с процессом отмирания религии и церкви в ГДР, поскольку оба процесса происходят на совершенно различной общественной основе.

Религиозность среди молодежи ГДР составляет примерно от 10 до 20%, неверующие или колеблющиеся составляют от 80 до 90%. Проблему, подлежащую научному исследованию, я вижу в следующем: как этот процесс будет развиваться дальше? Можно ли ожидать у нас таких же темпов падения религиозности, какие наблюдались в два последних десятилетия? Если бы это случилось, то религиозное сознание среди молодежи полностью исчезло бы в течение 10—20 лет. Но такое предположение, наверное, было бы слишком оптимистическим. Конечно, число верующих среди молодежи будет падать и в дальнейшем, однако с уменьшением религиозных групп будет возрастать их стабильность и ослабевать восприимчивость к новым веяниям. На этой основе я могу предположить, что процесс отмирания религии, достигший в ГДР за последние 20 лет высоких темпов, будет постепенно замедляться. С другой стороны, число неверующих будет также возрастать лишь постепенно.

Проблема состоит в том, чтобы у подавляющего большинства населения, и особенно у молодежи, количественно и качественно поднять уровень марксистско-ленинского образования и превратить их отрицательную или же неустойчивую позицию в отношении религии в сознательно критическую и марксистско-атеистическую. Всякое пренебрежение воинствующим атеистическим образованием и воспитанием неизбежно ведет к сомнениям и колебаниям в основных вопросах мировоззрения, порождает также «нейтралитет» и может оказывать отрицательное влияние на другие аспекты социалистического мышления и поведения. Марксистско-ленинская атеистическая пропаганда для неверующих, следовательно, является важнейшей задачей. Сдвиги в соотношении верующих и неверующих должны быть учтены в атеистической пропаганде.

Остаются актуальными анализ и оценка причин существования религии и церкви при социализме. Относительно благоприятными предпосылками отмира-

ния религии и церкви в ГДР являются следующие обстоятельства:

переход к социализму происходит в индустриально развитой стране с высокой плотностью населения и высокой концентрацией промышленности;

марксистское рабочее движение с его теоретическими традициями и влиянием на массы стимулировало в Германии (особенно в 20-х годах) широкую пропаганду идей свободомыслия. После второй мировой войны была создана под руководством СЕПГ всесторонняя система политического и теоретического марксистско-ленинского образования. Социальные отношения и организация образования становятся относительно развитыми уже при капитализме, а в результате социалистического развития они быстро достигли качественно нового уровня.

Ко времени образования Германской Демократической Республики в 1949 г. религия как институт, характерный для классового общества, была в стране еще широко распространена и организована в церкви и религиозные общины (в ГДР в 1950 г. 92,4% населения еще были членами церкви). Самой распространенной церковью в ГДР является протестантская¹, которая и подвергается более интенсивному воздействию социалистических общественных отношений. Исторически сложившиеся религиозные и церковные обычаи и традиции как формы социально-психологической организации жизни населения могут быть преодолены лишь постепенно. Поскольку при социализме религия утрачивает свою официальную функцию, вера и принадлежность к церкви в значительной мере «приватизируются»; главным источником воспроизводства религиозного сознания стала религиозная семья. Ныне встречается сравнительно немного молодых людей, которые становятся религиозными вне семьи. Церковные обычаи и формы жизни, как и все обычаи, относительно стабильны; поэтому они еще существуют отчасти и тогда, когда религиозность исчезла (церковность и религиозность, таким образом, не полностью совпадают), например церковные праздники (рождество,

¹ Подавляющее большинство верующих принадлежит к 8 евангелическим земельным церквям, объединенным в 1969 г. в «Союз евангелических церквей ГДР».

пасха, троицын день) и торжественные обряды (крестины, церковные бракосочетания и похороны).

Обычаи и традиции сохраняются тем дольше, чем крепче организационно и идеологически сплоченнее являются церковные организации (это видно, в частности, на примере многих мелких религиозных общин). Однако одни лишь эти — главным образом исторические и семейные — обстоятельства все же не могут объяснить тот факт, что религия и церковь существуют уже несколько десятилетий после установления рабоче-крестьянской власти. Социализм вначале создает общие условия для отмирания религии (то есть новую общественную структуру). Но насколько всеобъемлющим будет этот процесс фактически, зависит от полноты развития всех сторон материальной и духовной жизни социалистического общества и ее воздействия на всех граждан. Закономерное развитие социализма — это процесс, в ходе которого отдельные стороны общественной жизни развиваются постепенно (с различной быстротой) и так же постепенно оказывают влияние на все большую часть населения.

Это значит, что еще длительное время в материальных условиях жизни и в сфере духовной культуры будут сохраняться элементы старого, которые могут (но не всегда) приводить к религиозному сознанию. Так, например, остатки частной собственности на средства производства (у частных ремесленников и торговцев) способствуют консервации мелкобуржуазной идеологии, которая вновь воспроизводит традиционные формы мышления и поведения в отношении религии и церкви (согласно переписи населения 1964 г., среди частных ремесленников, например, было лишь 12,5% неверующих).

Хорошо поставленная пропаганда атеистического мировоззрения должна ограничить сферу влияния этих факторов, но она не может отменить их действия. Это никоим образом не принижает значения мировоззренческого образования и воспитания. Напротив, конкретный анализ уровня развития социалистического общества показывает нам, какие существуют проблемы среди разных групп населения и каким должно быть содержание работы по мировоззренческому образованию и воспитанию в целях преодоления рели-

гии, за счет чего повышается эффективность научно-атеистического воспитания. Мировоззренческое воспитание должно быть частью идеологической работы, связанной с экономической и социальной жизнью, с развитием духовной культуры, поскольку религиозное сознание тесно связано со всеми условиями жизни индивида.

Известно, далее, что к религиозной вере могут привести (но не обязательно приводят) индивидуальные конфликты (одиночество, горе и скорбь, конфликты совести, страх смерти, сомнения в смысле жизни, неудачи в выборе профессии или в семье и т. д.), сопряженные по большей части с сильным эмоциональным потрясением. Не случайно церковь уделяет им большое внимание. Так, в ряде случаев церковь становится местом сбора недовольных — по разным причинам — своей личной жизнью, а иногда и обществом.

Существование капиталистического общественно-го строя одновременно с социалистическим обуславливает и соответствующее идеологическое и мировоззренческое влияние капитализма на социализм. При этом вся система буржуазной идеологии действует в направлении сохранения религиозных воззрений (антикоммунизм, антимарксизм, идеализм и мистика, пессимизм и проповедь бесперспективности, идеология неуверенности и кризиса). Кроме того, влиятельное общественное положение церкви в ФРГ (со всеми ее материальными, идеологическими и организационными возможностями) по разным каналам способствует сохранению роли религии в ГДР. Международные церковные организации (римский католицизм, экуменическое движение, Всемирный совет церквей и т. д.) также оказывают поддержку церкви в ГДР.

Особую роль в сохранении религиозно-идеалистического мировосприятия у части населения играет, разумеется, активная деятельность церковных организаций в самой ГДР. После того как в 50-е годы открытая борьба против социализма потерпела крах и были разорваны связи с реакционными силами в Западной Германии, в 60-е годы происходил процесс «приспособления» ко все усиливающимся позициям социализма в ГДР, поскольку все возрастающее число верующих трудящихся уже стало идентифицировать себя с социалистическим общественным строем.

Это «приспосабливание» церкви осуществлялось в разных областях, оно выступало как:

политическое признание социалистического государства — ГДР как реальности, составляющей одно из основных условий жизни христиан (правда, соблюдая «критическую дистанцию» или «критическое содействие», как полагают некоторые церковные лидеры);

преимущественная ориентация на молодежь и связанное с этим отмежевание от традиционных верований и теологических догм, то есть поворот к демифологизированной теологии (модернизму);

отход от крайней степени конфронтации с марксизмом и социализмом и ориентация на нейтрализм, плюрализм, конвергенцию, на идеологическое сосуществование;

акцентирование глобальных тем в области этики, искусства и науки по сравнению с чисто религиозными темами.

Все это было направлено на то, чтобы молодые люди, получившие научное образование в социалистической школе и одобряющие социалистический общественный строй, не ощущали ясно противоречия между наукой и религией, между общественным прогрессом и религией, между своими социалистическими установками и позицией церкви.

Модернизм и дифференцированность позиций теологии, а также попытки гибкого приспособления церкви к социализму, естественно, выдвигают перед научно-атеистическим исследованием и пропагандой разнообразные проблемы, требующие совершенствования философской и иной аргументации. Необходим точный анализ подчас быстро меняющихся позиций теологии и церкви, с тем чтобы атеистическая пропаганда, исходя из принципиальных позиций марксизма-ленинизма, оперативно решала актуальные проблемы и достигала необходимой эффективности.

Важная роль мировоззренческо-атеистического образования и воспитания в процессе отмирания религии и церкви определяется тем, что, хотя падение религиозности и церковности и является в конечном счете результатом объективных общественных процессов, оно не происходит стихийно: ход этого процесса существенно определяется планируемым непрерывным мировоззренческим образованием и воспитанием трудя-

щихся под руководством марксистско-ленинской партии. Поэтому еще Карл Маркс не без основания отметил в своем интервью газете «Chicago Tribune» в 1878 г.: «...*религия будет исчезать* в той мере, в какой будет развиваться социализм. Ее исчезновение должно произойти в результате общественного развития, в котором крупная роль принадлежит воспитанию»¹.

Чтобы найти правильный подход к атеистическому воспитанию, нужно исходить из главного противоречия, решение которого ускоряется развитием научно-атеистического мировоззрения. Это противоречие, на мой взгляд, существует, с одной стороны, между объективными общественными отношениями социализма, которые требуют, исходя из мировоззренческой основы, научного (марксистско-ленинского) подхода к решению всех проблем развития, а с другой стороны, еще существующим религиозным сознанием, которое не соответствует объективным потребностям вследствие признания сверхъестественного и подчеркнутого субъективизма, а поэтому и не может дать конструктивного решения общественных проблем.

По мере дальнейшего развития социализма религиозные люди будут все больше сознавать этот конфликт и искать пути к согласованию собственного мировосприятия с общественными потребностями. К. Маркс в предисловии к «К критике политической экономии» указывал на необходимость отличать «переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»².

При дальнейшем распространении научно-атеистического мировоззрения и мировосприятия следует поэтому обратить внимание на два аспекта:

каким образом осознают этот конфликт религиозные люди, то есть где лежит исходный пункт работы по образованию и воспитанию атеистического мировоззрения;

какие задачи нужно решить в области образования и воспитания атеистического мировоззрения, чтобы

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви». М., 1971, стр. 470.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

способствовать разрешению противоречия между общественным бытием и пережитками религиозного сознания?

Когда мы исследуем формирование атеистического мировоззрения людей, то в непосредственной мотивировке неприятия религии или материалистической позиции социально-экономические причины прямо не проявляются. В качестве мотивов, особенно у подростков, чаще всего приводятся аргументы, связанные с противоположностью науки (или же вообще знания) и религии. Отсюда следует, что научно-техническая революция и развитие производственных отношений приводят к материалистической мировоззренческой позиции или вызывают конфликт с религией прежде всего путем распространения естественнонаучных, технических и общественнонаучных знаний. Поскольку несомненно, что общественное бытие не может непосредственно изменять мировоззренческие установки индивидов, а действует опосредованно — через различные субъективные факторы, то масштабы распространения марксистско-ленинского мировоззрения, а тем самым и научно-атеистических установок будут существенно зависеть от качества и объема распространяемых научных знаний, от развития всего общественного сознания.

Новая протестантская теология, как известно, уже давно пытается избежать прямого конфликта между наукой и религией с помощью демифологизированной веры, причем она отбрасывает то содержание верований, которое находится в очевидном противоречии с данными науки (например, о небесном боге, о чуде, о потустороннем, аде, черте, ангелах и т. д.).

Это обуславливает изменение акцента и в атеистической пропаганде. Например, речь должна идти не о невозможности научного доказательства чуда, а скорее о несовместимости науки и веры вообще. Все большее значение приобретает критическое обсуждение выдвигаемых теологами тезисов о том, что наука и христианская вера якобы одинаково обоснованны, поскольку они представляют различные измерения мира, и наука должна знать свои границы; что вера и наука якобы не только совместимы друг с другом, но что вера является необходимым моральным и психологическим компонентом научной работы, так как только

христианская вера придает ученому необходимую уверенность в своей деятельности и необходимое сознание ответственности. В этом направлении и должна сегодня разрабатываться существенно более глубокая и тщательная контраргументация.

Следующая группа проблем, которым атеистическое исследование и пропаганда должны уделить значительно большее внимание,— это вопросы морали и этики. Они также связаны прежде всего с ориентацией новейшей евангелической теологии, которая избегает супранатурализма, почти не принимает участия в полемике против естественнонаучного познания и все более надеется укрепить авторитет религии в области моральных отношений, которые имеют особенно эмоциональную окраску. Разнообразные моральные проблемы и индивидуальные конфликты, возникающие у людей в социалистическом обществе, представляются церкви удобным исходным пунктом для идеологически-мировоззренческой инфильтрации. Главным здесь, безусловно, является вопрос о специфике морали как особой части духовной культуры, о путях научного осмысления и решения проблем морали. Христианские теологи утверждают, что наука не в состоянии решить существенные проблемы морали, так как речь идет-де о таком измерении человека, которое находится в компетенции веры, а не науки. При этом ныне выдвигается следующий круг проблем, считающихся особенно присущими христианской вере, и постулируются такие утверждения:

смысл человеческой жизни и бытия может быть раскрыт только верой;

негативное влияние научно-технической революции на общество и человека может быть компенсировано прежде всего христианским образом жизни;

человеческим отношениям при социализме якобы наносят вред планирование, абсолютизирование науки, принципа производительности и т. п., и только под знаком религии (бог как особая форма любви к ближнему, встречи с ближним) труд, образование, человеческое общежитие могут стать более справедливыми и гуманными («человеческий социализм»);

падению ответственности людей в обществе, на производстве, в науке только христианская мораль может оказать существенное противодействие.

Неоднократно подчеркивается также, что марксистская этика не в состоянии дать удовлетворительные советы и решения в таких человеческих ситуациях, как горе, душевное потрясение, одиночество, комплекс неполноценности, болезнь, старость, смерть.

Нельзя отрицать, что многие христиане выдвигают эти проблемы, исходя из искренней готовности активно участвовать в строительстве социализма. Мы, безусловно, позитивно оцениваем эту готовность. Но, конечно, нельзя не видеть, что эта готовность проистекает прежде всего из объективных реальностей и проблем общественной жизни при социализме, а не является относительно автономной, определяемой в первую очередь христианскими взглядами, как это субъективно может казаться многим христианам. Поэтому при исследовании этих проблем необходимо выявлять и разъяснять несостоятельность тех путаных взглядов, которые ведут к «христианскому социализму», а тем самым противостоят научному социализму.

В атеистическом образовании и воспитании, таким образом, проблемам морали, этики следует уделять значительно больше внимания, чем это делалось до сих пор. При этом надо учитывать и факт изменения акцентов в аргументации церкви. Однако главной задачей по-прежнему остается пропаганда марксизма-ленинизма как основы научной критики религии. В этой связи важно подчеркнуть два требования:

боевой атеистический характер марксизма-ленинизма должен постоянно проявляться при исследовании всех его существенных вопросов;

всегда должно обеспечиваться единство политических и мировоззренческо-атеистических высказываний.

Хотя здесь были затронуты лишь некоторые аспекты атеистического образования, воспитания и пропаганды, которые должны быть предметом обстоятельного и непрерывного научного изучения, однако совершенно очевидно, что при этом речь идет и об общих вопросах развития социалистического общества и социалистической личности. Мировоззренческо-атеистическое образование молодого поколения, осуществляемое марксистско-ленинской партией, Союзом свободной немецкой молодежи и особенно социалистической средней и высшей школой, играет существен-

ную роль в процессе развития мировоззрения. Всякая недооценка действенности атеистического образования и воспитания открывает дорогу стихийности, которая в современных условиях оказала бы тормозящее влияние на развитие социалистического мировоззрения. Это означает, следовательно, что только единство соответствующих объективных и субъективных факторов делает действительно эффективным научно-мировоззренческое воспитание, способствует отмиранию религии и церкви.

Печатается по журналу «Вопросы философии», 1974, № 3, стр. 147—154.

КРАТКАЯ СПРАВКА ОБ АВТОРАХ

АГ АТТИЛА — венгерский философ, научный сотрудник Института философии Венгерской академии наук.

БЕРЛИНГУЭР ЭНРИКО — Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии с 1972 г.

БЕСС ГИ — член Политбюро Французской коммунистической партии, директор Центра марксистских исследований при ЦК ФКП.

ГУРАНОВСКИЙ ЯН — заместитель главного редактора журнала «Человек и святопоглонд» («Человек и мировоззрение») — Польша.

ДЕЛЬГАДО АЛЬВАРО — член ЦК Компартии Колумбии.

ИБАРРУРИ ДОЛОРЕС — председатель Коммунистической партии Испании с 1960 г.

КАСТРО РУС ФИДЕЛЬ — Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, премьер-министр Революционного правительства.

КЛОР ОЛОФ — профессор, проректор по общественным наукам Высшей мореходной школы Росток-Варнемюнде.

КОРВАЛАН ЛУИС — Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили с 1958 г.

ЛОНГО ЛУИДЖИ — Председатель Итальянской коммунистической партии с 1972 г.

МАРШЕ ЖОРЖ — Генеральный секретарь Французской коммунистической партии с 1972 г.

МИЗОВ НИКОЛАЙ — профессор, заведующий секцией научного атеизма при Институте философии Болгарской академии наук, член редколлегии журнала «Философска мисъл».

МИЛЬЯС ОРЛАНДО — член ЦК Коммунистической партии Чили.

ПЬЕРАНТОЦЦИ ЛИБЕРО — итальянский публицист.

РОСАЛЕС ХУАН — аргентинский публицист, член редакционного совета журнала Компартии Аргентины «Нуэва эра».

СТОЙЧЕВ ТОДОР — доктор философских наук. — Болгария.

ТОЛЬЯТТИ ПАЛЬМИРО (1893—1964) — один из основателей Итальянской коммунистической партии, с 1926 по 1964 г. — Генеральный секретарь ИКП.

ТОРЕЗ МОРИС (1900—1964) — Генеральный секретарь Французской коммунистической партии с 1930 по 1964 г. В конце своей жизни — председатель ФКП.

ФОСТЕР УИЛЬЯМ (1881—1961) — почетный председатель Национального комитета Коммунистической партии США с 1957 по 1961 г.

ХОЛЛИЧЕР ВАЛЬТЕР — член ЦК Компартии Австрии.

ШТАЙГЕРВАЛЬД РОБЕРТ — член Правления Германской коммунистической партии.

ЯРОШЕВСКИЙ ТАДЕУШ — член ЦК Польской объединенной рабочей партии, заместитель директора Института философии и социологии Польской академии наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ВЕРУЮЩИЕ И НЕВЕРУЮЩИЕ В БОРЬБЕ ЗА МИР, ДЕМОКРАТИЮ И СОЦИАЛИЗМ	
<i>Морис Торез. ФРАНЦИЯ НАРОДНОГО ФРОНТА И ЕЕ РОЛЬ В МИРЕ. Из доклада на IX съезде Французской коммунистической партии. Арле. 25—29 декабря 1937 г.</i>	7
<i>Луис Корвалан. КОММУНИЗМ И РЕЛИГИЯ. Из отчетного доклада XII съезду Коммунистической партии Чили. Сант-Яго. 13—18 марта 1962 г.</i>	15
<i>Пальмиро Тольятти. КОММУНИСТЫ, КАТОЛИКИ И БОРЬБА ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ. Судьба человека. Лекция, прочитанная в Бергамо 20 марта 1963 г.</i>	16
<i>Луиджи Лонго. НОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЦЕРКВИ — БЛАГОДАТНАЯ ПОЧВА ДЛЯ ДИАЛОГА. Из доклада на XI съезде Итальянской коммунистической партии. Рим. 25—31 января 1966 г.</i>	29
<i>Луиджи Лонго. ИЗ РЕЧИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ. Карловы Вары. 24—26 апреля 1967 г.</i>	31
<i>Долорес Ибаррури. ИЗ РЕЧИ НА КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ. Карловы Вары. 24—26 апреля 1967 г.</i>	32
<i>Роберт Штайгервальд. ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ ДИАЛОГА МЕЖДУ МАРКСИСТАМИ И ХРИСТИАНАМИ</i>	34
<i>Ги Бесс. КОММУНИСТЫ И ХРИСТИАНЕ: ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА ВО ФРАНЦИИ</i>	49
<i>Фидель Кастро. ХРИСТИАНЕ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ. Из выступления в университете г. Консепсьон 18 ноября 1971 г.</i>	60
<i>Энрико Берлингуэр. ИЗ ДОКЛАДА НА XIII СЪЕЗДЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ. Милан. 13—17 марта 1972 г.</i>	65
<i>Роберт Штайгервальд. О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ДИАЛОГА МАРКСИСТОВ И ХРИСТИАН</i>	69
<i>Жорж Марше. ИЗ ДОКЛАДА НА XX СЪЕЗДЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ. Сент-Уэн. 13—17 декабря 1972 г.</i>	79

<i>Вальтер Холличер.</i> СВОБОДОМЫСЛЯЩИЕ В НАШЕ ПЕРЕЛОМНОЕ ВРЕМЯ	80
<i>Тадеуш Ярошевский.</i> СОЦИАЛИЗМ И ЛЕВОКАТОЛИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХРИСТИАНСКОГО ГУМАНИЗМА	92
<i>Тодор Стойчев.</i> МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДИАЛОГА С ВЕРУЮЩИМИ	105

ЕДИНСТВО ДЕЙСТВИЙ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

<i>Орландо Мильяс.</i> НОВЫЕ УСЛОВИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ КОММУНИСТОВ И КАТОЛИКОВ	119
<i>Хуан Росалес.</i> ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ И КРИЗИС КАТОЛИЦИЗМА	138
<i>Альваро Дельгадо.</i> МЯТЕЖНЫЕ ПАДРЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	153

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ

<i>Уильям З. Фостер.</i> Из книги: «ЗАКАТ МИРОВОГО КАПИТАЛИЗМА»	165
<i>Либеро Пьерантоцци.</i> ЭНЦИКЛИКА «ПОПУЛОРУМ ПРОГРЕССИО»	178
<i>Аттила Аг.</i> ОБЩЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ И БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ	192
<i>Ян Гурановский.</i> «ЧЕТВЕРТЫЙ ЧЕЛОВЕК»	209
<i>Николай Мизов.</i> ПРОЦЕСС ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕЛИГИИ И УПРАВЛЕНИЕ ИМ	220
<i>Олоф Клор.</i> ТЕНДЕНЦИИ ОТМИРАНИЯ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В ГДР	229
КРАТКАЯ СПРАВКА ОБ АВТОРАХ	243

Зарубежные марксисты о религии и церкви.
З-35 М., Политиздат, 1975.

246 с.

На обороте тит. л. сост.: Л. Н. Великович и Л. П. Курпакова.

Этот тематический сборник составлен из произведений зарубежных марксистов (деятелей коммунистических и рабочих партий, ученых, журналистов), статьи посвящены различным проблемам атеизма и религии. В материалах сборника получили освещение современное положение религии и церкви в различных странах мира, отношение к религиозным организациям со стороны коммунистических и рабочих партий, вопросы единства верующих и неверующих в борьбе за мир и социальный прогресс. В нем дается также анализ роли церковных организаций в современном мире, проявлений кризиса и новых тенденций в религиозной идеологии.

Издание рассчитано на пропагандистов, преподавателей и студентов, на всех, кто интересуется проблемами атеизма и религии

3 $\frac{10509-347}{079(02)-75}$ 269—76

**ЗАРУБЕЖНЫЕ
МАРКСИСТЫ
О РЕЛИГИИ
И ЦЕРКВИ**

Заведующий редакцией А. В. Белов

Редактор Т. И. Трифонова

Младший редактор Г. И. Жарикова

Художник И. И. Суслов

Художественный редактор В. А. Тогобицкий

Технический редактор А. Г. Виноградова

Сдано в набор 2 июля 1975 г. Подписано в печать 16 октября 1975 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 13,02. Учет-
но-изд. л. 12,66. Тираж 90 тыс. экз. А 00167. Заказ № 4683. Цена 49 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Моск А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

49 коп.

